

**ВЛАДИМИР
ЖУКОВ**

**ЗЕМНОЕ
ПРИТЯЖЕНИЕ
ЛЮБВИ**

Владимир Александрович Жуков

Земное притяжение любви. Сборник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29189840

SelfPub; 2018

Аннотация

Лирические рассказы, стихи и этюды.

Все дороги ведут не только в Рим, но и в солнечный Крым, щедро наделенный Богом неповторимой природой, живописными ландшафтами, вобравшими в себя степи, горы, леса, реки, озера, Черное и Азовское моря, охватившие лазурной оправой полуостров, точно названный чилийским поэтом Пабло Неруда орденом на груди планеты Земля.

Владимир Жуков

ЗЕМНОЕ

ПРИТЯЖЕНИЕ

ЛЮБВИ

рассказы, стихи, этюды

*Светлой памяти матери
Марии Климовны посвящаю.*

ПРЕКРАСНАЯ ТАВРИДА

Шестьдесят лет моя жизнь и творчество прочно связаны с прекрасной и благословенной Тавридой, воспетой Пушкиным, Чеховым, Грином, Куприным и другими замечательными мастерами художественного слова. Эта земля очаровывала и вдохновляла литераторов, живописцев, музыкантов, певцов, создавших великолепные шедевры мировой и русской культуры. И впредь есть и будет чистым, благодатным источником для вдохновения и творчества.

Подобно тому, как все дороги ведут в Рим, также они ведут людей, ценителей красоты и гармонии, в солнечный Крым, щедро наделенный Богом неповторимой природой,

живописными ландшафтами, вобравшими в себя степи, горы, леса, реки, озера, Черное и Азовское моря, лазурной оправой окаймившие полуостров, точно названный чилийским поэтом Пабло Неруда орденом на груди планеты Земля. Это особенно ощущаешь, находясь вдали от отчего дома, родной земли, по которой сделал свой первый в жизни шаг.

*О, как, порою, в суете напрасной,
Домой не можем отыскать пути,
Но все же в сердце вечно и прекрасно
Земное притяжение любви!*

Счастье родиться, жить и творить на этой земле, дарующей энергию для добрых дел, для созидания. Каждому человеку дорог и мил отчий дом, где перед взором распахнулась даль, зовущая от родного порога в дальнюю дорогу. Для меня таким заветным уголком, желанным причалом стали крымские села Красногвардейское, Новый Мир, Хлебное, Чапаевка и другие, расположенные на территории Советского района.

Первые литературные сочинения, наряду со статьями, лирическими рассказами, этюдами и стихами были опубликованы в районной газете «Приазовская звезда», в окружной Краснознаменного Одесского военного округа «Защитник Родины», в одной из войсковых частей которого довелось служить, а затем и публикации в крымских изданиях.

В данном сборнике представлены литературные произведе-

дения, написанные в пору моей юности и зрелости, опубликованные за период с 1968 по 2010 годы в газетах «Приазовская звезда» (пгт Советский), «Южная правда» (г. Николаев), «Защитник Родины» (г. Одесса), «Днестровская правда» (г. Тирасполь), «Победа» (г. Бендеры), «Крымский комсомолец» (г. Симферополь), «Слава труду» (г. Бахчисарай), «Заря коммунизма» (г. Джанкой), «Керченский рабочий» (г. Керчь), «Российский писатель» (г. Москва), «Крымские известия» (г. Симферополь) и в других изданиях.

Посчитал целесообразным включить в сборник статьи о близких мне по духу, мировосприятию природы замечательных поэтах XX века русском классике Сергее Есенине и испанском поэте и драматурге Федерико Гарсиа Лорке, живших в одну эпоху и трагически завершивших свой земной путь. Тем не менее, их великолепные, жизнеутверждающие творения будут восхищать еще не одно поколение ценителей изящной словесности, содержанием и гармонией формы.

Конечно, я не безучастен к творчеству Александра Пушкина, Михаила Лермонтова, Александра Блока, Владимира Маяковского, Ивана Бунина и других выдающихся мастеров художественного слова. Но именно с юных лет в мое сердце запали пронзительно светлые и искренние, богатые мыслями, чувствами и красками стихи Есенина и Лорки, в значительной степени, повлиявшие на мое творчество.

Великолепная крымская природа, замечательные люди вдохновляют на творчество во славу и процветание родного

края, сохранение и приумножение его исторических, культурных и духовных ценностей.

*Пусть в жизни вам сопутствуют всегда,
Давая светлым мыслям ускорение,
Поэзия прекрасного труда
И радость золотого вдохновения!*

*С добрыми пожеланиями
ваш Владимир Жуков*

СТАНЦИЯ ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

1

Взойдешь по тропинке, пересекающей по диагонали голубеющие поле овса, на пригорок и перед взором сразу откроется панорама села с его аккуратными, словно выстроенными для праздничного парада домами. Они утопают в зелени садов, сверкают на солнце покрытые шифером новые дома. Но кое-где сохранились саманные хаты с выгоревшей от летнего зноя и поблекшей от дождей, черепицей и дымовыми трубами. Их, свидетелей бурного времени, военного лихолетья, становится все меньше в моем родном крымском селе.

Стареют и уходят в мир иной односельчане, а вместе с ними ветшают и разрушаются дома, умирают, некогда шумевшие изумрудной листвой, тутовые деревья, больше знакомые

под названием шелковица. Ее черными, красными, фиолетовыми и желтыми ягодами по-прежнему лакомятся детишки, да и взрослые готовят вкусное ароматное варенье.

Когда-то в пятидесятые годы прошлого столетия, в соседнем селе Власовке жители занимались разведением тутового шелкопряда. Из его коконов, расплетая сотни метров тонких блестящих нитей по китайской технологии, изготавливали шелк. Старые дома из калыба (смесь глины с соломой), высокие шелковицы в центре села и полуразвалившийся колодец с деревянным срубом и бетонным желобом для водопоя животным – приметы старого уходящего мира, в котором осталось мое детство, юность с яркими ощущениями первой любви.

Много раз я останавливался на пригорке, глядел на село и дальнее поле, за которым сиренево-дымчатый полог неба соединялся с размытой в знойном мареве линией горизонта. Я видел, как над крышами сказочными каравеллами плыли пепельно-белые облака, как грохотами фонтанчиками по пыльной дороге теплые летние ливни. Особенно радовало босоную детвору, когда небо опоясывала семицветная радуга, а сверху, словно вытряхивая из облаков остатки влаги, моросил мелкий слепой дождик. Собравшись в хоровод, мы хором просили: «Дождик, дождик, припусти, дай гороху подрасти...»

Закатив по колено штанишки, я тоже бегал и сверкающим, как рыба чешуя лужам. А когда дождь затихал, то на

потревоженной глади воды колыхались перевернутые в этом огромном зеркале вниз крышами дома, деревья с кронами и верхушками, утонувшими в глубине.

Летели во все стороны сверкающие брызги, кольцами разбегались волны, и отражение близких предметов разрушалось на глазах. Весело, как выпущенный на волю красногрудый жеребенок, бежал я к высокой шелковице, где на отлогом берегу, заросшем травой, конским щавелем, лопухами и крапивой, столпилась малышня. Ребятишки пускали по воде бумажные кораблики, которые тут же из страниц старой школьной тетради изготовлял мой ровесник конопатый Вадька. С ним мы иногда ссорились, но и быстро примирялись, ведь часто приходилось защищать от соперников свою часть территории на единственной улице села. Тогда мы с ним и еще несколькими ребятами, постоянно были в меньшинстве, становились боевой дружиной.

Баталии с «противником» – ребятами, живущими на противоположном краю улицы возникали по разным, даже мелким поводам. Стоило, кому из ребят не поладить и начинались активные действия. В ход шли попавшиеся под руку мелкие камешки, вязкие, слепленные из глины комья. В смелости мы не уступали имеющим перевес в численности соперникам и считали бегство и плач самым большим позором.

Однажды Вадьке угодили кулаком в глаз. Он всю неделю глядел на меня свысока, гордясь своим синяком. Я помню,

как он огорчился, когда, взглянув в осколок зеркала, не обнаружил под глазом в честной драке обретенного синяка. Успокоился лишь услышав, что у нас еще будет не одна возможность отличиться в потасовках и получить суровые отметины. Они для нас имели такое же значение, как для воинов ордена и медали. Хотя имелись у нас и свои награды – блестящие крышки от стеклянных банок. Жестянки звенели на груди и бросали солнечные блики.

Ритуал награждения был торжественным и строгим – у высокого шеста, на котором ветер развевал квадрат красной ткани, хотя и у противника знамя тоже было красным, но мы их по законам войны называли белыми, а они, наоборот, считали нас белогвардейцами. Эта неопределенность также была причиной наших баталий, столкновений.

Задолго до появления всесоюзной военно-патриотической игры «Зарница» сельские ребята во всю играли друг с другом, не в лапту, как в старые времена, а в войнуху. Может потому, что отгремевшая с десятков лет назад война с фашистами, напоминала о себе не успевшими осыпаться и зарастить травой окопами с позеленевшими гильзами от патронов, металлическими осколками, обрывками телефонных проводов, касками и котелками на местах былых сражений. Саперы не успевали обезвреживать опасные «сюрпризы» войны.

Награды вручал Вадька на правах начальника штаба. От переполнявшей его гордости он задирал кверху свой утиный нос, подносил согнутую в локте руку к кое-где лакированно-

му козырьку фуражки, найденной в чулане полуподвальной хаты деда Леонтия. Мы завидовали приятелю, так как никто не имел такой военной фуражки с рубиновой звездочкой. Он хвастался, что не снимает ее с головы даже во время сна. В ту пору я тоже мечтал о фуражке или пилотке и портупее. Имея эту экипировку, я мог бы претендовать на роль командира и тогда бы Вадька не задира́л бы нос.

2

Зеленая, поросшая калачиками и одуванчиками лужайка возле высокой шелковицы, была нашим любимым местом. У толстого с серыми трещинами на коре ствола дерева лежал серый, слегка выбеленный лучами солнца камень-валун. От своей, вросшей в землю хатенки под черепицей приходил старик Леонтий. Он нам казался таким же древним, как и дерево. Spина его под старым военным френчем сторбилась. Дед опирался на посох. Садился на камень и подставлял спину жаркому солнцу, леча ревматизм, заработанный в сырых и холодных окопах под Сталинградом. Не спеша доставал из кармана вышитый кисет и высыпал на газетную полосу щепоть табака. Склеивал сигарку и закуривал, сошурив выцветшие некогда василькового цвета глаза из-под седых бровей. Сизый дым окутывал его покрытое сетью морщин лицо.

Мы с любопытством глядели на старика. Я знал, что

Вадька украдкой от родителей пробовал курить, спрятавшись за сараем и мне предлагал, но я отказался. Вспомнил, что однажды соблазнился и во рту было горько и противно.

– Деда, скажи, сколько лет этой шелковице? – спросил я у Леонтия. Он помедлила с ответом. Обратив на меня светлый взгляд, произнес:

– Кто его знает, Сашко, наверное, много? Сколько живу, столько и дерево растет. Тут прежде болгары-колонисты жили. А в соседнем селе – немцы еще с царских времен, когда после того, как Крым отвоевали у турок, началось его заселение.

Выкурив самокрутку, старожил медленно шел к своей приземистой хате, огороженной постаревшим от времени плетнем из лозняка, кустами шиповника и ежевики. В одичавших закутках возвышался со стрелами колючек чертополох с ярко-алыми, словно фонари, цветами. За обителью Леонтия находился небольшой сад, где вперемешку с душистыми антоновками и яркими, как девичьи губы, вишнями, росли одичавшие яблони, груши с мелкими кисловато-терпкими плодами и терновник с иссиня-черными ягодами. А в мае буйно зацветала сирень, склонив на плетень дымчато-ароматные гроздья.

Мы докучали старику: забирались в сад и лакомились плодами, собирали цветы. Большой куст белоснежной сирени рос у самого окна. Старик застал Вадьку за ломкой соцветий. До того снисходительно относящийся к нашему озор-

ству (плодов не жалко, только ветки не ломайте), на сей раз Леонтий рассердился. Тогда мы от него и узнали, что у старика был сын Сергей, который перед призывом в армию за два года до начала войны посадил сирень, а в сорок втором пришла похоронка о том, что он погиб смертью храбрых. Леонтий, хотя по возрасту не подлежал призыву, добровольцем ушел на фронт, вместо сына встал в боевой строй. Старик показал фотографии Сергея на стене возле иконы Святого Николая.

С фотографии на нас взирал веселый дядя в военной одежде с орденами и медалями на груди, настоящими, а не жестянками, как у нас. Мы поняли, что сирень дорога Леонтию, как память о сыне и больше не прикасались к гроздьям и другим ребятам велели не трогать.

Она благоухала и ветер доносил аромат до шелковицы, на верхушке которой в сплетении ветвей, расходящихся в разные стороны, находился наш наблюдательный пункт. Я поднимался по стволу, раздвигал ветки и подносил к глазам армейский бинокль с перекрестием координат, подаренный старшим братом Виктором. Сразу приближался стан противника, были видны его перемещения. Все бы так и продолжалось без перемен, если бы к дяде Петру ни приехала из Подмосковья племянница – бойкая Наташа. Да вот беда, дом дяди находился на территории противника. На девчонке было короткое голубенькое платье. Она мне очень понравилась, поэтому всю ночь строил планы, как вызволить принцессу

из плена.

Но утром эти мечты рассыпались, словно песочный замок, ибо я увидел, что «моя принцесса» вместе с недругами наступает на нашу территорию. Обида сжало мое сердце. «Ну, и пусть она на их стороне», повторял я помня, что слезы – позор для настоящего воина.

С той поры прошло лет десять. Много цветов отцвело и воды утекло. Выйдя из дома, я и теперь вижу высокую шелковицу, но уже не так отчетливо, как прежде. Мне, кажется, она стала ниже или потому, что я вырос, а ее обогнали и затенили другие деревья: клены, акация, грецкий орех. Давно уже нет деда Леонтия. На кладбище, на возвышенности у села Чапаевка, на могильном холмике стоит почерневший скромный деревянный крест. Возле его полуподвальной хаты, где никто уже не живет, за развалившимся плетнем, каждую весну в апреле зацветает сирень, а осенью опадают в пожухлую листву маленькие одичавшие кисло-терпкие яблочки. Там теперь играют в прятки другие мальчишки и девчонки. Я с грустью гляжу на резвящуюся детвору. Не знаю, куда забросила судьба начштаба Вадьку, он уехал с родителями. Но Наташка? Верно, сказано, что гора с горою не сходятся, а человек с человеком обязательно встретится. И эта встреча произошла неожиданно, как подарок судьбы.

На дворе царил тихий бархатный август. В садах крепко держался густой медовый аромат яблок. Среди переплетения веток и листвы виднелись краснобокие и желтые плоды. Я возвратившись из очередной командировки по селам района, шел по улице родного селения, в котором за последние шесть-семь лет появились новые улицы с домами из желтого ракушечника с шифером, а от саманных хат остались руины.

Скрипнула под рукой калитка. Ожили при спаде жары и приближении вечера, поникшие в палисаднике цветы, старательно ухоженные моей матушкой. В этом ей усердно помогали сестры-близнецы.

– Знаешь, кто приехал? Ни за что не угадаешь, – встретила меня вопросом одна из сестер и сообщила – Наташа.

– Какая еще Наташа?

– Угадай, – велела она и вышла в соседнюю комнату.

– Наташа, Наташа, – повторял я вслух, напрягая память.

И вдруг всплыла издалека обида на сероглазую девчонку, не понявшую моих добрых рыцарских намерений. « Это она, не мог же беспричинно ее облик проявиться в моей памяти», – подумал я с теплотой и надеждой в сердце.

Это действительно была она, таинственная москвичка. На следующий день я встретился с Наташей. С затаенной радостью глядел на стройную девушку в розовом платье цвета сказочного фламинго. Глаза у нее все те же серые, оттененные голубизной. В них появилась строгость.

– Здравствуйте, – улыбнулась девушка.

–Здравствуйте, Наташа, – ответил я и замолчал, смутившись.

–Как много здесь изменилось. Я часто вспоминаю наши детские игры, —призналась она. —Мы с вами ссорились, смешными и наивными были. Не правда ли?

Сказала и откинула рукою светлую прядь со лба.

–Да, – торопливо ответил я. Хотя это было и трудное, полуголодное детство, но по-своему, интересное время. Ведь в детстве, каждый человек, впервые открывающий для себя мир, художник.

Мы присели с Наташей на скамью под раскидистым грецким орехом возле калитки. В унисон нашим воспоминаниям оно прошумело широкими листьями.

– От дяди Пети я узнала, что вы отслужили в армии, а теперь работаете журналистом в газете, нарушила она паузу. Потом отыскала несколько номеров районной газеты и прочитала ваши статьи и стихи.

–И каково первое впечатление?

–Пока воздержусь от оценки, а то возгордитесь, – улыбнулась она. К тому же я по натуре технарь, не специалист в поэзии и мое мнение субъективно.

–Да, чрезмерная гордость, тщеславие ни к лицу,– согласился я. Если только человеком овладевает мания величия, то творчество угасает. Скромность, трудолюбия – посох на пути к достижению вершин.

– Я и не предполагала, что вы станете журналистом, – про-

должила Наташа. – Это же, так интересно встречаться с новыми людьми, писать о их делах, проблемах, удачах и огорчениях.

– Встречи с людьми, а общение, как заметил кто-то из философов, великое благо, духовно обогащают, делают зорче к событиям и явлением, требовательнее к себе. Но журналист – это слишком громко сказано, я всего лишь год, как работаю литературным сотрудником, а во время службы в армии печатался в окружной военной газете. И давайте, Наташенька, если не возражаете, перейдем на «ты», сделаем наш диалог теплее, ведь мы старые, не по возрасту, а по времени знакомства, друзья.

– Я согласна.

– Вот и прекрасно. А как твои дела складываются?

– Сплошные заботы. Это в селе жизнь течет плавно и размеренно, а в Москве она быстротечна, – сказала девушка. – Работаю крановщицей на заводе, а вечером учусь в МВТУ имени Баумана. Это очень престижный вуз, ежегодно среди абитуриентов большой конкурс. Я увлечена точными науками, поэтому успешно сдала вступительные экзамены. Лекции в аудиториях, семестры, конспекты, зачеты, экзамены. На личные дела не остается времени. Хотя это и есть личные дела.

– Не огорчайся, Наташенька, здесь на лоне природы отдохнешь от суеты городской жизни, – театральным жестом я вскинул руку.

– Торжественно, как в храме, – рассмеялась она.

– На время твоего отпуска готов стать гидом, – предложил я.

– Но здесь нет исторических достопримечательностей?

– Зато неподалеку есть пруд, в котором можно купаться, а на берегу загорать.

– Хорошо, начнем путешествие с посещения пруда, а то ведь жара, зной, – приняла она мое предложение и после паузы призналась. – Хотя в пору детства мы находились в разных группах и ссорились, но ты был достойным соперником.

– Давай мириться, – прикоснулся я к ее руке.

– Так быстро? – повела она тонкой бровью. – Прежде я погляжу, как ты себя поведешь, то может, придется продолжить бои местного значения?

– Хорошо, – принял я правила ее игры и спросил. – Ты любишь поэзию, стихи?

Она утвердительно кивнула своей прелестной головой и я, глубоко вдохнув воздух, старательно прочитал:

Только сердцу дорожке,

Только взору милей

Та девчонка, что может

Скоро станет моей.

— Похвальная самоуверенность, – улыбнулась она, слегка наклонив прелестную голову, и спросила:

– Кто эта девчонка?

–Вымышленный, символический образ. Есть же у Блока Прекрасная дама. Почему бы и мне вообразить прекрасную незнакомку, вдохновляющую на творчество. Без Музы-вдохновительницы жизнь лишена ярких красок , чистых чувств и гармонии.

– Да, пожалуй, любимые женщины стали стимулом для расцвета талантов многих поэтов, живописцев, музыкантов, певцов, актеров, – согласилась Наташа.

Девушку окликнул ее дядя Петр. Мы расстались, договорившись, что завтра я проведу Наташу к пруду, расположенному в трех километрах от села. Благо наступала суббота и я был свободен от журналистских дел.

4

Утро следующего дня выдалось солнечное, погожее. В небе на восток плыли белые, словно мраморные облака. В зелени высокой акации, растущей неподалеку от крыльца моего старого дома, слышалось пение скворцов. На верхушке среди сплетения ветвей находился скворечник. А внизу у штакетника разросся куст колючего шиповника.

В зелени резных листочков начинали краснеть плоды. Над крышами села, словно оранжевый бубен, плыло солнце. Я вышел на улицу и вскоре очутился возле дома Петра Егоровича. Открыл калитку и по дорожке, обнесенной кустами смородины, прошел к веранде. Дик меня встретил лаем, так

как вполне справедливо посчитал за чужака, ведь в обычное время я не захожу в этот двор. На его залиvistый лай вышел хозяин.

– Проходи, Сашко, – гостеприимно встретил он меня.

– Где Наташа?

– И чем она тебя приворожила? – хитро прищурил он глаза.

– Я обещал ей показать дорогу на пруд.

– Вот оно, что, – усмехнулся мужчина и почти шепотом, предупредил. – Ты там гляди, чтобы без глупостей и баловства. Наташке сначала надо институт закончить.

– Наташа, к тебе пришли! – крикнул он в приоткрытую дверь. Из глубины дома до моего слуха донесся шум ее торопливых шагов. Девушка предстала все в том же розовом платье.

– Привет Саша! – произнесла она и улыбнулась. – Значит, не забыл о своем обещании.

– Не забыл.

– Я готова в поход.

Она взяла авоську с пледом и свертком. Мы вышли за околицу села. По сторонам проселочной дороги зеленели плантации виноградников с белыми столбиками шпалеры. Через час пришли на пруд. Когда поднялись на земляную плотину, то перед взорами открылась прямоугольная заводь. На глинистом, с одной стороны пологом берегу росла люцерна и зеленой лужайке были рассыпаны ее сиренево-фиолетовые со-

цветия. Вблизи паслись лошади, а на противоположной стороне урчала насосная станция, качавшая воду по трубам на овощную плантацию. Лошади подходили к срезу воды и жадно тянули ее губами, утоляя жажду.

– Они, наверное, кусаются? – спросила Наташа, опасливо озираясь на животных.

– Конечно, коль есть зубы, – улыбнулся я и поспешил успокоить. – Но красивых и добрых девушек они не трогают. Поэтому тебе ничего не угрожает.

В отдаленном месте пруда резво плескалась детвора из ближних сел. Подростки выбегали на сушу и с разгона бросались в прохладу, вздымая искрящиеся в лучах солнца брызги. В нескольких десятках метрах от них под плакучей ивой расположились юные рыбаки с ореховыми и бамбуковыми удилищами.

Наташа расстелила на траве плед. Смущенно поглядела на меня. Потом, стыдливо отвернувшись, сняла с себя легкое ситцевое платье и осталась в темно-сиреновом купальнике, плотно прилегающем к ее стройному и гибкому телу. Оставляя на мокрой глине у среза отпечатки своих маленьких ступней, попробовала воду.

–Ой, холодная! – вскрикнула девушка.

– В начале всегда кажется холодной, – заметил я и смело бросился в пруд. Она, словно птица, взмахнув белыми руками, последовала моему примеру. Весело засмеялась, разметав на голове светлые, как лен нити волос. Сверкали брыз-

ги в спектре радуги, солнце обнимало ее ласковыми лучами. Девичьи глаза сияли, излучая восторг. Я впервые увидел ее такой необыкновенной и загадочной.

– Наташа, плыви ко мне, – тихо позвал я и удивился нежности своего голоса. В нем прозвучали ранее неизвестные мне нотки.

– Я плохо плаваю, к тому же вода пресная, а не морская, соленая, – призналась она и вышла на берег. Легла на плед. Солнце быстро сжигало капельки на ее теле. Я расположился рядом.

– Знаешь, что надо для быстрого загара? – спросила она.

– Наверное, с утра до вечера томиться на солнцепеке.

– А вот и нет, – она достала из сумочки маленький баллончик с надписью «Крем для загара». Нажала пальцем на колпачок, из отверстия вырвалась шипящая струя. Наташа растерла крем на коже левой руки. Я следил за ее тонкими пальцами.

– Хочешь испытать? – улыбнулась девушка, и я кивнул головой. Она направила струю на мою и без того загоревшую руку. Потом бережно провела своей нежной теплой ладонью. Я с радостью ощутил прикосновение ее пальцев.

– Ты, наверное, проголодался? – спросила она. – У меня в авоське ранние яблоки, смородина и овощи...

Она высыпала на плед припасы, мы немного утолили голод. Перед нами, отражая безоблачно высокое небо, блистал пруд, поблизости, фыркающая, паслись лошади.

С крутого склона с задорными возгласами спустилась ва-тага ребят. Полетели на траву сорочки, футболки, обувь. Среди них я увидел рыжеволосого с выцветшими бровями и веснушками на лице забияку Степку, сорви-голова.

—Кто там с тобой? — спросил он.

—Наташа, москвичка.

—Она красивая?

— Конечно, в столице живут красавицы.

Вскоре его внимание привлек красногрудый конь, пивший воду. Подросток осторожно подкрался к нему. Жеребец покосился на мальчугана, но, будучи стреноженным, не отпрянул в сторону. Дал себя погладить по шелковистой гриве. Было что-то по-есенински милое в этой картине: мальчишка и покорный конь, доверчиво склонивший голову с гривой к его рукам.

В стане рыбаков я заметил оживление. Доносились восторженные голоса. «Наверное, поймали пескаря?»— предположил я. Одному из мальчуганов, действительно, повезло. Когда я приблизился, то увидел на крючке сверкающего в лучах золотистого карася размером с ладонь. Снимая его, подросток с гордостью огляделся на обступивших его ребят.

— Давай меняться? — предложил я ему. Он недоверчиво взглянул на меня, и не найдя ничего в моих руках, спросил:

—На что будем меняться?

— На перочинный ножик.

— Годится, —согласился он. Я возвратился к своей одеж-

де, достал из кармана недавно купленный в городе ножик. Подросток с любопытством осматривал его, гладил перламутровую ручку, щелкал лезвием.

– Меняйся Ванька, не прогадаешь, – подбадривали его сорванцы.

– Лады, – по-деловому произнес мальчуган и поднял из воды садок из сети и отдал карася, которым решил удивить Наташу, пожертвовав ради этого ножиком. Пока я нес рыбешку, она, поблескивая чешуей, норвила выскользнуть из моих ладоней.

– Наташа, погляди, золотая рыбка.

Девушка перевела взгляд с книги на мои руки и в ее глазах вспыхнуло детское любопытство.

– Пацаны выловили. В следующий раз придем сюда с удочкой. Дарю ее тебе, моя сударыня, – сделал я широкий жест и положил карася на ее белую ладонь. Пусть она исполнит любые твои желания, но при этом не забудет и обо мне.

– Точно, золотая, – рассмеялась она, наблюдая, как радужно переливается чешуя. Карась жадно хватал воздух, трепетал.

– Что мне с ним делать?

– Аквариума у нас нет, поэтому на сковородку со сметаной или отнесем твоему Дику на ужин, – предложил я. – Может, тогда он станет покладистым и подпустит к твоему заветному окну.

– Зачем тебе мое окно?

–Я буду петь серенады. И может, быть ты сжалишься и пригласишь в гости на «огонек». Готов всю ночь тебя охранять.

–У меня уже есть надежный сторож, – погрозила девушка пальцем. Потом обратила взор на присмирившую, словно догадавшуюся о приготовленной ей участи, рыбешку.

–Жаль губить такую красоту. Давай не будем меркантильны и отпустим ее в родную стихию?

–Давай, только не забудь загадать желание.

Наташа поднялась с пледа и подошла к воде. Взмахнула рукой и карась, описав дугу, большой золотой монетой погрузился в воду. Девушка с чувством исполненного долга подошла ко мне.

–Загадала желание?

–Да, успела.

–Какое?

–Очень хорошее.

–Я в нем присутствую?

Она вместо ответа своей изящной рукой, великодушно отпустившей рыбу, взъерошила волосы на моей голове. От ее таинственно нежного участия теплой волной окатило мое сердце. Я уткнулся губами в ее горячее плечо, попытался обвить талию руками.

–Наташа, Натали..., – прошептал я и, загораясь, обнял ее за теплые плечи. Она выскользнула из рук и отбежала к воде.

–Если будешь приставать, то я попрошу рыбку, чтобы она

превратила меня в русалку.

–А меня в Садко, – нашелся я с ответом. Она возвратилась и продолжила чтение книги, а мне все время хотелось чувствовать на себе ее взгляд. Увлеченный, охваченный азартом, я поплыл на середину пруда. Она по-прежнему была поглощена чтением любовного романа. «Ну, взгляни, капризная девчонка, ведь я стараюсь для тебя», – умолял я, поднимая брызги взмахами рук. Серебристая рябь колыхалась перед взором, слепило замершее в зените солнце.

Прокричали над головой, наверное, прилетевшие с Сиваша, белокрылые чайки. Выпрыгнув из глубины, сверкнула золотистой чешуей рыба. Должно быть, зеркальный карп или карась. Я пожалел, что не догадался прихватить с собой удочку. Пробыв немного в теплой, словно парное молоко, воде, я вышел на берег.

– Ты так увлечена книгой, что ничего не видишь вокруг.

–Очень интересная повесть «Звездопад» Виктора Астафьева. Может, когда-нибудь читал?

–Нет, не довелось.

– Тебе обязательно надо прочитать, если ты сам увлечен литературным творчеством, – с жаром заверила она. – Замечательный писатель, романтик и лирик, сибиряк. Также прекрасно пишут Валентин Распутин, Василий Белов, Владимир Солоухин и Василий Шукшин... Впрочем, есть много талантливых прозаиков и поэтов, у которых тебе полезно поучиться мастерству художественного слова.

– Сейчас ты моя Муза и учительница, – ответил я и почувствовал прилив нежности. – Лучше скажи, как действует крем?

– Хорошо действует, – улыбка тронула ее губы. Я увидел, что кожа на ее ногах, руках и плечах порозовела.

– Гляди, сгоришь и превратишься в смуглую южанку.

– Чудесно у вас в Крыму, – сказала она. – Много солнца и простора. В больших городах человек теряется в суете повседневных забот. А в селе все на виду. Но все же я люблю Москву, ее пригородные поселки, родное Селятино, что на калужском направлении. Подмосковье, особенно его леса, березовые и сосновые рощи, прекрасны. Обилие грибов, ягод и цветов – ландышей, фиалок.

Она говорила восторженно и этот восторг переливался в мое сердце.

– Мне не приходилось раньше бывать в березовой роще, – честно признался я. – А в Старокрымском лесу растут сосна, дуб, орешник, кизил, хмель и терновник. Береза, рябина и калина – великая редкость и то, если их высадили лесники для экзотики.

– Мой поселок расположен прямо в лесу. Во дворах растут березы и сосны, – продолжила Наташа. – По железной дороге часто мчатся электрички и поезда. Поездка до Киевского вокзала, что в Москве, занимает не более часа.

Я постоянно ловил себя на мысли, что мне приятно слышать ее голос, даже не вдаваясь в смысл сказанного. Поду-

малось, что мы давно знаем друг друга и лишь по какой-то причине не смогли встретиться пораньше. Но промолчал о своем открытии, чтобы не спугнуть ощущение и очарование тайной близости. К тому же боялся, что мое признание прозвучит фальшиво. Пруд, резвящаяся детвора, в солнечном ореоле лошади – все для меня стало необычайно дорогим и милым, будто увиденное в первый раз.

5

В село возвращались, когда солнце покатилося к закату. Серой пылью покрылись цветы на обочине проселочной дороги. Безмятежными глазами взирали в выцветшее небо синеголовые васильки и с ними соперничали желто-белые ромашки, розовые соцветия душистого горошка. Угасали, роняя алые лепестки с черными каплями, маки. Много их полегло под жаткой во время недавней уборки урожая пшеницы, ячменя, овса и других злаковых растений.

Наташа сошла на обочину и нарвала букет из васильков и ромашек. Я помог ей в этом занятии. Она присела на придорожный выбеленный дождями и согретый солнцем камень. Отдельно разложила васильки и ромашки и принялась сплетать венок.

– Ты и венки плести можешь?

– Конечно, я ведь не в первый раз приезжаю к дяде в село, – ответила она. – Мы тогда с тобой были подростками и

ты меня не замечал. Заставлял волновать, ведь девочки, испытывая влечение, созревают раньше мальчишек.

– Глупый был, поэтому и не обращал внимания, – покаялся я.

Она быстро сплела венок и, расправив светлые шелковистые волосы, надела на голову.

– Ты, сказочная фея.

– Хочешь, и для тебя сплету?

– Нет если бы лавровый или терновый, тогда другое дело, – заметил я с намеком на трагическую участь поэтов.

В селе было пустынно. Лишь со стороны клуба плыли звуки грустного вальса. Я проводил Наташу до калитки дома дяди Петра. Залаял черный пес, высунув свою потешную морду из-под куста смородины.

– Дик, свои, – окликнула его Наташа, пес прибежал, доверчиво завилял хвостом.

– Вижу, что вы подружились?

– Он меня слушается.

Девушка стояла по другую сторону калитки. Отворилась дверь и из веранды вышел Петр Егорович. Взглянул на меня с подозрением.

– Голодом себя заморишь. На следующее лето братец Иван не отпустит тебя в гости, – пожурил он племянницу. – Обед, поди, уже остыл, тебя поджидая.

И строго взглянул на меня, предупредил:

– Ты, Сашко, парень шалопутный, а Наташа девушка сто-

личная. Смотрите мне, чтобы без разных шалостей и глупостей. Мне за нее перед братом держать строгий ответ.

– Дядя Петя, ну, что вы в самом деле, – упрекнула его Наташа и, обернувшись ко мне, тихо прошептала. – Спасибо.

– Это тебе, Наташенька, спасибо, – поспешно отозвался я, огорчившись, что не догадался первым поблагодарить ее за прекрасную прогулку. – Давай встретимся вечером?

Она ничего не ответила, наверное, смутившись присутствия строго дяди. Загадочно улыбнувшись, сняла со своей головы венок и ловко надела на мою. Этого было достаточно, чтобы в моем сердце запели струны. Я благодарно сжал ее теплую ладонь и придержал, не отпуская. Потом с сожалением смотрел, как она по дорожке, окаймленной цветущими вьюнками, грациозно взошла на крылечко веранды.

Домой я шел, не чуя под собой ног. Было радостно и легко от сознания, что впереди много светлых и радостных дней, подаренных Наташей. Желтым лимоном катилось на запад горячее солнце.

Из палисадников веяло запахами цветов и яблок. Я остановился возле сруба старого колодца и поглядел в его глубину, из которой повеяло прохладой и громко крикнул:

– На-та-ша-а!

И из ствола по кругу облицованного грубым камнем-дикарем колодца, в котором я в пору детства утопил ни одно ведро, (старшему брату Виктору потом пришлось доставать с помощью «кошки»), донесся отзыв: «На-та-ша-а!»

На блестящем зеркале воды, куда с трудом проникали лучи солнца, и то в полдень, плавало несколько красных помидоров, оброненных вездесущими детишками. Затем подошел к высокой шелковице, прислонился к стволу и услышал в шуме листвы девичье имя.

6

Сама Наташа на пруд не ходила, то ли ей не понравился водоем, то ли смущало близкое соседство стреноженных лошадей? Предпочитала загорать в саду или на задворках дядиной усадьбы. Я заметил ее любимое место на пологой крыше небольшой деревянной постройки, в которой у Петра Егоровича обычно хранились доски, плотницкий инструмент и садовый инвентарь. Двор, как у справногo хозяина, был огорожен плотным штакетником. Напротив сарая, приспособленного под баню, находились ярусные клетки с обитавшими в них кроликами. В огороде под высокими раскидистыми яблонями, осыпавшими почву подточенными плодoжоркой плодами, грузно переваливаясь, ходили сытые утки. Хлопанье их крыльев после купания в водоеме, разносилось по двору.

Девушка выносила им корм в большой миске и утки стремительно, тесня друг друга, работали клювами. Затем торопливо бежали к воде, а Наташа возвращалась к веранде. К ее ногам доверчиво ластился Дик.

Однажды я предложил ей перевести пса куда-нибудь подальше в глубь двора, чтобы мой приход он не выдавал лаем. Москвичка понимающе улыбнулась, но перемен не произошло. Пес, по-прежнему, разгуливал по двору и с ревностью подстерегал мое появление у калитки.

Я смирился с тем, что природа выдумала собак, а человеку пришлось на ум их приручить. Хотя в некоторых ситуациях Дик мне помогал. Когда мне очень хотелось ее увидеть, то я начинал дразнить пса. Так было несколько раз, а потом, разгадав мой маневр, Наташа долго не выходила. Возможно, девушка украдкой наблюдала из окна, а когда появилась, то с иронией заявила:

– Я больше не буду выходить.

– Почему? – огорчился я.

– Ты ведь зовешь не меня, а Дика.

Мы рассмеялись. У меня появилась мысль выдрессировать пса, который, как у Есенина, доставлял бы девушке мои записки: «Но припомнил я девушку в белом, для которой был пес почтальон». Саднила сердце, сознание мысль о том, что скоро у Наташи заканчивается отпуск и она возвратиться в свою Москву и поэтому от идеи с четвероногим почтальоном пришлось отказаться.

Вечером, возвращаясь с работы, я не мог не пройти мимо нашей калитки. Все ждал, не мелькнет ли случайно лиловое платье. Она часто подметала связанным из тонких гибких прутьев веником садовую дорожку, ведущую от калитки

к крыльцу веранды. Увидел ее во дворе. Наклонившись гибким станом над деревянной, стянутой стальными обручами бочкой, Наташа стирала белье. Возле конуры дремал Дик.

Девушка услышала мои шаги и выпрямилась. Смыв с рук пену, поправила упавший на лоб локон. Улыбнулась, кивнув головой.

– Заморят тебя работой?

– Мне совсем не трудно, – ответила она и, наполнив тазик чистой водой, принялась полоскать белье. Выжала и развесила на веревке, зацепив прищепками.

– Наташа, приглашаю в кино, – предложил я.

– Хорошо, – согласилась она и, встряхнув мокрую блузку, приподнялась на носочки к натянутой струною веревке. Я заметил, как поползло вверх платье, обнажив стройные ноги до самых округлых бедер, и она стала еще грациознее. Легкий ветерок играл краями ее ситцевого платья. В этот момент я желал превратиться в ветер, чтобы иметь возможность прикоснуться руками к ее нежной коже, гладить волосы и целовать губы.

– Я через пару часов загляну к тебе? Хватит времени на сборы?

– Вполне. Я косметикой не очень увлекаюсь, поэтому времени достаточно, – ответила девушка.

Дома я первым делом занялся экипировкой. Включил утюг и принялся старательно выглаживать синюю сорочку, которая, по словам сестры, была мне к лицу. Потом до-

стал самый нарядный галстук. Удивительное дело, прежде я с трудом мог заставить себя погладить брюки, а сейчас это занятие доставляет удовольствие. В комнату зашла сестра и, застав меня с утюгом в руке, удивленно приподняла брови:

– Ты словно на свадьбу собрался. Может, праздник, какой?

– Решил культурно провести досуг, сходить в кино.

– Я тоже хочу посмотреть фильм?

– У меня всего один билет, – попытался я избавиться от сестры, чтобы не мешала.

– Не лги. Это ты для нее, Наташки, стараешься, готов лоб расшибить перед москвичкой, – смутила она меня своим напором.

– Отстань от меня, – рассердился я. – Заладила для нее, для нее. Просто настроение у меня хорошее, вот и одеваюсь.

– Не сердись, – прикоснулась она к моему плечу. – Я сама хочу, чтобы тебя любили девушки и особенно Наташка. Она красивая и добрая.

– Много ты понимаешь в любви, – отозвался я, довольный тем, что и сестре нравится столичная девушка. После нескольких попыток я завязал узел на галстуке.

– Давай я тебе сделаю модную прическу, – предложила сестра и аккуратно расправила густые и непокорные волосы.

В заголубевшее окно сквозь зелень акации пробилась первая звезда.

– Гляди, не опоздай, – предупредила она и лукаво заметила. – Если ты Наташку не поцелуешь, то не пушу на порог.

Ночуй с нею у дяди Пети на сеновале.

– Заночую под открытым небом, сейчас тепло.

7

Загустело темно-синей гуашью небо. За селом раскинут багрово-алый полог заката. Я смутно помню содержание фильма проецированного на экран летнего кинотеатра. В моей руке теплилась Наташина ладонь. Она оборачивала милое лицо, наши взгляды мгновенно встречались и расходились. Все скамейки в клубе были заняты, а в небо вкраплены крупные и чистые, как хрусталь звезды. Из клуба мы возвращались по темным, с редкими фонарями улицам села. Из темноты доносились голоса, смех и визг. Виднелись очертания старого колодца с бревенчатым срубом у левого ряда домов.

– Почему молчишь? Расскажи что-нибудь забавное, веселое из сельской жизни, – попросила Наташа. Бессвязные мысли путались в голове. Я не отпускал ее теплой руки.

– Плохой из меня рассказчик, – признался я. – У тебя, наверное, больше впечатлений. Живешь и учишься в большом городе.

Она весело рассмеялась. Свет от фонаря упал на ее волосы, затрепетал на длинных ресницах.

– Понравился тебе фильм? – поинтересовалась она.

– Не знаю.

– Почему не знаешь?

– Потому что все время смотрел на тебя.

Я почувствовал, что Наташе понравился мой ответ. Она доверчиво поглядела на меня и сообщила:

– У тебя душа и сердце лирика.

– И лириком станешь, и романтиком, когда рядом такая очаровательная девушка, – признался я. Мне казалось, что время для нас остановилось: я видел лишь серые девичьи глаза, чувствовал теплые руки и слышал ласковый голос. И вдруг решил блеснуть своими научными познаниями, завел разговор о философии. Она внимательно слушала, наклонив голову, потом спросила:

– Скажи, философ, кто основоположник политэкономии?

И засмеялась, моей дремучести.

–Английский экономист Адам Смит, – сообщила она и посетовала. – Меня этой политэкономией совсем замучили, хотя в институте профильными считаются точные предметы.

– Ради тебя я тоже выучу политэкономия.

–Зачем ради меня, она тебе пригодится, – произнесла она и присела на нашу скамейку под ореховым деревом. Теплая ночь окутала село гулкой тишиной. Воздух был настоян на аромате цветов и яблок. Из приусадебных садов и палисадников незримо волнами наплывали их пьянящие запахи. В уголках Наташиных губ затаилась сдержанная улыбка.

– Наташенька, милая, хорошая, – невольно вырвались у меня из груди заветные слова. Я осторожно, робко поцело-

вал ее в полуоткрытые губы, положил ладонь на ее упругую теплую грудь.

–Пусти, не надо, – прошептала она, когда я, осмелев, крепко обнял ее, целуя волосы, глаза, губы.

–Какой ты несдержанный? – без осуждения сказала она, взъерошив мою прическу рукою. – Человек должен уметь управлять своими чувствами и желаниями, а не отдаваться первым порывам страсти.

–А я не хочу.

–Что ты, не хочешь?

–Управлять и сдерживать.

–Ребята все такие. Стремятся быстро достичь цели, а потом теряют интерес. Вот смешной, – она провела ладонью по моему лицу. – Почему ты грустишь, редко улыбаешься? Или, как у Лермонтова, мне грустно потому, что весело тебе?

Мое лицо просияло улыбкой, потому, что каждый ее жест, каждое слово были исполнены очарования. Наташа осознала свою власть, магию надо мной, но проявляла завидную сдержанность и скромность.

Коротки июльские и августовские ночи с ярким падением звезд. Об этой поре говорят, что солнце с луной встречаются, как жених с невестой.

– Наташа, ты в какой комнате спишь? – удивил я ее вопросом.

– Зачем это тебе?

–Хочу всю ночь сторожить твой покой, чтобы снились

только цветные, приятные сны.

– Ах, размечтался, так я тебя и пустила в свою горницу. К тому же мимо спальни дяди Пети невозможно пройти, да и Дик настороже.

– А ты открой окно.

– Нет, Дон-Жуан, к тому же уже светает, – произнесла она, бросив взгляд на восток, где порозовела, наливаясь пунцовым цветом, изломанная верхушками деревьев, линия горизонта.

*Когда-то у той вон калитки
Мне было шестнадцать лет
И девушка в белой накидке
Сказала мне ласково: «Нет!»*

—прочитал я строфу из есенинской «Анны Снегиной».

–Вот именно, Саша, не торопи события, иначе наши отношения могут потерять свою красоту, трепетность и очарование. В жизни ценится лишь то, что дается трудом. Ой, заругает меня крестный.

Наташа была трогательно-милой в своем смятении. Тишь необыкновенная, какая бывает, разве что в предрассветные минуты. Вдруг из отдаленного края села донесся нерешительный вороватый крик петуха, наверное, нарушившего традицию в петушиной епархии. Мы прислушались. Лишь мгновение царила тишина, а потом началось. То с одного, то с другого двора слышалось пение.

–Чудесно, – прошептала она и вдруг спохватилась. – Я пойду.

–Погоди еще минутку, – удержал я ее за руки и бережно обнял за тонкую талию. – Завтра мы с тобой увидимся?

–Это завтра уже наступило, – засмеялась она и ловко выскользнула из кольца моих рук. – До свидания.

–До встречи, милая.

Она ушла, оставив мне надежду на новое свидание. Село просыпалось, заполняя тишину звуками. В Наташиной комнате вспыхнуло и погасло окно. Приятных тебе снов, родная москвичка.

Приближался день отъезда Наташи в Москву. Чем меньше времени ей оставалось пребывать в селе, тем пасмурнее становилось у меня на сердце. Но так устроен мир, что после встреч неизбежна разлука.

8

В апреле совершенно неожиданно меня за усердие на творческой ниве редактор газеты белокурая сибирячка Полина Иннокентьевна Иванова поощрила недельной путевкой на ВДНХ в Москву. Не исключая, что во время пикников, на которых пронзительно-грустно исполняла песню на стихи своего знаменитого земляка со станции Зима Евг. Евтушенко «Идут белые снеги, как по нитке скользя. Жить и жить бы на свете, да наверно, нельзя», я проговорился о Наташе или

она по моим лирическим стихам узнала о наших отношениях. Как знать?

Накануне я получил бандероль и по почерку определил, что от Наташи. Развернул жесткую серую бумагу и увидел книгу в белом переплете Ярослав Смеляков «Работа и любовь». Перелистал страницы и обнаружил открытку с аккуратной надписью: «Сашенька, милый! Еще раз поздравляю тебя с праздником. Я надеюсь, что эти стихи тебе понравятся. Пиши, я очень жду твоих писем. Наташа».

Словно услышал ее милый голос, одаривший меня волною нежности. Позже в книге меня особенно восхитило стихотворение «Милые красавицы России» со строфой: «Мы о вас напишем сочиненья, полные любви и удивленья» и тут же последовал этому обещанию – сочинил стихотворение с эпиграфом из стихов Николая Рубцова «Наверное, ты гордишься, что поэт». На что я с пылкостью ответил:

*Я вдребезги готов разбить всю славу
Лишь за один сияющий твой взгляд.
В своих стихах, простых и величавых,
Воспеть тебя я бесконечно рад...*

И далее в таком же духе. Стихи, трогательно-наивные тогда мне представлялись чуть ли не шедевром. О славе, которую ради возлюбленной я готов был разбить, лишь мечталось. Но кто из нас в юные и молодые годы не был романтиком. Волновала предстоящая встреча с Москвой. До этого

мне ни разу не довелось побывать в белокаменной. Искренне обрадовался возможности увидеть столицу, навестить брата Виктора, работавшего в НИИ и жившего Обнинске – городе ученых и энергетиков, где в 1954 году была построена первая в мире АЭС, и, конечно же, побывать в гостях у Наташи.

Брат встретил меня на перроне Курского вокзала. После долгой разлуки тепло обнялись. К Виктору, а также к старшей сестре Алле, я испытывал особое уважение, ибо в сложные для нашей семьи годы, когда матери самой приходилось нас, меньших, поднимать на ноги, они отрывали от себя последнее и делились с нами. Брат первым делом провел меня на Арбат и попотчевал в одном из ресторанов, а в последующие дни познакомил с достопримечательностями столицы: Кремлем, Красной площадью, ГУМом и другими историческими сооружениями.

Адаптировавшись к атмосфере большого города с непрерывными потоками людей и транспорта и, поплутав по кольцевой и радиальным линиям метрополитена, я доехал до ВДНХ и посетил несколько павильонов, в т. ч. «Космос» и «Сельское хозяйство» с экспонатами о достижениях науки и техники. Вооружился материалами и впечатлениями для серии репортажей под общей рубрикой «С главной выставки страны».

Один день вместе с Виктором, заядлым рыболовом и грибником, посвятил рыбалке на реке Протве, а второй – сбору грибов в лесу, подступившему к самому городу, а точ-

нее, городу, наступающему на березовые и сосновые рощи. Брат выразил признательность за подаренный ему двухтомник Сабанеева «Рыбы России» и в свою очередь вручил мне сборники произведений советских поэтов.

За сутки до отъезда я отважился навестить Наташу. По адресу на конверте отыскал, расположенный поблизости от станции, пятиэтажный дом с березами и соснами во дворе. Остановился перед дверью и с волнением нажал на кнопку звонка. Услышал шаги и в следующее мгновение дверь отворилась, я увидел среднего роста мужчину.

– Наташа здесь проживает? – упрямил я его вопрос.

– И не только Наташа, – усмехнулся он. – А вы, наверное, ее крымский дружок, журналист?

– Да, мы с ней дружны.

– Дочка-а, встречай гостя, – позвал он и сразу же она появилась. С удивлением остановилась, взирая на меня. Потом с радостью укорила:

– Саша, какой сюрприз! Почему не сообщил? Я бы тебя обязательно встретила на вокзале. Без оркестра, но с цветами, – пошутила она.

– Меня встретил брат, а тебя решил не отрывать от работы и учебы.

– Проходи, не смущайся, – пригласила Наташа.

– Давай, Александр, за стол. Поди, проголодался с дороги, – велел Иван Егорович и наполнил рюмку коньяком. Выпили за знакомство и после трапезы он сообщил:

– Отдаю тебя в распоряжение Наташи. Дочка, покажи гостю наш поселок. Может, прикипит сердцем к березовому краю и оставит свой Крым, хотя с юга редко кто уезжает.

Мы с Наташей вышли из дома.

–Замечательно, что ты приехал, – призналась она.

–Выпала путевка и сердце позвало.

Мы вышли со двора мимо бетонной ограды.

–На этом заводе я работаю крановщицей, – сообщила девушка. И проследив за жестом ее руки, я увидел порталный кран и другие сооружения. А чуть в стороне группу березок.

–Я хотел бы в память о нашей встрече взять саженцы березки и посадить у калитки своего дома, – сказал я. Наташа улыбнулась. Похоже, что ей понравилось такое предложение, но с грустью заметила:

–Нет гарантии, что они приживутся. Если бы раньше или поздней осенью до движения сока. А сейчас березы уже выпустили сережки.

Мне пришлось отказаться от задуманного. Я с сожалением осознал, что не могу увезти домой маленькую частицу подмосковного леса. Мы углубились под сени деревьев. Наташа остановилась у дерева и сняла тонкую полоску с коры. Вдруг встрепенулась.

– Ей, наверное, больно, – упрекнула девушка себя и ласково провела ладонью по кое-где шершавому стволу, будто извиняясь перед березкой. Мне было приятно видеть эту перемену в ее настроении.

Выросшая в «краю березового ситца», Наташа интуитивно понимает, насколько природа ранима и ей необходима гармония. Меня влекло к девушке, хотел признаться ей в любви, но опасался, что слова прозвучат фальшиво. Не хватало смелости взять Наташины руки, открыто посмотреть в глаза и сказать: «Я тебя люблю».

Сгущались сумерки, заполнявшие синей гуашью пространство между березами. Наташа была загадочна и задумчива и вдруг поразила меня откровенностью:

– Ты не любишь меня. Просто придумал себе символический образ, которому поклоняешься. Для творческих людей это типично.

– Я приехал ради тебя, – только и смог ответить на ее сомнения. Наташа молчала. «Что сделать, что сделать, чтобы она поверила в искренность чувств», – мучительно думал я, вспомнив вдруг стихотворение Евг. Евтушенко «Ты большая в любви, ты смелая, я ролею на каждом шагу. Я плохого тебе не сделаю, а хорошее вряд ли смогу...».

– Ты очень самолюбив, эгоистичен, – произнесла она. По интонации ее голоса понял, что ей нелегко было сделать такой вывод. Она высказывала то, что запало в сердце, а значит, с долей истины.

–В письмах ты редко признавался в любви, – продолжила Наташа.

–Разве об этом следует напоминать часто?

–Да.

– Хорошо, впредь учту, – я попытался обнять девушку за плечи и ощутил трепет ее упругого тела. Но она вдруг отстранилась:

– Не надо, Саша. Эти игры приятные, сладкие, но очень опасные.

– Наташенька, я не могу без тебя.

– Не мучайся, – заботливо произнесла она. – Пройдет время, ты забудешь обо мне. Первая любовь подобна сказочному сну, но не забывай, что есть такие мудрые строки у Евтушенко: «Очарования ранние прекрасны, очарования ранами опасны...»

Это и о нас с тобой, чтобы жили не только чувствами, но и прислушивались к разуму. Я хочу, чтобы наша первая любовь осталась чистой и бескорыстной...

– Да, ты права, – смирился я. На небо высыпали редкие звезды. Мы возвращались в поселок. «Как все получилось нелепо. Возможно, у Наташи появился приятель из однокурсников, более достойный ее руки и сердца. Или ее родители против продолжения наших отношений», – с огорчением размышлял я в этот последний вечер перед отъездом.

Всю дорогу до Наташиного дома прошли, словно чужие, какая-то невидимая стена выросла между нами. У освещенного плафоном подъезда девушка остановилась. Я не решился сделать шаг.

– Так и не подойдешь? – спросила она. Я крепко обнял ее и поцеловал в губы. Резко повернулся и пошел, словно пья-

ный от переполнявших меня чувств. Надо было успеть на электричку, чтобы доехать в город к брату. В висках напряженно пульсировала кровь. Я боялся поверить, что это наша последняя встреча и больше не придется целовать ее губы, ощущать тонкий запах волос, тонуть в глубине ее серых глаз.

Время перевалило за полночь, когда к станции подошла последняя электричка. И здесь я увидел на перроне одинокую девичью фигуру и узнал Наташу. С радостью подбежал к ней, взял за руки.

– Чуть не опоздала, – произнесла она, прерывисто дыша, вручила мне букет цветов. – Прости, Саша. Я почувствовала вдруг, что мы расстаемся навсегда. Это тебе на память.

Она положила в мою ладонь маленькую медную литеру Н.

– Не может этого быть?

– Может. Мы с тобой это понимаем, но не хотим поверить, – уже на ходу я услышал ее признание. Вбежал в пустой вагон и, стоя у окна, ответил на прощальный взмах ее руки. В душе было пусто, как после невосполнимой утраты.

Старался понять, что же произошло? Легко с человеком встретиться, но как порою, тяжело расстаться. Я вспомнил выражение Наташиного лица в момент неожиданного признания и попытался найти ответ в ее глазах. Над человеком властвуют законы, неодолимые силы природы, которым он, против своей воли и разума, вынужден подчиняться. Но ведь за любовь идти в сражения надо всем преградам жизни вопреки. Только то, что дается трудно – прекрасно и свято, как

сама любовь. Почему тогда он отступил?

Может, действительно, как подметила Наташа, причина в моем эгоизме и замкнутости, в боязни выглядеть смешным. Я уставился в свое отражение в темном стекле. Мысли возникали вспышками зарниц и мгновенно гасли. В забытьи я чуть было не проехал мимо своей станции. А потом медленно брел по ночному городу в неоновом свете огней. Прокричала вдали электричка, ее шум утонул за темным лесом. В ее крике было что-то таинственно-тревожное.

9

На следующий день московский поезд увозил меня на юг. С Наташей я так и не встретился. В вокзальной сутолоке очень хотелось ее увидеть, подойти, бережно взять за руки и уже не отпускать их. Из репродуктора звучал ровный женский голос, объявлявший посадку и отправление поездов и пригородных электричек. Перед выходом на платформы светились цифры на световом табло. У справочного бюро и касс толпились пассажиры с чемоданами, баулами и сумками. Курский вокзал жил в обычном режиме, точно и четко принимал и отправлял людей. Ему не было никакого дела до того, что одних он разлучает на короткое время, а других – навсегда. Хотя после разлук дарит и радость встреч, что часто можно видеть на перронах.

Дорога у меня всегда вызывает чувство непреходящей

грусти и боли. Вот и теперь, сидя у окна плацкартного вагона, я гляжу на проплывающие перелески. В прямоугольнике окна, словно на экране телевизора, меняются кадры. Бревенчатая изба, огороженная плетнем, стайка изящных берез, несколько буренок и коз, пасущихся на лужайке и девчонка с приветливыми взмахами руки.

В мое сердце вошли эти милые пейзажи среднерусской земли. Блеснула широкой гладью река. Замелькали стальные конструкции большого моста. Он загудел под тяжестью состава.

– Переезжаем через Оку, – сообщил сосед, феоdosиец Николай Петрович. Я успел познакомиться с этим разговорчивым, как и большинство жителей курортных городов, стариком. Он пенсионер, гостил у брата в Москве. Второй попутчицей была женщина средних лет, швея одной из столичных фабрик. Она ехала в ялтинский санаторий лечить астму.

– Если доведется побывать в Феодосии, то непременно посетите музей Александра Грина и картинную галерею Ивана Айвазовского. В ней самое большое собрание полотен великого мариниста. А в Ялте – музей Антона Чехова, Ливадийский и Воронцовский дворцы, – советовал ей Николай Петрович. Потом, как всякий южанин, не без гордости, принялся расхваливать золотые пляжи.

Вскоре попутчики увлеклись игрою в карты, а я решил написать Наташе письмо. Положил на обложку книги чистый лист бумаги. Буквы прыгали, стремясь угнаться за мыслями.

«Наташенька, прости, я тебя обидел. Но поверь, что и мне не легче, ибо мы связаны незримыми нитями. Я буду жить твоей и своею болью».

Я оторвал взгляд от бумаги. Поверит ли она, а может равнодушно прочитает это письмо, как хронику чувств неудачника. Ручка выводила: «Любовь проверяется временем и расстоянием. Мне всегда было хорошо рядом с тобой. Я не смогу тебя забыть и буду счастлив, если хоть эту радость ты оставишь мне». Старательно продолжал вверять бумаге свои чувства, завершив рукопись стихами:

*Мне хотелось с тобой заблудиться
В белоствольном, чудесном лесу,
Где поют удивительно птицы
И березы на каждом шагу.*

Моноotonно стучали колеса на стыках, слегка раскачивался вагон. Дописал страницу и решил бросить письмо в почтовый ящик во время стоянки на ближайшей станции. Остановки были короткие, решил не рисковать.

Ощувив голод, зашел в вагон-ресторан. Лучи предзакатного солнца проникали в окна. Вина в бокалах искрились малиновым цветом, отсвет ложился на отполированную поверхность столиков, за которыми трапезничали мужчины и женщины.

Я заказал себе двести граммов Алиготе и бутерброды. Выпил и попросил еще, понимая, что хмель меня не берет. «А

надо ли мне отправлять это письмо? Не расценить ли она его, как проявление слабости? Посмеется над наивностью деревенского хлопца и не сочтет обязательным дать ответ», – закрались в мое сознание сомнения. – Не надо торопиться. Все равно, рано или поздно я возвращусь в Подмоскovie. Мне необходимо будет ее увидеть, пусть даже издалека.

Я приду в знакомый лес, к березам с изумрудными подвесками сережек, к соснам с терпким запахом хвои, которые запомнили нашу встречу. Только им поведаю о своей грусти и боли. Обниму белоствольные березки. Может, когда-нибудь Наташа пройдет мимо них и березки остановят ее шумом своей листвы. И у нее защемят сердце о дорогом и прекрасном. Она бережно прикоснется к березке и вспомнит».

Проплывали за окном в вечерних сумерках леса, а в оранжевом свете огней – поселки, станции и полустанки.

Откликались гудками встречные поезда. В моем сознании запечатлелся милый облик и затеплилась надежда. Я приоткрыл окно, ветер дохнул в лицо прохладой вечернего леса, запахами хвои и грибов.

* * *

Минуло двадцать лет. Однажды, перебирая старые, рассыпанные по блокнотам записи и письма, я нашел несколько Наташиных посланий и пожелтевшие листки с первыми отрывками незаконченной тогда лирической повести.

А вот это неотправленное письмо, на пожелтевшем от времени листке и вдохновило меня на завершение произведения, толи лирической повести, толи новеллы.

«Здравствуй, мой ангел, моя милая, солнечная Наташенька! Минуло столько лет, а я все не могу тебя позабыть. Все так свежо и ярко, словно мы расстались лишь вчера. Я отчетливо помню каждое твое слово, вижу черты твоего милого лица. Нет, я тебя не придумал. Действительно, после тебя я уже не смогу любить так искренне и сильно. Мне очень жаль, что в тот последний вечер на пустынном перроне так грустно расстались, до конца не разобравшись в своих чувствах и не объяснившись. Воспоминания о том вечере болью отзываются в моем сердце и никакое время неспособно излечить эту щемящую боль. Ибо самые первые, светлые и трепетные ощущения любви сопровождают человека всю жизнь. В радостные, да и в горькие минуты он постоянно возвращается в пору своей юности и молодости. Они очищают его душу от всего мелочного и пошлого, заставляют быть благородным и бескорыстным.

Грустно становится от осознания того, что живешь не так, как мог бы жить рядом с тобой. Первая неудача сломила, обожгла крылья, данные человеку для полета и вдохновения. Подобное происходит и со мной, когда мысли уводят в светлую очаровательную пору наших свиданий. Каждая встреча с тобой была исполнена красоты и таинства в сладком прикосновении губ, рук... Если бы ты знала, с каким нетерпе-

нием и надеждой я ждал этих встреч, окунаясь словно в золотой омут.

Все растаяло, прошло, как «с белых яблонь дым», но я верю, что будучи с другим, ты не забудешь наших прогулок на пруд и в весенний лес, где нас встречали березки с подвесками изумрудных сережек и нежным пением птиц.

В лесу царила весна, восхищая красотой зеленеющих листьев, запахами ландышей и фиалок. Все было наполнено и очаровано тобой. Ты убежала, обнимая стволы березок, и смех бубенцами катился по лесу, словно ручеек с камешка на камешек. Прости, что в тот наш последний вечер мы не смогли понять друг друга. У меня не хватило смелости остаться в твоём поселке, чтобы уже никогда не расставаться.

Искренне благодарю тебя за радость и очарование первой любви, светлой и чистой. Александр».

Из-за опасения, что это прощальное послание может случайно попасть в чужие руки и в какой-то степени скомпрометировать Наташу перед супругом, оно осталось не отправленным. Да и место проживания девушки в лилово-розовом платье могло измениться. Мысли о ней постоянно жили в моем сердце, вызывали беспокойство из-за нереализованного долга. Собственно, это ощущение не оставляет и теперь, несмотря на то, что прошли годы и все должно было раствориться в тумане времени, скрыться за наслоениями других событий. Но таково свойство памяти: до поры, до времени беречь сокровенное.

Вновь нахлынуло, обдало свежестью, ощущением омытых дождем цветущих черемуховых зарослей, тонких лесных запахов Подмоскovie, трав и цветов знойной присивашской степи. Отчего? Может, запела, долгое время молчавшая, потому, что смычок был потерян, струна? Но найден ли он теперь и не Наташа ли его сберегла? Кто виноват, что мы надолго потеряли друг друга из виду и даже письма – этот мостик, соединявший сердца, разрушило весеннее половодье. Никто первым не решился его восстановить. За почти сорок лет размыло, отодвинуло бурными потоками берега. Как сложилась твоя судьба сероглазая девушка? Работаешь инженером на заводе, ушла в науку после окончания престижного вуза – МВТУ имени Н. Баумана, взлелеявшего многих конструкторов, космонавтов, имеешь заботливого мужа и милых детей?

Конечно, я мог бы получить ответы на эти вопросы, однажды приехав на станцию первой любви. Но нужна ли эта встреча ей? Не исчезнет ли после этого светлое чувство ожидания, радость и чистота прежних встреч, не потревожу ли ее привычной жизни? Я не могу принять окончательное решение и лелею надежду о том, что встреча произойдет случайно. Впрочем, не буду загадывать. Может, теперь я сумею с легким сердцем завершить повествование? Вряд ли. Оно продолжается во мне музыкой весеннего березового леса, полуденным зноем южного солнца над золотым жнивьем, шелестом листвы и хороводом полевых цветов.

*Ромашку, василек синеголовый
В венок влетает девичья рука...*

Все очаровано, одухотворено ею, девушкой в лиловом платье с подмосковной станции Селятино. Мы с ней смогли, как драгоценный, хрупкий сосуд, сберечь красоту и чистоту первой любви.

У ОЗЕРА ЛЕБЕДИНКИ

Задолго до рассвета меня разбудил старший брат Виктор. Сон нехотя отпуская из своего плена, но я все же разлепил ресницы. В комнате было сумрачно. Стекла в переплетах окна затянуты синей слюдой. Бледный лунный свет проникал в комнату, постепенно проявляя контуры и очертания стола, стульев, швейной машинки немецкой фирмы «Zinger», которую еще после освобождения Крыма местное начальство вручило матери нашего многодетного семейства в качестве трофея. Корова и эта трофейная машинка помогли матери в трудные послевоенные годы прокормить нас, пятерых детей.

– Вставай, вставай! – тронул меня за плечо брат. – Перед рассветом, как раз хороший клев. Надо успеть, до озера четыре километра.

Я вспомнил, что еще с вечера мы договорились с Виктором и свояком майором в отставке Геннадием пойти на рыбалку. Брат, юность которого пришлась на пятидесятые

годы, когда основным средством передвижения были собственные ноги и лошади, исходивший окрестности, наверное, извлек из своей памяти информацию о небольшом водоеме, расположенном у села Лебединка. Вечером они с Геннадием приготовили особую приманку из смеси макухи, теста и прочих компонентов. От нее исходил приятный запах, вызывавший аппетит.

– Даже сонный и ленивый карась не устоит перед соблазном отведать этот деликатес и тут же попадется на крючок, – с уверенностью, присущей бывалым рыбакам, заявил майор. – Так что уха, если не из рыбы, так из петуха, нам, ребята, в любом случае гарантирована.

– Мы соберем в дорогу провиант, а ты поторапливайся, – велел Виктор и вышел в сени. Мысль о рыбалке, которой я заразился с малых лет, тугой пружиной вытолкнула меня из теплой постели. Быстро по-солдатски оделся. В сенях Виктор и Геннадий заканчивали укладывать в походную сумку припасы и плоскую флягу с крепким напитком.

«Значит, рыбалка будет на славу, коль соблюдается традиция», – успел подумать я. Умылся холодной водой и сон, как рукой сняло. Радовало, что предстоит интересный с впечатлениями и азартом рыбной ловли день. Что и говорить, а рыбалка, будь то на берегу моря, речки, озера или пруда, в любую пору года это здорово! Прелесть этого занятия может оценить лишь тот, кто хотя бы однажды поймал на удочку или спиннинг рыбу. Пусть даже мелкого пескаря.

Самому мне доводилось рыбачить на отводах Северо-Крымского канала, когда вместе с водителем редакционного УАЗа Василием Ивановичем мы отправлялись в командировку в хозяйства на рисовые чеки. Он, будучи заядлым охотником и рыболовом, всегда держал в автомобиле две – три удочки и закидушки на случай, если поблизости окажется водоем, те же каналы для сброса днепровской воды в озеро Сиваш.

Под занавес рабочего дня, управившись с редакционным заданием, мы, раздобыв дождевых червей где-нибудь у фермы, два-три часа, в зависимости от клева, посвящали рыбалке. Карась, схватив наживку и положив поплавок их гусиного пера на поверхность воды, норовил утащить крючок и камыши. Поэтому приходилось держать ухо востро, быстро подсекать и вытаскивать рыбу на берег, иначе крючок прочно застревал в камышах. Не припомню случая, чтобы мы с Василием остались без улова карасей или карпов.

В иных ситуациях не было свободного времени из-за необходимости оперативно готовить репортажи, статьи, очерки и зарисовки о людях труда в районную газету. Со всем по-другому складывалась ситуация, когда летом в отпуск в родное село приезжал Виктор. Я подметил, что творческие люди, занимающиеся искусством, литературой, наукой и другими видами интеллектуального труда, как впрочем, и военные, очень тяготеют к рыбной ловле или к охоте на дичь. Брат в ту пору работал научным сотрудником в ла-

боратории НИИ сельскохозяйственной метеорологии в Обнинске, а Геннадий после службы в Группе советских войск в ГДР, вышел в отставку и полностью заболел рыбалкой.

Вчера я видел, с каким усердием Виктор налаживал удочки, прикреплял тонкую зеленоватого цвета японскую леску, поплавок, свинцовое грузило и крючки, завязав их крепким узлом. По прибытию в село, он первым делом обследовал окрестности в поиске озер, прудов, ставков и других водоемов, где могла бы водиться рыба. После прокладки Северо-Крымского канала и сооружения мелиоративных оросительных сетей появилось множество водоемов. В сознании брата сформировалась географическая карта местности в радиусе двадцати-тридцати километров с условными обозначениями озер, рек, прудов.

Хлопоты о предстоящей рыбалке захватили и меня. Благо – два выходных дня и их следовало провести на лоне природы с вдохновением и пользой. Подальше от мирской суеты.

– Недосуг, позавтракаем на месте, – произнес Виктор и взял в левую руку сумку с провиантом, а я взял удилища и садки из мелкочейистой сети. Геннадий навьючил на плечи тяжелый рюкзак с рыбацкими принадлежностями. Не ведая о том, есть ли в водоеме рыба и каких видов, он носил с собой все имеющиеся в арсенале снасти, предназначенные для ловли, даже самых экзотических морских и океанических рыб. И на сей раз, не изменил этому правилу.

– Гена, зачем ты каждый раз берешь с собой этот склад?

Достаточно удочки и спиннинга, – тщетно увещевал брат. – Бредешь, как навьюченный верблюд, больно смотреть.

– А вдруг там водятся щука, сом или какая-нибудь диковинная рыба? Да те же раки требуют особого внимания, – заявлял с загадочным блеском глаз майор. — Что ж прикажешь их голыми руками брать. Нет, Виктор, своя ноша плеч не давит. Надо соблюдать ритуал. Лучше я поднатужусь, чем потом огорчаться и сетовать.

Из веранды мы вышли во двор. В небе сверкали прозрачные июньские звезды. Словно шляпки серебряных гвоздей, вбитых в бархат неба.

На востоке за дымчато-лиловой линией горизонта занималась заря. Над крышей отчего дома, невысокой печной трубой пролегал Млечный путь с россыпями звезд, словно кристаллами, просыпанной чумаками с дырявых обозов, сивашской соли. С веток высокой акации, растущей у окна, за ночь осыпалось много белых лепестков, запорошивших землю. В воздухе витал сладковато-приторный запах акации. В клумбах, старательно ухоженных матерью и младшими сестрами, дремали цветы разноцветные астры, гвоздики, ромашки... В саду от раскидистых вишен с созревающими ягодами ложились тени. Возле собачьей конуры зазвенел цепью черной масти Джек. Подал, свой звонкий голос, но признав нас умолк. Я потрепал его по мохнатому загривку.

Село спало под пологом неба и сенью деревьев. Робко начали заводить переключку петухи, проявляя вокальные спо-

способности. Мы вышли за околицу и свернули на проселочную дорогу. С правой ее стороны абрикосовая лесополоса, с левой – море овса. Прибавили шаг, с наслаждением вдыхая свежие струи воздуха. В остях овса бриллиантами поблескивали капельки росы. Прошуршав крыльями, над полем взмыла птица, похоже, что перепел, так как дрофа крупная и является редкостью. Пролетела несколько десятков метров и затаилась.

Озеро, взойдя на пригорок, мы увидели издалека по его блестящей, словно ртуть, глади. Вблизи от зеркала воды на возвышенности расположилось село Лебединка с аккуратными домами под шифером. Я знал, что в километре от него находится еще одно селение Варваровка. Удивился резкому контрасту в названиях. Возможно, когда-то лебеди из заповедника Лебяжьих островов, что в Каркинитском заливе Черного моря, случайно прилетели сюда, что и послужило поводом для столь красивого поэтического названия.

– Вот оно лебединое озеро, – преувеличив достоинство водоема, произнес Виктор, когда мы подошли к пологому берегу и вместо величавых и гордых белых птиц увидели сытых гусей, индюков и уток с оперившимися выводками. Из камышей и травы дружно попрыгали в воду лягушки. А влажная почва была истоптана копытами коров, овец, коз и прочих домашних животных. В мое сознание закралось опасение: есть ли вообще здесь рыба?

– Ни лебедей, ни рыбы, – посетовал я. – Если и была, то

ее коровы съели. Остались одни головастики и лягушки для гурманов.

– Не отчаивайся. Что главное в рыбалке? – с иронией спросил брат и сам же ответил. – Спортивный интерес, азарт охотника.

– Ради этого мы и поднялись в такую рань, – подтвердил Геннадий и снял с плеч тяжелый, килограммов на восемь, армейский, цвета хаки, вещмешок. Положил его на зеленую траву, развязал. И начал поочередно выкладывать рыбацкие снасти: коробки с крючками, катушки с лесками, маленькие и массивные грузила, отрезки сети и водонепроницаемый общевойсковой защитный комплект ОЗК – мечта любого охотника и рыбака. А также несколько видов приманки, изготовленной по особым рецептам для ловли карася, окуня, щуки и других видов пресноводных.

– Ну, теперь держись, рыба! Гена настроен все озеро выгрести, – пошутил Виктор, давно привыкший к неизменному ритуалу майора. Выбрав места и наживив крючки, мы с братом забросили лески в воду. Держа удилица, внимательно следили за поплавками. А майор все еще раскладывал свое имущество, словно был занят инвентаризацией. Сиганувшие в воду лягушки, собравшись на противоположном берегу, устроили какофонию. Высовывались на поверхность, вытирашив глаза, взирали на пришельцев с удилицами.

– Было бы сколько рыбы, сколько этих солистов, – сказал я, вспомнив, как на уроках анатомии мы пугали девчонок

лягушками, обреченными на препарирование. В классе тогда стоял крик и визг.

– Здесь воды, наверное, по колено, нерестилище для лягушек и жаб, – посетовал я, взирая на неподвижный поплавок. Солнце к этому времени выплыло из-за горизонта и окрасило воду ярко-багряным цветом. Я не заметил, как подошел подросток в возрасте тринадцати-четырнадцати лет с вихрастым светлым чубом и с удочкой в руке.

– Напрасно время убиваете, ничего не поймаете, разве, что мелких глупых карасей, – сообщил он с вызовом и указал рукой на один из ближних домов. – Рядом живу и поэтому знаю. Рыба сытая, прикормленная и на крючок не берется. Не видать вам ни карасей, ни окуней и даже пескарей, как собственных ушей.

– Погоди, нас страшать, как тебя зовут? – поинтересовался Виктор.

– Коля, Николай, – ответил подросток.

– Коля, ты хоть подумай, что говоришь? Как будто заклинание, – укорил его Виктор. – Наверное, хитришь, брат, чтобы нас от озера отвадить. Сам ведь с удочкой пришел?

– Пусть лошадь думает, у нее голова большая, – с достоинством произнес абориген. – Только я знаю, что останетесь без улова. А удочку ношу по привычке.

– Ты же сказал, что рыба есть. Тогда, как ее выловить? – допытывался брат.

– Сетями, вот как.

– Это браконьерство.

– Немного можно, так все мужики делают, когда хотят отведать ухи,—пояснил Коля.

Мы без прежнего энтузиазма глядели на поправки, на которых устроились стрекозы, а поблизости свои подводные пируэты совершали вездесущие лягушки, пуская на поверхности пузырьки воздуха. Закрепив у кромки берега удилища, мы присели на траву.

– Гена, товарищ майор, давай к нашему шалашу! Надо подкрепиться для бодрости духа, – окликнул Виктор отставника, так и не приступившего к ужению рыбы. Потом взглянул на подростка и пригласил:

– Коля, угощайся, отведай, что Бог послал.

Я расстелил на траве газету и выложил из сумки ее содержимое: хлеб, сало, картофель в мундирах, консервы, свежие и соленые огурцы, зеленый лук, петрушку... Брат достал плоскую флягу с колпачком на медной цепочке. Подошел Геннадий, и, оглядев харчи, крикнул, присел на корточки. Виктор наполнил маленький пластмассовый стаканчик и подал Николаю со словами напутствия:

– Тебе, как местному аборигену и знатоку, особая честь.

– Што это? – спросил он.

– Бальзам на крымских травах, целебный напиток.

– Бальзам я еще не пробовал, а самогон, вино, сколько угодно, – признал он и выпил. Закусил соленым хрустящим огурцом и похвалил. – Хороший, приятный напиток, ни то

что самогон.

Вдруг на берег высыпала ватага смуглых ребятишек.

— Цыгане из табора, сейчас вся малину испортят, — с досадой заметил повеселевший Николай.— Зимой они на льду босиком катаются. Выносливые, как индейцы.

Особенно озорным был маленький цыганенок с курчавыми черными волосами. В его черных, как смоль глазах, плясали бесенята. С разгону вниз головой плюхнулся в воду. Замолотил босыми ногами в воздухе, очевидно застряв головой в грязи. Его вовремя вытянули подоспевшие соплеменники, иначе бы утоп.

Мы втроем взбодрились бальзамом, позавтракали, все время держа в поле зрения свои удилища. Освобожденный из трясины цыганенок живо подбежал к нам, схватил оставленную Николаем удочку и бросился наутек. Абориген устремился за ним и едва не настиг, когда цыганенок сиганул по воде на середину озера, где воды оказалось пацану по пояс.

Бродит в нем горячая кровь вольнолюбивых предков. Те уводили коней, а этот умыкнул удочку, лишив Николая увлекательного занятия.

Цыганчата радовались, словно им удалось заполучить диковинный клад. Мне припомнилось, как года три назад в окрестностях села расположилась цыганская семья, прибывшая в повозке-фургоне с впряженной парой лошадей. К повозке была привязана большая лохматая собака. Когда я

приблизился к месту, где пылал костер, курчавый цыган, очевидно глава семейства, снимал колючую шкуру с иголками с ежа. Разделал зверька и бросил в котел с кипящей водой. Жарко горели поленья и сухая виноградная лоза.

Молодая цыганка, которую я мысленно окрестил Земфирой с длинными ниже талии черными волосами в широкой цветастой юбке бесцеремонно достала из-под кофты пышную смуглую грудь с коричневым соском и принялась кормить младенца. Дитя с черными, словно смородина, глазенками пухлыми губами жадно тянул молоко. Ее не смутило мое появление. А мне захотелось окунуться в стихию пушкинской поэмы «Цыгане», которые в тот момент, не по Бессарабии, а по Крыму кочуют.

– Красавчик, давай погадаю, судьбу предскажу, – пригласила она. Я знал, что потребует плату. И, действительно, прежде, чем сообщить, кого мне в жены сулит судьба, велела. – Принеси килограмм картошки, тогда скажу дело.

Любопытства ради, на этом и построен расчет гадалок и ворожей, я принес из дома с десятков крупных картофелин. Она обрадовалась, нарезала и бросила в котел, где в желтоватом жиру варился еж.

– Так что меня ждет? – поторопил я гадалку.

– Не спеши, отведаешь бульон, тогда и узнаешь, – сказала она, хитро сощутив глаза.

Конечно, я отказался кушать варево с ежом и поэтому гадание не состоялось.

– Если так и дальше дело пойдет, то уши нам не видать, – услышал я голос брата, прервавший мои воспоминания. – Надо прикормить место.

Мы достали сухую размолотую макуху и, смешав ее с влажной почвой, побросали комья в воду.

– Рыба пойдет на кормежку, тут мы ее и сцапаем, — пояснил Виктор. Рыба ценит настоящего рыбака.

Прошло несколько минут и поплавок на его удочке повело в сторону.

Брат подсек и в воздухе засверкала золотистой чешуей рыба. Это был величиною с ладонь карась. Пока я наблюдал за действиями Виктора, поплавок на моей удочке исчез под водой.

–Тяни! – с азартом крикнул Геннадий, живо настраивая свое удилище. Я вздернул бамбуковое удилище и, промелькнув в воздухе, на зеленой траве затрепетал карась. Снял его с крючка, положил в садок и опустил в воду у берега. Каждый из нас троих до полудня, пока не ослаб клев, успел поймать по три-четыре десятка карасей и, даже, нескольких окуней с красноватыми плавниками. Геннадий предлагал пройтись с сетью, но Виктор его отговорил:

– На уху и сковородку нам достаточно. Надо, что-то и абorigенам оставить, иначе в следующий раз Николай не пустит. Конечно, рыбалка с берега или с лодки в хорошую погоду и на чистой воде азартна и увлекательна, но ни с чем несравним подледный лов зимой на реке или озере. Проби-

ваешь пешней лунку во льду и, сидя на рыбацком ящике, выуживаешь на мормышку и мотыля окуней, плотву или ершей.

Глаза у брата заблестели и мне не трудно было понять азарт охотника до подледной ловли, если даже рассказ, воспоминание вызывали у него такой восторг.

Чуть позже я узнал от Виктора, что зимняя рыбалка едва не стоила ему жизни. Спасая тонущего в полынье рыбака, он вытащил его на лед, а сам из-за его страха и паники угодил в ледяную воду. Тулуп мигом пропитался водой, набряк и потянул в глубину. Пришлось от него избавиться. Сохраняя хладнокровие, брат с помощью пещни выбрался на непрочный в стрельчатых трещинах лед. Когда опомнившийся от испуга спасенный рыбак возвратился, то лишь извинился за панический поступок.

– Повезло вам, – взвесив рыбу в моем садке, сказал Николай. – Напали на рыбное место. Видать бывалые рыбаки.

–Надо думать, а не ссылаться на кобылу, у которой большая голова, – улыбнулся Виктор. – Интеллект не зависит от объема головы. И среди головастых и лобастых персон с солидной осанкой и апломбом немало бездарей и глупцов. Хотя и встречают человека по одежке, но провожают все же по уму. А лошадей, Коля, не обижай, человечество этим и другим животным многим обязано. Это умное, красивое и благородное создание природы. Знаменитые дончаки и орловские рысаки.

–Лошадей я уважаю, да только их в селе почти не осталось, – сообщил подросток. Кое-кто из жителей обзавелся ослами. Они сильные, трудолюбивые, но бывают и упертые, с места не сдвинешь, как в кинокомедии «Кавказская пленница».

–Осел, вол или мул тоже не менее полезные животные, – продолжил наставления брат. – У поэта Александра Блока есть прекрасная и поучительная поэма «Соловьиный сад». Одним из ее «героев» является осел, как символ трудолюбия на фоне недолговечной любви.

Виктор на миг призадумался и произнес:

*Правду сердце мое говорило
И ограда была не страшна,
Не стучал я – сама отворила
Неприступные двери она.*

Вскоре после того, как отгорела любовь, хозяин услышал голос своего осла, оставленного на произвол судьбы. Финал поэмы таков:

*А с тропинки, протоптанной мною,
Там, где хижина прежде была,
Стал спускаться рабочий с киркою,
Погоня чужого осла.*

Жизнь учит человека ценить то, что в погоне за мимолетным счастьем утрачивается. Коля, почаще ходи в библиоте-

ку и читай полезные книги и тогда не только у лошади, но и у тебя по части интеллекта будет большая голова, – посоветовал аборигену Виктор. Николай внимал, раскрыв рот, ибо этот рассказ ему был в диковинку.

Глядя, как майор навьючивает на плечо вещмешок, Виктор заметил:

–А впрочем, Гена, в том, что ты повсюду носишь на рыбалку снасти, весь свой боевой арсенал, делает тебе честь, как офицеру и имеет свой резон. Видя тяжелый вещмешок, люди полагают, что это и есть наш богатый улов. Поэтому действуй в том же духе. Завтра направим свои стопы к пруду, что вблизи села Власовка. Я давеча интересовался у местных рыбаков, там водятся караси, пескари и зеркальные карпы.

–Всегда готов! – козырнул отставник, сохранивший завидную офицерскую выправку.

Солнце стояло в зените, когда мы, довольные рыбалкой с уловом отправились в обратный путь. Вскоре Лебединка с озером и аборигеном растаяла в золотистой дымке жаркого дня, но надолго осталась в памяти.

В ПОЛНОЧЬ

– Матвеюшка, а, чуешь? Вставай, – кто-то затормошил старика за плечи. Он сквозь дрему сообразил, что это голос жены Дарьи и открыл глаза, спрятанные за густыми белесыми бровями.

– Чего тебе, Даша? – уставился он на женщину сонным взглядом. – Можэ бессонница мучает?

Услыхал, что жена с трудом сдерживает рыдания. С тревогой приподнялся с постели. Заметил в полумраке комнаты ее сгорбленную жалкую фигуру.

– Горе, лихо у нас, – всхлипывала она. – Оленька, внучка занедужила. Стонет, голубушка и воды просит. Сильный жар у нее. Не знаю, что и делать?

Больно кольнуло сердце в груди Матвея. Он встал и, позабыв надеть комнатные тапочки, поспешно прошел в угол комнаты, где рядом с печкой находилась теплая лежанка. Осунувшаяся супруга с надеждой взирала на мужа. Он склонил голову над лежащей в постели трехлетней внучкой и, проведя ладонью по лбу девочки, ощутил жар и тяжело вздохнул.

– Как же так? Еще вчера бегала, смеялась во дворе. Ох, не доглядели, стыдно будет невестке Галине и сыну Артему в глаза глядеть.

Матвей насупил брови. Хотел было прикрикнуть на старуху, но увидев ее горестные, глубоко запавшие глаза, сжался, уронив узловатые плети рук.

– Может ей чаю с малиной или смородиной от простуды дать? – допытывалась Дарья. – Или сходить к знахарке Се-рафиме, что снимает порчу и сглаз? У нее разные лечебные травы и настойки есть. И заговоры она знает, по наследству от прабабки магия передалась?

– Ни магия, ни травы не могут, – отозвался он, скептически относясь к ворожеям, врачевателям, колдунам и экстрасенсам, считая их шарлатанами. – В больницу ее везти надо. А то, не дай Бог, опоздаем, тяжкий грех на душу возьмем.

Старик живо оделся. Накинул на плечи старый полушубок из овчины и уже от порога крикнул жене:

– К Тихону я пошел. Может, уговорю, чтобы отвез Ольеньку в районную больницу. На «Жигулях» за полчаса обернется.

На улице было темно, прохладно и сыро, как обычно, поздней осенью, в пору листопада. Моросил мелкий, грибной дождик. Матвей с трудом в кирзовых сапогах пробирался по скользкой дороге посреди улицы, где ни одного фонаря, а окна погашены.

Над уснувшим селом висели набрякшие влагой темно-свинцовые тучи, зловеще угрожавшие ливнем.

Он отыскал добротный дом Тихона Оглобли. За каменной высокой оградой с тускло сверкающими осколками стекла на гребне, чтобы пацаны не лазили в сад, тревожно стучали голые ветки грецкого ореха, яблонь, абрикос и слив. Сумрачно взирали на улицу черные квадраты трех окон с толстыми металлическими решетками. «Не дом, а крепость», – со смутным предчувствием подумал старик. В надежде, что калитка не заперта, толкнул рукою и оказался во дворе.

Встревоженный его шагами из-за гаража, гремя цепью, выбежал огромный, величиною с телка, пес. Громкий лай

разорвал тишину, вспугнул ворону, дремавшую на крыше у теплой дымовой трубы. Матвей хотел окликнуть пса, но от волнения запямятовал кличку. Оно и понятно, ведь во двор Оглобли он не ходок, а тут беда заставила. Попятился к калитке, глядя на ощерившегося волкодава. Ледяной холод окатил старика при мысли, что в эти минуты мечется в жару и умирает любимая и единственная внучка. А он, как истукан, ничем неспособен ей помочь.

– Тихон! Тихон! – закричал Матвей и закашлялся, не в меру заглотив холодный воздух. Спустя пять минут, которые ему показались вечностью, стальная дверь отворилась и желтая полоса света упала на забетонированный двор, выхватив из темени жалкую, сутулую фигуру старика, прижавшегося к ограде от разъяренного с острыми клыками и огненно-красным языком пса.

– Чего орешь, будто тебя режут как барана!? – набросился на Матвея с упреками хозяин дома и подворья. – Или глаза самогонкой залил и в чужой двор забрел? Так я сейчас Барона с цепи спущу. Он тебе даст жару, скипидару.

Тихон величественно, словно скульптура на пьедестале, стоял на крыльце в проеме распахнутой двери. Жирное лицо с двойным подбородком лоснилось. Сверкнув несколькими золотыми зубами, он сердитым взглядом, как дрелью, сверлил старика.

– Слышь, дед, ступай домой и проспись, – посоветовал, зевая, Оглобля. – В это время все нормальные люди отдыха-

ют. Только тебя черт, как лунатика, носит по чужим дворам.

Намеревался было затворить дверь, так и не выслушал Матвея, вдруг оробевшего под напором обвинений.

– Тихон, будь человеком, помоги, – усталым голосом попросил старик. – Внучка сильно заболела, жар, бредит. Срочно надобно в больницу свезти. Боюсь, что до утра не продержится. Вся пылает.

– Какая еще внучка, Жучка с репкой, бабкой и дедкой? – скаламбурил Оглобля, вспомнив сказку про репку, дедку и других персонажей.

– Старшего сына Артема дочка, – с затеплившейся надеждой ответил старик. – Сам он в России на заработках, а невестка в командировке, оставили внучку на нас.

– Не по адресу обратился, я не доктор, не врач.

– Знаю, что не доктор, но у тебя транспорт, колеса. Прошу, Христом умоляю, в больницу внучку отвезти, – запинаясь, произнес Матвей.

– Дед, у меня не такси, – недовольно проворчал Тихон. – Может, и оказал бы эту услугу, так ведь машина на приколе, аккумулятор сел и бензин нынче дороже молока. Рад бы помочь, но сам оказался безлошадным, пешком передвигаюсь, как простой мужик.

Старик почувствовал, как тугой комок подкатил к горлу, глаза застили слезы, он с трудом выдавил из себя:

– Тихон, я заплачу за бензин и хлопоты. Давеча пенсию получил.

– Не серчай, дед. Сказал же, что аккумулятор сел и бензина нет, бак сухой, до заправки не хватит доехать.

– Души у тебя нет, а не бензина, – прошептал Матвей и, не опасаясь вдруг присмирившего пса, пошел со двора. Опомнился лишь на улице и остановился в растерянности. Обрадовался, вспомнив о конюхе Семене, своем ровеснике. Ему перевалило за шестьдесят пять, но держится молодцом, подрядился ухаживать за лошадьми в фермерском хозяйстве. Иногда на вечеринках Семен любил исполнять свою коронную песню об извозчике, у которого лошадь споткнулась и «Ихав казак на вийненьку». За это и прозвали Семена казачком. Он гордился этим званием. Матвей разбудил приятеля среди ночи и вместе направились к конюшне, расположенной на окраине села. Объяснили заспанному сторожу ситуацию и тот, полагаясь на непререкаемый авторитет Семена, позволил запрячь в бедарку выбранную конюхом, покладистую и резвую кобылицу Звездочку темно-бурой масти с белым пятнышком на лбу.

– Спасибо тебе, друг сердешный, – закивал головой Матвей.

– погоди, остановил его Семен. Вместе поедем, сподручнее будет, а то ведь придется управлять вожжами. Девочку по очереди будем держать на руках.

Подъехали к дому с освещенным окном и их встретила, встревоженная долгим отсутствием мужа, Дарья.

– Как Оля? – спросил Матвей.

– Жар не спадает и тяжело дышит, – ответила женщина. Укутав в одеяло, осторожно вынесли девочку из дома. Поверх полушубков, чтобы не промокнуть, накинули прозрачные полиэтиленовые плащи. Уселись в бедарку, Семен взял в руки вожжи и выехали из села.

– Пить, пить, воды, – шептала горячими губами девочка. – Еще немножко, Олечка, внучка, потерпи, – успокаивал ее дедушка, смачивая сухие губы губкой, пропитанной соком. Бережно заслонил полрой полушубка от ветра. Хотя и ехали быстро, но Матвею казалось, что дороге до райцентра не будет конца.

Потеплело на душе, когда за серой стеной лесополосы с черными сорочьими гнездами увидели огни поселка. Подъехали к зданию больницы. Осторожно занесли девочку в приемный покой.

Дежурный врач-терапевт светловолосая женщина, осмотрела Олю, прослушала дыхание стетоскопом, измерила температуру и пульс. Матвей и Семен молча наблюдали за движениями ее ловких, с длинными, как у пианистки, пальцами рук.

– Симптомы ОРЗ, – произнесла женщина. – Сделаем жаропонижающую инъекцию, температура спадет и станет легче. Спасибо вам, дедушки, что поторопись. С этой болезнью медлить нельзя. Скоро поправиться ваша внучка. Ишь, белокурая красавица.

Врач ласково погладила Олю по мягким и светлым, слов-

но лен, волосам. Девочка открыла глаза и жалко улыбнулась, доверчиво поглядела на врача, а потом на стариков своими зеленовато-бирюзовыми глазами и едва слышно прошептала:

– Деда, не оставляй меня, а где бабуся?

– Хорошо, внучка, я побуду с тобой, а бабушка дома. Молится, чтобы боженька тебе помог, не оставил в беде.

– Ты, Сеня, езжай, – обернулся Матвей к конюху. – Я с Олей побуду, а в полдень на рейсовом автобусом вернусь.

– Э-э, так не годится, – возразил Семен. – Где видано, чтобы друзей в беде оставлять. Вместе поедим, вдвоем веселее.

К утру девочке полегчало, жар отступил. Но врач велела лежать и принимать лекарства. Матвей несказанно обрадовался добрым переменам и только теперь почувствовал, что очень устал, годы ведь не молодые. Семен был покрепче. Они сходили в магазин и закупили девочке соков, кефира, печенья, конфет и других лакомств, а главное куклу, говорящую: «Мама».

– Дедушка, не уезжай, – просила внучка.

– Не волнуйся, Оленька. Каждый день с бабушкой будем тебя навещать, – пообещал он. – Ты только быстрее выздоравливай, не капризничай и слушайся доктора.

Когда выехали, солнце сияло в зените. Дорога слегка подсохла. Семен отпустил вожжи и Звездочка шла спокойно, кося глаза на зеленые поля озими. Семен покуривал трубку, а Матвей оглядывал окрестности, подернутые сизой дымкой.

Так они и ехали, уставшие, но довольные тем, что все завершилось благополучно. Повернув на проселочную дорогу, увидели выезжающие из села «Жигули» темно-синего цвета. Матвей признал автомобиль Оглобли, а за рулем хозяина. Тот тоже распознал старика и на узкой дороге, мастерски развернув машину, поехал назад в село.

– Что это с Тихоном, аль забыл что?– удивился Семен. Матвей решил не посвящать в детали ночного визита к односельчанину.

– Наверное, он Звездочки испугался. Сбежал, чтобы не лягнула его копытом по золотым фиксам. Поделом бы ему, – усмехнулся Матвей. Он то догадался, почему Оглобля вдруг стал выделять виражи. Может, совесть проснулась. Старик с горечью подумал, что людям, у которых все благополучно и обходит стороною горе, часто не хватает самого главного – человечности и доброты к тем, кто оказался в беде.

НАСТЕНЬКА

Михаил Скобцев поднялся на пригорок у околицы села и посмотрел на ровные ряды белых, покрытых шифером, домов. Вытесняют новые постройки старые саманные хаты под красной, выгоревшей на солнце черепицей. Скоро и следа не останется от прежней Глуховки.

Улица была освещена заходящим солнцем, которое подожгло лиловые края перистых облаков и медленно, слов-

но огромная медаль из скифского золота, погружалось за темную стену лесополосы. Михаил отыскал родительский дом, приютившийся в зелени деревьев. Он отворил приятно скрипнувшую под рукой калитку и вошел во двор. Старался идти тихо, чтобы, как обычно, войти в комнату и удивить своим приездом родителей. Но не успел он подойти к деревянному крыльцу, как к его ногам откуда-то из-за сарая, гремя цепью, с лаем бросился пес.

– Тш ...тише, – Михаил беспомощно замахал руками, припомнив кличку. – Тише, Джек, родню не узнаешь, память, видно, ослабела?

Скобцев потрепал пса по темной с отливом шерсти.

–Ты, меня тоже, дружок, прости, совсем было забыл, что ты стережешь дом моих стариков.

Джек узнал Михаила и радостно стал тыкаться холодным носом в его ладони. Михаил огляделся по сторонам, подмечая перемены, которые произошли с тех пор, когда он в последний раз был дома. В саду подросли молодые деревца, а под окнами, выходящими на улицу – много цветов – радость матери. Дом стал ниже или Михаилу после многоэтажных зданий из бетона и стекла, так показалось. Он отворил дверь в сени и вошел в горницу. В следующее мгновение увидел лицо матери. Она что-то стряпала на столе и, обернувшись на скрип двери, увидела сына. Замерла от неожиданности.

– Сыночек, Мишенька, – мать протянула к нему белые от муки руки. Боясь замарать на сыне костюм, как то бес-

помощно приникла к нему головой. Из-под черного платка Скобцев увидел прядку седых волос. Стало очень жаль мать, тугой комок подкатил к горлу. И он еще раз упрекнул себя за то, что так долго собирался в село. Причины, мешавшие приезду, теперь казались мелочными.

– Успокойся, мама, – неумело уговаривал он ее. Вытирая краешком платка глаза, Дарья Петровна торопливо произнесла:

– Чуюло мое сердце, что ты приедешь. Сегодня с утра во дворе петух пел, кошка в сенях умывалась. Я вот пышки заладила на молоке печь. Ты ведь любишь сдобу?

– Конечно, люблю. А отец где? – спросил Михаил, устало опускаясь на скамейку.

– Он скоро вернется, пошел за село траву косить. Мы ведь еще коровушку держим. Трудно корма доставать, лугов совсем не осталось.

Михаил слушал, с теплотой наблюдая, как под ловкими руками матери кусок теста превращается в круглую пышку.

– Ты, сынок, посиди, а я тебе сейчас холодного молочка из погреба принесу. Поди, устал с дороги.

Мать вышла и вскоре вернулась с глиняным кувшином в руке. Холодное, вкусное молоко освежило и сияло усталость.

– А вот и горячая пышечка, – мать, припеваючи, подала ее сыну. Михаил, как в детстве ел душистую пышку с молоком. Насытившись, встал, прошелся по комнате.

– Что-то маловата стала наша избушка? – улыбнулся он

матери.

– Это ты, сынок, вырос, – Дарья Петровна ласково поглядела на ладную фигуру сына. – Нам давали новый дом, да мы не захотели переезжать. Он для нас ведь родной, родительский. Тепло и уютно в нем. Здесь мы тебя и Алёну вырастили. Здесь с отцом и помирать будем. Тебе, сынок, тоже пора гнездо вить, о внучке или внуке мечтаем.

Мать с затаенной надеждой поглядела на него и покачала головой:

– Молодость пройдет. Каждому делу свое время положено.

– Ничего, мама, будут у тебя еще внучата, – он обнял мать за плечи. – Пойду я отцу подсоблю. Давно в руках косу не держал.

Потеплело на душе у матери от этих сыновних слов. «Значит, не забыл он крестьянской работы, значит, живет в нем деревенский дух. Глядишь, и останется в селе. Легче будет коротать старость. При его уме да образовании и в селе работа найдется. И невесту я ему приглядела».

– Иди, а я пока управлюсь с пышками, – спохватившись, сказала она сыну, все еще охваченная радостными думами.

Отца, Ивана Андреевича, Михаил встретил за селом, где среди кустарников смородины и шиповника буйно росла трава. Остановился недалеко, наблюдая как ловко старый Скобцев размахивает косой. В лицо дохнуло пряными запахами. Разбежались вокруг ромашки.

– Вжик– жик ...– толи поет коса, толи плачут скошенные травы. Вот косарь остановился, смахнул рукой с лица пот.

– Отец! – крикнул Михаил и поспешил навстречу. Они крепко обнялись.

– Что ж это ты долго не заявлялся в село? Чай, и дом родительский не нашел? – упрекнул его отец. – Невесту из города часом не привез?

Михаил уклонился от ответа:

– Дай-ка, батя, косу, попробую, – и с озорством прочитал пришедшие на память есенинские строки:

Что же, дайте косу, я вам покажу –

К черту я снимаю свой костюм английский.

Я ли вам не свойский, я ли вам не близкий.

Памятью деревни я ль не дорожусь?

– Поглядим, поглядим, на что ты способен, – подбодрил его отец. – На словах все мастера – умельцы, вот на деле ...

Михаил взял еще теплую от отцовских ладоней косу. Лихо размахнулся. Лезвие пошло неровно, срезая лишь верхушки стеблей, головки пестрых цветов – синих цикория и желтых сурепки, розового душистого горошка, белых ромашек ...

– Эх, разучился, сынок,– сокрушенно покачал головой старый Скобцев, – Так ты мне косу собьешь. Пошли, мать нас заждалась.

Михаил все еще старался подчинить себе непослушную косу.

– Завтра-то день будет, – похлопал его по плечу Иван Андреевич. – Признайся, непривычно после чертежей, да циркулей держать в руках крестьянский инструмент?

– Ничего, отец, одолею.

– Это хорошо, что у тебя есть хватка. Было бы желание, а умение придет в работе, – отец захватил в охапку скошенную траву. – Гостинец коровушке Красуле.

В село возвращались вместе. Закат догорал где-то на краю земли. Из уютных под зеленой сенью деревьев дворов плыла музыка, лаяли собаки и перекликались петухи.

Михаил, молча слушая отца, вспоминал о детстве. Улица была пустынной. Вот пригорюнился старый колодец. Помнит Михаил, как подростком гонял сюда коров на водопой. Теперь колодцем не пользуются, и он постарел. Темный, омытый дождями сруб подгнил, печально свесил длинную шею журавль. Михаилу показалось, что теперь колодец жалуются каждому прохожему: «Забыли вы меня, забыли». Не одно ведро он утопил в его темной прохладе. Частенько тогда за это озорство перепадало от матери, а отец «кошкой», привязанной к концу веревки, отлавливал ведра со дна колодца.

Из раздумья Михаила вывели чьи-то торопливые шаги. Он поднял глаза и в приблизившейся стройной девушке с радостью признал свою бывшую соседку Настю Гуркову. Она, наверное, не узнала Михаила. Но все же, отойдя несколько шагов, оглянулась. Красивый овал и черты лица. Темные во-

лосы были собраны в тугой узел.

– Настя, ты? – окликнул он девушку. Она остановилась. Увидев рядом с незнакомцем Ивана Андреевича, вспомнила:

– Неужели Миша, Михаил?

– Я, – зачем-то поправляя галстук, ответил Скобцев, не сводя с нее глаз. Настя подала ему руку.

– Здравствуй. Рада видеть тебя в нашей Глуховке. Михаил легко сжал Настины пальцы, почувствовав их теплоту. Она, немного смутившись, загадочно отвела взгляд в сторону.

– Изменилась ты, повзрослела и похорошела, – с нежностью в голосе произнес он, не торопясь разминуться. Отец уловил пристальный взгляд сына и дернул его за рукав.

– Пошли, – сердито проговорил он.

– Ладно, я тоже пойду, – усмехнулась Настя и простучала каблукками. Подходя к калитке, Иван Андреевич замедлил шаг:

– Ты того, Михаил, не слишком на Настю заглядывайся. Девка она видная, да речи о ней по селу разные ходят. То с одним, то с другим хлопцем ее встречают. Такая, как она, своей красотой любому голову вскружит. Держись от нее подальше. Вот тебе мой отцовский совет.

– Это, отец, наверное, глуховских старух сказки. Злые языки, которые страшнее пистолета, – усмехнулся он. – В городе на такие отношения смотрят проще.

– В селе каждая девка на виду, – рассердился отец. «И то

верно, – подумал Михаил. – Давно я не знаю Настю. Много воды утекло с тех пор, когда в одну школу полевой тропинкой ходили. Но она была девчонкой и не привлекала его внимания. А теперь первая красавица на селе. Того и гляди, укатит в город, а там много соблазнов и пороков. Все может случиться».

На Михаила наплыло чувство легкости, и в то же время проникла в сердце грусть об уходящем, дорогом. Что привело его в село? Отчий ли дом, память ли о детстве? А может, она, Настя, пробудившая в его душе теплые воспоминания. Он встал на рассвете. Услышал шаги матери, спозаранку хлопотавшей на кухне.

– Ты бы, сынок, еще маленько отдохнул, а я вам с отцом завтрак приготовлю, – увидев Михаила, проговорила Дарья Петровна. – Сегодня ведь воскресенье, можно и поспать. Впрочем, у тебя ведь отпуск. Михаил прошел к отцу в сарай, откуда доносилось тихое мычание Красули. Иван Егорович положил в кормушку охапку сочного разнотравья.

– Пойду я прогуляюсь за село. Ты мне косу дай, – попросил он.

– Решил все же стать заправским косарем, – усмехнулся отец. – Авось, в городе сгодится, газоны стричь.

– Решил, – Михаил взял косу, легонько провел бруском по лезвию.

Наскоро позавтракав, Скобцев пошел за околицу на лужайку с кустарниками. Коса запела, поблескивая в лучах.

Разнотравье влажное от росы легко ложилось под лезвием. «Получается, – радовался Михаил. – Не утратил прежних навыков».

Солнце начинало припекать. Позади себя Михаил услышал девичий смех. Резко обернулся. Возле куста дикой смородины, усыпанного мелкими черными ягодами, стоял Настя. Она была в розоватом, что и вчера, платье. Девушка срывала с ветвей ягоды, и они блестели у нее на ладони, словно бусинки.

– Упарился, отдохни, – посочувствовала она. – А то похудеешь и городская жена не признает?

– Какая еще жена? – удивленно приподнял он брови.

– Наверное, есть, – девушка пристально поглядела на него и добавила. – Если не жена, так невеста или любовница?

Михаил молчаливо вытер пучком сочной травы мокрое лезвие косы. Подошел к Насте.

– Чем ты здесь занимаешься? – спросил он.

– Смородину ем, – быстро ответила она. Михаил улыбнулся, подмечая находчивость девушки – в карман за словом не полезет. Неожиданно смутился и наступила пауза.

– Почему замуж не выходишь? – с лукавинкой поглядел на нее.

– Жениха нет, подходящего, достойного, – взметнулись ее темные ресницы. – А без любви никакой в жизни радости...

– Что же так?

Настя пожала плечами.

– Работаешь где? – спросила она его в свою очередь.

– На заводе инженером-программистом, вот в отпуск приехал.

Он набрал в горсть ягоды и полакомился. Ощутил приятный привкус смородинового сока.

– Действительно, хороша, – улыбнулся он Насте.

– Послушай, Миша. Пошли на пасеку к деду Кирюхину, – предложила девушка. – Он добряк, майским медом угостит.

– Предлагаешь вначале медовый день, но я с тобой согласен на месяц, – пошутил он, и тут же сам смутился, видя, как она вся вспыхнула, стыдливо опустила глаза.

– Прости, Настенька, я не хотел тебя обидеть, невольно получился такой каламбур. Знаешь, мне с тобою очень хорошо.

– Успел обо мне послушаться всяких небылиц, – упрекнула Гуркова. – А я до сих пор недотрога и это многим не нравится. Но на чужой роток не набросишь платок ...

Настя, преодолев смущение, вдруг бросила в Скобцева горсть смородины и крикнула:

– Попробуй, догони!

Ветки кустарника цеплялись за края ее платья, хлестали по загоревшим икрам ног. Она, весело смеясь, оглядывалась на Скобцева, звонким смехом манила за собой. «Вот ребячество», – подумал Михаил, однако устремился за девушкой. Догнал ее и обнял за талию, ощутил упругость молодого горячего тела.

– Пусти, пусти, – испуганно прошептала она и выскользнула из кольца его рук. И вдруг загрустила. Шла, изредка поглядывая на Михаила. В разросшейся траве едва проглядывала тропинка.

До пасеки оставалось не более километра, когда на проселочной дороге показалась повозка. Лошадь бойко перебирала ногами. Сидя впереди деревянной бочки, ею правил подросток с вихрастым рыжим чубом. Он лихо крутил в воздухе концами собранных в руку вожжей. Поравнявшись с Михаилом и Настей, придержал лошадь.

– Если на пасеку, то садитесь, подвезу. Председатель, вот велел воду для пчел завезти, – сообщил парнишка. Михаил и Настя пристроились на повозке. Возница остановил лошадь у самых дверей сторожки. На шум вышел старик с белой редкой бородкой. Михаил помог – старику наполнить емкость привезенной водой. Отвернул медный краник и выскобленный в толстой доске желобок наполнился прозрачной водой. Мгновенно слетелись пчелы. Кирюхин пригласил гостей в сторожку.

– Угощайтесь, – он налил из большой кружки в тарелку золотистый и прозрачный, как янтарь, мед и похвалился. – майский. А для тебя, Михаил, я припас медовуху, от которой голова светлая, а ноги пьяные. Подросток с восторгом уминал дедово угощение.

– Теперь каждый день сюда буду ездить, – шептал он и огорчался что ему еще предстоит ехать в бригаду. Насытив-

шись всласть, парнишка вышел из сторожки, и скоро, донесся его воинственный крик. Повозка с бочкой покатила дальше. Настя и Михаил лакомились не спеша. Старик набил самосадом свою выдавшую виды трубку. Синий дым обволокло его морщинистое лицо.

– Помню я, как вы на пасеке шкодили, а теперь, глядя, как выросли и не признал. Михаил солидный мужчина, а Настя – красавица, невеста на выданье.

– Время не стоит на месте, – ответила Настя, откладывая в сторону ложку. Михаилу вспомнилось, как в детстве он иногда приходил домой с распухшим от пчелиных укусов лицом. Они поблагодарили старика за угощение. Душисто пахло сеном. Давно Михаил не вдыхал такого пряного запаха. Он сел на бревна, лежащие у стога. Гуркова опустила рядом. Кирюхин пошел к ульям проверить соты.

– О чем задумался? – Настя тронула Михаила за руку.

– О нас с тобой, – ответил он и словно впервые увидел ее серые с бирюзовым оттенком глаза. Скользнул взглядом по ее загоревшим стройным ногам и невольно протянул руку, чтобы обнять девушку за плечи. Но она строгим взглядом остановила его: «Не шали».

Михаил смущенно одернул руку.

– Аль наслушался обо мне много? Мол, доступная и безотказная? – спросила она мягче, чтобы как-то сгладить свою резкость.

– Вот ты какая, Настенька, – ласково прошептал Михаил.

– Какая уж есть, – тихо ответила она.

Домой Михаил пришел, когда солнце перевалило за полдень. В бочке, наполненной дождевой водой, обмыл лицо. Иван Егорович встретил его сухо. Взял из рук сына косу.

– Ты что же, сын, срамить нас приехал? – сердито спросил он Михаила. – Мальчишку бы постыдились. Прогуливаются средь бела дня. Мало ли у Насти женихов, и он туда же.

– Отец, как ты можешь так отзываться о прекрасной девушке. Ее здесь из зависти сплетнями затравили, – огорченно вздохнул Михаил. – Плохо вы Настю знаете, распустили слухи и сами же им верите.

– И что ты в ней нашел? Есть и другие девки в селе – любую выбирай и хоть завтра под венец.

– Никак женить меня хочешь, отец?

– Будет вам ссориться, – вышла на крыльцо Дарья Петровна. – Сынок отдохнуть приехал, а ты его укорять.

– Знаем, что говорим, – недовольно ответил старый Скобцев.

– Косить-то научился, аль времени не было?

– Малость накосил, скоро сено можно будет сгребать в копну, – задумчиво произнес Михаил. «Настя, Настя, разворошила ты память, – подумал он. – Наполнила сердце непонятной истомой».

Он долгим взглядом провел по полыхавшим в палисаднике цветам.

– Уж лучше б тебе не ходить за Настей. – Дарья Петров-

на с женской жалостью поглядела на сына. – Приворожила она тебя травами к себе. У нее бабка колдунья, знает всякие отвары из трав и наговоры. Наверное, эта магия и ей по наследству передалась.

– Если она волшебница или колдунья, то почему страдает от одиночества? Давно бы уехала в город и какого-нибудь богача к себе приворожила? – спросил Михаил, улыбаясь. Мать не смогла возразить.

– Не волнуйся, мама, все будет хорошо, – успокоил ее Михаил, с радостью думая о предстоящем свидании с Настей. Твердый, уверенный голос сына успокоил мать. Ее лицо посветлело. Она любовалась Мишенькой. В ее памяти он все еще был босоногим мальчишкой, убегающим на рассвете по росистой траве в поле...

БАБУШКА ТАМАРА

Маленькая дверца на часах-ходиках с маятником и цепочками с двумя гирьками открылась, серая кукушка семь раз прокричала свое неизменное: ку-ку! Антиквариат минувшей эпохи. Бабушка Тамара, ровесница часов, привыкла к монотонному ходу и голосу кукушки. Разговаривала с ней, как будто с живым существом.

– Проснулась, голубушка, – приговаривала старуха, передвигая на печи чугунные казанки.

Да и не с кем было больше разговаривать, разве, что с

кошкой – ангоркой Феней, свернувшейся пушистым дымчато-серым калачиком на коврике, связанном хозяйкой из разноцветных лоскутков ткани.

Тамара Игнатъевна жила сама в старой саманной хатенке, огороженной покосившимся плетнем на окраине села. В теплые солнечные дни ее навещали такие же старые подружки. Приходили вспомнить молодые годы, посудачить о сельских новостях. Она была рада гостям. Сразу же накрывала белой самотканной с вышитыми розами скатертью широкий на деревянных резных ножках стол. Подавала свое не шибко пышное угощение: оладьи или блины со сметаной, варенье и чай.

Заслышав голос кукушки, Тамара Игнатъевна спохватилась. Разбудила Феню, наказав ей блюсти порядок в горнице. Протерла рушником размещенную под стеклом фотографию единственного сына Бориса, погибшего в Афганистане при выполнении интернационального долга, как начертано на граните могильной плиты.

Сына, офицера, капитана ВВС доставили тогда в цинковом гробу в «черном тюльпане» на ближайший военный аэродром. Смахнула с щеки набежавшую ненароком слезу. Повязала свои пепельно-седые волосы серым из козьего пуха платком, перекрестилась на маленькую теплившуюся в верхнем углу комнаты иконку Николая Угодника и вышла в сени, а оттуда во двор. Покликала разбредшихся за изгородью кур и насыпала им зерен, налила воды в корытце.

Еще с вечера Тамара Игнатъевна решила сходить в сельсовет и попросить, чтобы пока погожие дни, а скоро заждит, починили прохудившуюся крышу. Хатынка состарилась, вросла в землю, выгоревшая на солнце черепица потрескалась, сдвинулась и появились щели, да и в печке колосники прогорели, стала дымить, наверное дымоход сажей забился.

«Даст Бог, отзовется на просьбу председатель Геннадий Львович», – с надеждой подумала она и вышла за калитку на улицу. Шла по разбитому тротуару, отвечая на приветствия односельчан. Ей улыбались, спрашивали о здоровье и она охотно отвечала: «Да, живу я еще не померла и вам желаю крепкого здоровья». Приглашала в гости и многие знали, что не прогадают, так как Игнатъевна славилась своими пирогами и другими лакомствами. А уж хлеба такие пышные выпекала, что загляденье.

В канун Рождества, Пасхи и других православных праздников к Тамаре навещают за советами по кулинарной части. А потом за добрую науку несут на дегустацию и в подарок румяные, душистые пасхи, крашеные яйца. «На что мне столько одной!» – сетует она и щедро угощает вездесущую детвору.

В здание сельсовета Тамара Игнатъевна вошла уверенно, остановилась у порога в просторный, ярко освещенный люстрой кабинет с широким столом, стульями и шкафами.

– Доброго вам, здоровья! Господи, хорошо, что застала. А

то, как не придешь, сказывают, что в райцентре на совещании, – посетовала она.

Геннадий Львович, не поднимая своей крупной, коротко остриженной головы, шелестел бумагами, имитируя большую занятость и с досадой подумал: «Вот, божий одуванчик. Я грешным делом полагал, что преставилась. Полгода, как не беспокоила». Потом нехотя поднял глаза и с опозданием ответил:

– Тебе тоже, бабка, здоровья. Никакая холера и чума тебя не берет. Еще скрипишь потихоньку?

– Да, Бог милует.

– На выборах за кого голосовала?

– За тебя, сынок, и за коммунистов. При них спокойно жилось, не грызлись, как нонча депутаты, что пауки в банке, – произнесла она

– Напрасно за комуняк свой голос отдала. Они церкви разрушили и закрыли, а мы их открываем, чтобы было куда, таким как ты, старикам, сходить и душу излить. Чего тебе, надо, старая, у меня времени в обрез? Говори живо без биографических подробностей и сплетен.

– Мне бы, Геннадий Львович, хату немного починить, чтобы крыша не протекала и печка не дымила, – попросила Тамара Игнатьевна и напомнила. – Весной ведь еще обещал, когда агитировал, чтобы тебя снова выбрали головой. А уж осень и скоро дожди пойдут. Зальет меня.

Старушка жалостливо поглядела на начальника и он бес-

покойно забарабанил короткими пальцами по столу, отведя взгляд в сторону.

– Мало ли что я обещал. Так все кандидаты делают, коммунисты тоже обещали рай на земле. Материала у меня нет, камня, кирпича, шифера и цемента, – сообщил он. – К коммунистам сходи, за которых голосовала. Они тебе, держи карман шире, виллу построят.

И громко рассмеялся, довольный собою. Потом натянул на круглое, как сдобная пышка, лицо маску суровости и велел:

– Ты потерпи еще немного. В следующем году переселим в новый дом. Словно в царских хоромаш будешь жить и чай с пирогами вкушать. Я знаю, что ты мастерица их печь, довелось попробовать. Не забудь тогда пригласить на новоселье в гости. По такому случаю не поскуплюсь, цветной телевизор презентую.

– Мягко стелешь, да жестко спать. Не надо мне новый дом. Как ты его строить будешь, если даже на ремонт материала нет? – резонно заметила старушка. – Ты лучше вели перекрыть крышу, а то потолок протекает. Да печку пусть подправят. Жить то мне немного осталось. Скоро избавлю тебя от хлопот.

– Починим твой сарай, хотя давно надобно подогнать бульдозер и на слом, а участок отдать под строительство, – вздохнул он, стараясь побыстрее избавиться от просительницы. И, давая понять, что разговор окончен, заключил.

– Ступай, Игнатъевна, с Богом, откуда пришла, недосуг мне тебя ублажать. Жду начальство из района.

– Можэ мне к ним обратиться? – воспрянула духом женщина.

– Ни в коем разе! – воскликнул сельский голова. – Ты только себе навредишь. Не смей через мою голову прыгать!

С горькой обидой вышла Тамара Игнатъевна на улицу. А начальник вызвал секретаршу и устроил ей разнос:

– Марина, сколько тебе раз говорить, что у нас солидное учреждение, а не проходной двор. Пускаешь кого попало. У меня приемный день в последний четверг месяца.

– Геннадий Львович, так бабушку Тамару все знают и почитают. Она старенькая, жаль ее. На прошлой неделе три раза приходила, но не застала вас, – возразила девушка. – К тому же и мы когда-нибудь состаримся. Об этом не следует забывать.

– У меня и без того гора неотложных дел и я не мать Тереза, чтобы возиться с бабками, – недовольным тоном заявил он. – Зарубили себе, Марина, на носу или завяжи узелок на память, что здесь я команду парадом, а твоя функция – исполнять и блюсти порядок, режим работы.

Марина капризно поджала губы, сдерживая себя от реплики. И, недослушав начальника, вышла в приемную.

Тамара Игнатъевна остановилась возле крыльца, утерла краем платка слезы и побрела, горестно вздыхая. Второй раз остановилась, чтобы отдохнуть возле добротного в два этажа

под малинового цвета металло-черепицей, особняка Геннадия Львовича.

Сквозь неплотно прикрытые ворота разглядела постройки во дворе: летнюю кухню, гараж, баню... «Материала и цемента у него, куркуля нет, – с обидой подумала она. – Не даром сказывают, а дыма без огня не бывает, что все казенные деньги на свой дворец потратил». Медленно, часто отдыхая, доплелась до своей хаты. Вошла в горницу и опустилась на скамейку. Сидела беспомощная и одинокая, глядя на пожелтевшие от времени фотографии мужа и братьев.

Потом вспомнила, как в молодости муж, увлеченный творениями Лермонтова, называл ее царицей Тамарой и чуть заметная улыбка тронула ее губы.

Вечером за маленьким окном зашумел ветер и вскоре по стеклу застучал дождь. Растекающиеся капли показались ей горькими вдовьими слезами. Она встала и принялась расставлять ведра, кастрюли, казанки под потолок с мокрыми разводьями на побелке. Капли, срываясь с низкого потолка, зазвучали в горнице печальной мелодией. Кошка Феня, лавируя между посудой, пробралась на сухое место поближе к печке.

ОБКАТКА

Пыльная, взрытая траками танков дорога вела на полигон. В знойном полуденном воздухе висела гулкая, напряженная

тишина. Изредка со стороны стрельбища доносились короткие автоматные очереди, да вдали над зелеными ангарами военного аэродрома взмывали в небо серебристые истребители. Высоко в голубизне поднебесья два совсем игрушечных самолета, за которыми тянулся белый шлейф, чертили замысловатые фигуры.

Новобранец рядовой Георгий Шубин, сидя рядом с сослуживцами в кузове мощного автомобиля-вездехода «Урал», провожал проплывающие вдоль дороги поля и деревья грустным взглядом. Его угнетала непривычная жара южного края, а в голове вертелось непонятное слово «обкатка». После команды «подъем!», прозвучавшей в казарме учебного подразделения отдельной роты химической защиты, курсанты-новобранцы тщетно старались предугадать смысл этого странного слова. Кого и зачем и каким способом решили обкатывать?

Строгие сержанты прерывали всякие размышления и домыслы частыми командами. Небольшой плац, обсаженный по периметру стройными тополями с серебристой листвой, с утра гудел под тяжелыми кирзовыми, начищенными до блеска сапогами. Оттуда доносились отрывистые голоса: «Нале-во... Напра-во! Шагом марш! Кругом!»

И вот теперь солдаты, рассевшись по машинам, ехали на полигон. Осталась за поворотом окраина города со старыми одно и двухэтажными зданиями, хозпостройками, садами и палисадниками. Новички с тревогой и волнением жда-

ли предстоящих испытаний. Сержант Логунов, в отделение которого был зачислен Шубин, отвечая на вопросы и любопытные взгляды своих подчиненных, сказал:

– Было время, и я тоже ломал голову над словом «обкатка». Увидите и испытаете. Это будет ваш первый экзамен на звание солдата, воина Отечества.

Город утонул в золотистом мареве. Смутно угадывались его очертания. Ухоженные поля и сады неожиданно расступились и теперь вокруг лежала пустынная, выжженная солнцем степь. За машинами, крытыми брезентами, тянулись клубы желто-серой пыли. Она проникала сквозь полог и оседала на лицах ребят, на пилотки и ещё не успевшие выгореть и просолиться потом новые гимнастерки.

Курсанты, расположившись вдоль бортов на откидных сиденьях, придерживали недавно после принятия присяги, врученные автоматы Калашникова со штык-ножами и подсумками с магазинами в комплекте. На ремнях висели подсумки с желтыми пластмассовыми магазинами, сбоку – противогазы. В том, что за ними нужен тщательный уход Георгий и его друзья убедились сразу же после первых занятий по огневой подготовке на стрельбище, когда пришло время разборки и чистки оружия.

На эту процедуру ушло не меньше трех часов. Шубин не роптал на свою судьбу. Привыкать к твердой воинской дисциплине – дело нелегкое, но ему пришлось по душе и он быстро подчинил свою волю распорядку в казарме, стара-

тельному изучению теории и практики военной специальности инструктора-дозиметриста.

Вот и полигон. Далеко к горизонту уходит сухая степь, не знающая плуга и культиватора степь с сухим и жестким разнотравьем, исполосованная траками и колесами танков, бронетранспортеров и вездеходов. Вдали за рыжевато-бурым глинистым бруствером были видны несколько макетов танков и БТРов и БРДМ. Чуть поодаль, возле небольшого чудом сохранившегося деревца замер настоящий танк.

Машины с курсантами остановились возле вышки наблюдательного пункта, вознесенного над плоской кровлей одноэтажного здания, обнесенного проволочным ограждением. Первое занятие проходило в учебном городке. Командир взвода, стройный светловолосый лейтенант, недавний выпускник военного училища с новенькими погонами и портупей Вахтанов старательно рассказывал солдатам о зажигательных средствах, находящихся на вооружении потенциальных противников.

– Напалм – маслянистая, студенистая масса, – говорил он, демонстрируя вещества. – Его лучше всего тушить песком или плащ-накидкой, когда иных средств не окажется под рукой. Без доступа кислорода напалм гаснет. Двое солдат на примере подтвердили слова офицера.

Курсанты, поочередно гасили, полыхающее в липа жаром, неукротимое пламя. После усилий и смекалки его удавалось погасить.

– А теперь главное – обкатка танком, – строго произнес Вахтанов. Тем временем Сержант Логунов подвел свое отделение к траншее. В этот момент Георгию отчетливо вспомнился последний день перед призывом на службу, напутствия матери и отца, добрые пожелания друзей. От памятной картины прощания на перроне вокзала у него защемило сердце. В следующее мгновение он увидел Ксюшу с тугой косой и злато-карими зрачками печальных глаз. Они подружились еще в школе.

Не хотелось расставаться и они сомкнули горячие ладони рук. Шубин нежно привлек девушку к себе и смутился своей смелости.

Уже стоя в вагоне, через толстое зеленоватое стекло, он увидел ее грустное красивое лицо, и как сквозь туман до него донеслись ее последние слова: «Георгий, я буду ждать тебя! Пиши мне, милый, чаще, не забывай свою Ксюшу». И поплыл за окном шумный вокзал с пронзительным маршем «Прощание славянки».

Резкий гул заработавшего мотора прервал воспоминания Георгия. Тяжелый танк тронул с места и окутанный синевато-фиолетовым дымом устремился вперед. Лейтенант был немногословен. Он надел на голову стальную, зеленого цвета каску, взял в руки два муляжа учебных гранат и лихо спрыгнул в траншею.

Потом приподнялся над бруствером и подал знак рукой выглянувшему из люка танкисту в черном шлемофоне.

Танк, увеличивая скорость, рванул прямо на траншею, в котором находился взводный. Когда до машины оставалось метров пять, офицер приподнялся и бросил первую гранату под гусеницу танка. Сквозь столб пыли солдаты увидели, как грозная машина, лязгая гусеницами и кромсая почву, накатила на траншею. Вдогонку вторая граната настигла танк. Вахтанов, отряхивая с гимнастерки землю, возвратился к взводу и строго спросил у присмиривших ребят:

– Все видели, понятно, как надо действовать?

– Так точно, товарищ лейтенант, – прозвучали несколько голосов, но без энтузиазма.

– Кто хочет первым себя испытать? – спросил он после короткой паузы. Наступило молчание.

– Я, – тихо произнес Шубин. Все солдаты обернулись к нему.

– Рядовой Шубин вам все ясно? – спросил офицер, передавая каску и гранаты.

– Так точно! – ответил Георгий. «Так вот какая обкатка», – подумал он. Надел каску и спрыгнул в траншею, где затаился запах выхлопных газов. «Только бы не сдали нервы», – упрямо стучала в виски кровь. «Пиши мне, милый, чаще, не забывая свою Ксюшу», – звучал ласковый девичий голос.

Он крепко стиснул в руке гранату, словно она была настоящей, а не учебной и стал ждать. На самом краю траншеи, среди сухих травинок на изогнутом стебле белела чу-

дом уцелевшая ромашка. Танк между тем приближался. Георгий уже отчетливо видел его башню, длинный покачивающийся ствол. Он до боли сжал пальцами гранату. Дистанция между танком и траншеей быстро сокращалась.

Курсант приподнялся и метнул гранату. Едва, успел пригнуться, как огромная, щадящая дымом, темная масса нависла над ним, закрыла солнечный свет. Желтая глина сухими комьями посыпалась на каску, за воротник гимнастерки.

Несколько секунд превратились в минуту, танк замер на месте, вращая гусеницами. Георгию показалось, что машина вгрызается в почву и еще одно мгновение и раздавить его многотонной массой. Но снова вспыхнуло над головой высокое небо, в котором постепенно растворялся инверсионный след самолета.

Шубин вскочил и точно метнул вторую гранату. Она гулко ударилась о броню. На дне окопа, среди комьев осыпавшейся глины лежала хрупкая ромашка с белыми лепестками и золотым сердечком.

Солдат бережно расправил ее на ладони и положил в карман. И снова Шубину увиделись милые Ксюшины глаза, окаймленные черными пушистыми ресницами.

– Я обязательно тебе напишу, – вслух произнес он и решил вложить в конверт ромашку. Раскаленное солнце повисло над землей большим оранжевым апельсином. Оно равнодушно взирает на ребят, проходящих испытание на твердость характера и силу воли.

СОЛНЕЧНЫЕ ЧАСЫ

1

Море зеленовато-бирюзовыми языками волн лизало песчаный берег и, нехотя, катилось вспять. На гребнях плясали солнечные блики, словно осколки вдребезги разбитого зеркала. Море тысячелетиями повторяет свои простые и удивительно величавые гекзаметры, впервые разгаданные древним Гомером. Оно бывает, то ласковым и теплым, словно парное молоко, летом, то грозным и холодным со свинцово-тяжелыми бурунами в осенне-зимнюю пору, когда задуют норд-осты.

Ныне оно было темным и немного капризным с легким бризом. С неба на него обрушились миллионы тонких незримых лучей. В природе царил благодатный август. Лето в предчувствии золотой осени, стремилось быстрее сохранить энергию в море, песке, одарить ею людей, облепивших своими бронзовыми телами песчаный берег Азовского моря. У самой его кромки расположились палатки: зеленые, желтые, синие, оранжевые и армейские цвета хаки.

С высоты птичьего полета они казались разноцветными кубиками, рассыпанными волшебником. Возле некоторых из них поблескивали лаком автомобили. В разогретом, знойном воздухе слышались всплески воды, шум волн, голоса, смех и крики чаек.

Девушка сидела на песчаном откосе. На смуглые от загара плечи сбегали светлые волосы и в лучах солнца они отличались сусальным золотом. Ее лицо было обращено вдаль, где море сливалось с небом и краски на размытом, дымчатом рубеже переходили в более голубой цвет. Вадим Брусков, сразу, сойдя с бревенчатого причала, заметил незнакомку. Проследил за ее взглядом и увидел выплывший из-за крутого мыса белый пароход. Быстро нашел повод для знакомства.

— Я знаю, вы поджидаете принца, который приплывет на белом корабле, — произнес он, приблизившись к девушке. Она вздрогнула от неожиданности и обратила к парню лицо. Вадим замер, очарованный синью ее больших глаз. В ее облике было что-то от героинь с полотен Рафаэля, Леонардо да Винчи и других знаменитых итальянских живописцев. Правильные, строго симметричные черты лица, овальные тонкие брови. Девушка молча взирала на него, слегка улыбаясь, осознавая магическую силу своего очарования. А он стоял, потеряв дар речи, ощущая стук сердца под просоленной тельняшкой. В голову лезли нелепые мысли.

— Вы, наверное, прибыли из Рима. И этот пароход, — Брусков сделал жест в сторону удаляющегося судна. — Возможно, увезет вас в Италию или Грецию. Там живет ваш принц, который лунной ночью будет вас катать на лодке по голубым улицам Венеции и распевать серенады.

— Вы романтик, хорошо знаете географию и не лишены

дара воображения, – наконец, ответила незнакомка. Склонила на бок голову и золотой локон упал на лоб. Улыбнулась и нараспев: «Не надо мне берег турецкий, чужая страна не нужна».

Она закрыла книгу, лежавшую на коленях и поднялась в полный рост, очевидно, намереваясь уйти. На светло-фиолетовой обложке Вадим успел прочитать «Александр Грин».

– Вы любите море, – уверенно заметил он, радуясь возможности продолжить разговор.

– Откуда вам это известно? – усмехнулась она. – Хотя мне неизвестны люди, которые бы не восхищались морем, этой влекущей свободной стихией с романтикой и тайнами открытий.

– Грин писал о море, выдумав, словно таинственную Атлантиду, Зурбаган. Помните капитана Грэя, прекрасную Ассоль. Мне, кажется, вы на нее похожи и обладаете столь же красивым именем, обязывающим любить и быть любимой?

Она поняла его хитрость, но не назвала себя первой. Тогда Брусков подал руку:

– Будем знакомы, Вадим.

– Люба, – тихо промолвила она и встретилась с ним взглядом. — Я тороплюсь, меня ждет мама. Подскажите, который час?

Он растерянно поглядел на запястье левой руки и только сейчас вспомнил, что оставил часы в рубке катера, пришвартованного у причала. Люба ждала ответ, а Брусков чув-

ствовал себя смущенно, словно провинившийся школьник. И вдруг его лицо тронула загадочная улыбка. Приметил на песке деревянный колышек, оставленный от палатки. Взял его в руку и быстрым движением начертил на песке окружность. Сделал на ней пометки и воткнул колышек в центре круга.

– Это солнечные часы, – пояснил он. – По ним и определим время. В той стороне, где возвышаются горы, – юг.

Вадим указал рукой в сторону едва различимых за дымкой Крымских гор. А на противоположной стороне север.

От колышка падала коротка тень в сторону севера и он произнес:

– Сейчас полдень. А ночью, если бы вы согласились прокатиться на катере, я научил бы вас определять время по расположению звезд. Я закончил Керченское морское высшее училище, где кроме судовождения, в том числе и парусных яхт, изучал астрономию, азбуку Морзе и способы выживания в экстремальных условиях. Суворовское изречение: «Тяжело в учении, легко в бою» в полной мере относится и к морякам, ведь море благодушия и ошибок не прощает.

– Спасибо за информацию, – сказала Люба и пошла по берегу, осторожно ступая на колкие ракушки. Волны плескались у ее стройных ног и уходили в море, унося студенисто-фиолетовые тела медуз, оставляя на влажном песке нити зеленых водорослей.

Брусков запоздало устремился следом и предложил:

– Я вас провожу?

Люба ничего не ответила, но в легком наклоне головы он уловил согласие. Шагая рядом, он видел тонкий профиль ее нежного лица, смуглые ноги и руки с прилипшими к ним мелкими песчинками. И необыкновенное чувство радости заполняло его сознание.

– Я люблю купаться, но боюсь змей и медуз, – призналась девушка. — Правда, со змеями общаться не довелось. Я их вижу на поверхности воды, а вот за медузами не уследишь. После их прикосновения жжет кожу.

– Да, неприятные ощущения, но не опасны. Да и змеи не причинят вреда, они при виде человека уплывают прочь, поэтому купайтесь в свое удовольствие, – успокоил он и поинтересовался. – Люба, вы сейчас живете в рыбацком поселке?

– Да, с мамой снимаем комнату у местной старушки. Решили август провести у моря.

– Вы, наверное, актриса?

– С чего бы?

– С такими внешними данными место в театре или кино.

– Нет, это не моя планида, я учусь на биофаке. В следующем году защищаю диплом и буду преподавать биологию, – призналась она и в свою очередь спросила. А вы, Вадим, чем занимаетесь?

– Судовой моторист. Вот мой катер, – Брусков указал на судно. – Гуляю в море, а, если повезет, уйду с рыбаками на траулере на промысел и будем бороздить океан.

– Как это интересно и романтично! Неведомые сказочные страны, экзотика! – восхитилась она. – Моряки – мужественные люди, покорители свободной стихии.

– Не только моряки военно-морского и торгового флотов, но и рыбаки, просоленные штормами и ветрами, – подтвердил он.

– Вадим-м! Брусков! – послышался зов, усиленный репродуктором. – Срочно пройдите на катер!

Люба увидела его погрустневшие глаза.

– Видите, как бывает, – виновато произнес он и пообещал. – Приходите завтра на причал, покатаю вас на катере.

– И будете петь серенады, – озорно рассмеялась девушка.

– Встретимся на прежнем месте, – предложил Брусков, боясь услышать отказ.

– Не знаю, – Люба подала ему теплую ладонь. До свидания...

– До скорого! – обрадовался он, ибо больше всего не желал услышать из ее уст «прощай». Долго провожал ее нежным взглядом. Потом бодро и широко, словно на пляшущей на волнах палубе, зашагал по причалу к катеру, который удерживаемый швартовыми канатами, терся бортом о старые автомобильные шины, привязанные к стенке пирса. Здесь моториста поджидал с биноклем на груди в тельнике матрос Игорь Лукаш. Скуластое лицо, вздернутый нос, упрямые губы и желтовато-бурый чуб, о который ломались зубья даже металлической расчески.

На следующий день Брусков на полчаса раньше уже был на условленном месте. Напряженно следил за теневой стрелкой солнечных часов. Хотя на этот раз вооружился и наручными часами, и компасом. Встревожился, когда тонкая тень стала медленно отклоняться от пометки С. Но Люба все же пришла. Он узнал ее издали. На голове девушки была белая шляпка, окаймленная голубою лентой. Легкое лилово-сиреневого цвета платье подчеркивало стройную фигуру с тонкой талией. Вадим поспешил ей навстречу.

– Прости, я немного опоздала, – виновато опустила она ресницы.

– Люба, запомни, женщина никогда не опаздывает, она задерживается, – заметил он, осознавая, что все равно приходил бы к песчаному откосу в надежде увидеть ее.

– Я готова к морской прогулке.

– Прекрасно, к вашим услугам леги, – ответил он, держа ее изящную ладонь.

Игоря Лукаша капитан по его просьбе отправил в машинное отделение. Люба и Вадим стояли на корме, опираясь на мокрые поручни. Катер мчался, разрезая набегавшие от таманского берега волны. Соленые брызги освежали прохладой их лица, бодрили йодистым запахом ветра. Он загибал края шляпки, норовя сорвать ее с головы. Плотно прилепил

платье к тугому девичьему телу, словно изваял скульптуру.

Лукаш, следуя наставлениям моториста, выжимал из старенького катера предельное количество узлов. Работой своего помощника Вадим был довольный. Люба сняла шляпку и ветер закружил, разметал золотое пламя волос. Ему вдру захотелось прикоснуться к ним руками.

– Гляди, сколько чаек! – восторженно воскликнула девушка и мокрое платье проявило линии ее изящного тела, округлость бедер и гибкий стан. Он залюбовался, но натолкнулся на ее строгий взгляд. «Странно, ведь на берегу я ее видел в бикини, а здесь она застыдилась, – подумал он. – Непостижима женская психика и логика».

– Я сейчас, – произнес он и нырнул в проем с металлической лестницей, ведущей в кубрики. Возвратился с матроской робой и велел:

– Переоденься, а то простудишься. Море бывает не только ласковым, но и коварным.

Приняв робу, Люба медлила и он догадался пройти в рубку. Когда возвратился, то девушка предстала настоящей морячкой в тельняшке, брюках клеш и бескозырке с крабом. Ленточки переплелись с нитями волос.

– Любочка, – ласково произнес Брусков. – Иди к нам в экипаж, Тебе очень к лицу морская форма.

Она озорно улыбнулась и закружилась по палубе. На протянутом от кормы к рубке тросе сигнальным флажком трепетало на ветру ее лилово-сиреневое платье.

Когда они после морской прогулки, сходили на причал, утомленный Игорь Лукаш позавидовал Брускову:

– Где ты такую принцессу отхватил?

– Надо смотреть в оба. А тебе спасибо, дай краба, – он крепко пожал руку друга. – Скорость была крейсерской.

Катер, потрудившись на славу, отдыхал у причальной стенки. На берегу, как прежде было многолюдно и шумно. Из палаток выплескивались мелодии, звучали шлягеры. Качаясь на волнах, плавал красно-синий мяч, вокруг которого резвились детишки

. Выброшенные на берег, погибали медузы. Вадим и Люба бесцельно шли по берегу, разговаривая о случайных мелочах, обретавших значимость. Брусков не без гордости замечал восхищенные взгляды мужчин и парней, обращенные к его спутнице. Линия берега, изгибаясь дугой, уходила вдаль.

– Что это за сооружение? – Люба указала рукой на возвышающийся над берегом серый каменный остов.

– Старинная турецкая крепость Еникале. В городе очень много памятников античности, склеп Деметры, Царский и Мелек-Чесменский курганы, древние городища Пантикапей, Мирмекий, Тиритаки и другие, а также средневековья и современности.

– Интересно побывать в этой крепости. Там, наверное, витает дух прошлого и есть шанс отыскать монету, черепки, другие артефакты.

– Пошли, посмотрим, но находки не обещаю. Археологи

до нас поработали, да и в прошлом веке счастливики, охотники за кладами, все перекопали, – пояснил он. Взял Любу за руку. Еще в детстве со своими сверстниками он здесь играл в «войну» и каждый уголок крепости ему был знаком. Без особого труда преодолели уже давно осыпавшийся и поросший солончаком и тамариксом ров.

Когда-то он представлял для воинов, штурмовавших крепость, серьезное препятствие, заполненное водой. Воду с помощью простых, но эффективных гидросооружений, подавали из моря. Каменные стены кое-где разрушились от дождей и ветров, покрылись зеленовато-желтым и бурым мхом.

Настороженно, словно скрывая тайны былых сражений, зияют темные отверстия бойниц. Они вошли в один из мрачных казематов. Потянуло сыростью, тленом минувших веков.

Люба доверчиво прижалась к плечу Вадима. Под его ногой что-то хрустнуло и он наклонился. Поднял круглый предмет и поднес к глазам и с удивлением сообщил:

– Монета. Возьми на счастье.

Он положил ей на ладонь кусочек металла, покрытого празеленью и сверху накрыл его своей широкой ладонью. Повел девушку к яркой полоске света, проникшего в узкое отверстие бойницы. Увидел ее удивительно хорошие глаза, губы и упавшую на лоб золотую прядь.

– Любушка, милая, – прошептал он нежно и обвил ее та-

лию кольцом сильных рук.

– Вадим, Вадик, нельзя, – попыталась она отстраниться руками, но он поймал ее губы. Долго не отпускал, ощущая прилив страсти и близость ее хмельного тела. Наконец, ей удалось освободиться из его объятий. Обиженно отвернувшись, девушка пошла к выходу из каземата.

– Люба, я не хотел тебя обидеть. Все произошло неожиданно и спонтанно, – покаялся он.

Всю дорогу до рыбацкого поселка, они шли молча. Брусков чувствовал свою вину и не знал, чем ее искупить. Лишь у дома, где Люба с матерью снимали комнату, девушка остановилась и, привстав, поцеловала Вадима в губы и быстро побежала к обвитой зеленым плющом веранде. Ошеломленный он долго стоял у калитки.

3

«Люблю. Твоя Люба», – тонким прутиком было начертано на песке в окружности солнечных часов. Приятно толкнулось сердце в груди Брускова. «Она здесь уже сегодня побывала и не дождалась меня. Почему?» – встревожился он. Солнце перевалило за полдень.

Ноги принесли Вадима к знакомому дому в рыбацком поселке. Во дворе было тихо и в палисаднике под горячими лучами никли белые, розовые и желтые астры. Но их красота не привлекала его. Он постучал в дверь веранды.

– Почему в дверь ломишься? – укорила его сухонькая, но бойкая старушка.

– Бабушка, – радушно промолвил парень. – Будьте добры, подскажите, где ваши жильцы?

– Эх, милоч, опоздал ты, – произнесла старушка. – Утром раньше срока уехали. Собрали чемоданы и укатили на первом автобусе.

Лишь теперь Брусков вспомнил, что не спросил Любу о самом главном, где она живет?

– А куда они уехали? – с надеждой обратился он к старушке.

– Да в Питер, что на Неве, который прежде Ленинградом назывался, уехали. Хорошие люди, но всего недельку у меня прожили. Деньги справно оплатили наперед и возврат не взяли. Дочка то у Веры Владимировны Любочка, до чего добрая душа. По хозяйству хлопотала, дом в чистоте держала. Не неженка-белоручка, как иные городские крали. Мне бы на старости лет такую помощницу.

Старушка суетливо перекрестилась. С горькой обидой в сердце он направился к калитке. В висках напряженно пульсировала кровь. Мысли путались в голове: «Как она могла уехать, не простившись? Очевидно, произошло, что-то неординарное, разрушившее их планы. К тому же признание на песке».

– Эй, милоч! – остановила его старушка. – Они утром срочную телеграмму получили, поэтому и уехали.

Брусков вспомнил, что Люба как-то обмолвилась, что у нее тяжело болен отец и, возможно, потребуется экстренная операция. А ему, опьяненному любовью, казалось, что девушка всегда будет рядом. Немного отлегло после того, как он узнал о причине их отъезда.

Он направился к морю, вышел на берег. Волны ритмично повторяли свои гексаметры и, разволновавшись под порывами норд-оста, нагло воровали чужую радость, стирая на песке вместе с солнечными часами девичье признание.

«Где же мне теперь тебя искать?» – размышлял Вадим. Он присел на песчаном откосе, цепко обхватив колени руками и в поисках ответа устремил взгляд в морскую даль.

МУЗЫКА БЕРЕЗ

Сергей Мерцалов расположился у окна. Облегченно вздохнул, отдыхая от городской суеты, от бесконечного шума машин. Киевский вокзал столицы напоминал растревоженный муравейник, какие ему не раз доводилось видеть в подмосковном лесу. Теперь он равнодушно поглядывал в вагонное окно, не утруждая себя какими-либо раздумьями. Никто его не провожал, и он, привыкший к дорогам, уезжал без грусти и сожаления.

Через час Москва с высотными белокаменными зданиями, с многолюдными улицами и огнями светофоров осталась вдали. Товарные вагоны, цистерны и платформы на запас-

ных путях. Электричка шла через лес, и в приоткрытое окно повеяло сыростью, запахами листвы и хвои, среди березняка темнели стволы сосен. Вот к самому полотну, к гравийной насыпи сбежали молоденькие белоствольные березки, будто прислушиваясь к шуму электрички.

Эти березки Сергей сравнивал с деревенскими девчонками, которых часто видел на откосах. В какие только края не забрасывала Мерцалова беспокойная судьба журналиста. Одни поездки сохранились в памяти надолго, другие – быстро забывались. Все зависело от фабулы события, от личности людей, с которыми он общался. Вот и сейчас по заданию редакции он ехал в одно из сел, затерявшееся в стороне от больших дорог, чтобы разобраться в конфликте.

Вдруг в поле зрения попал добротный бревенчатый дом. Наличники на трех обращенных к дороге окнах отделаны искусной резьбой, конек украшен замысловатым узором. Возле высокого крыльца, словно сестры, обнялись две березы. Очень знакомым показал ему этот дом и растущие почти из одной точки березы.

Он напряг память, и трепетное чувство охватило его. Да, это действительно произошло с ним. Но когда? Шесть-семь лет назад, а может больше? В каком-то призрачном тумане плыл и качался вагон. Михаил в смятении прикрыл глаза, не зная, то ли радоваться, то ли огорчаться вдруг нахлынувшим воспоминаниям. Когда в памяти все стало на свои места, в его сердце проснулись и зазвучали струны далекой осени.

Веселыми группами выбежали на поляну березки и остановились, словно застыдившись своей наготы или испугавшись кого-то. Замерли на месте, светло заглядевшись вдаль, будто поджидая издалека милого дружка. В лесу разливался мягкий свет. Вечерело. Кора на березах была мраморно – белой с темными накрапами.

Лес подступал к самому поселку, и кое-где многоэтажные дома и стрелы башенных кранов поднимались над верхушками деревьев. В одну из первых своих командировок Мерцалов познакомился с Леной Вьюгиной. Неделя быстро пролетела, и вот последнее свидание. Они шли по лесу, потеряв счет времени. Сергей не отводил взгляда от смуглого лица девушки и сбегаящих на плечи светлых нитей волос. Она таинственно чему-то улыбалась. Они шли, не разнимая рук, и он с трепетом ощущал тепло ее нежной ладони.

– Смотри, как красиво, – сказал он. Лена запрокинула голову. Мерцалов проследил за ее взглядом, и в глаза брызнула просвеченная заходящим солнцем крона. Потом они вдвоем ловили опадающую листву, Лена собрала букет. Под ногами мягко пружинила листва, пахло сыростью и грибами. А в кронах деревьев вдруг запели птицы.

Они долго бесцельно бродили, потом он догонял девушку. Она, озорно смеясь и волнуя его, убегала, прячась за стволы берез. Рядом с ними Лена казалась еще стройнее, краше и желаннее. Он догнал ее и с неистовой силой прижал к груди, чувствуя, как, словно птица в клетке, бьется ее трепетное

сердце и влечет васильковый взгляд. Они движением рук и губ без слов поняли друг друга.

Когда совсем стемнело, вышли к небольшому озеру, обрамленному, словно золотой оправой, скопившейся на берегу листвой. Желтые кораблики плавали на зеркальной воде. Опрокинулись в озеро березы. Вода, не шелохнувшись, держала отражение. Он не отпускал теплых девичьих рук, благодаря за нежность и доверчивость. Неизвестно, как бы им удалось выйти к поселку, если бы не чуткий слух Лены.

– Слышишь? – она придержала его за руку. Он напряг слух. Она повела его за собой и минут через пять Сергей тоже услышал наплывающую музыку. Березы расступились, и перед взором предстал бревенчатый дом с тремя уютно светящимися окнами. Одно из них было открыто настежь. Кто-то невидимый играл на рояле. Ему запомнились две березы, растущие у крыльца. «Вот и нам бы так с Леной, взявшись за руки, идти по жизни», – подумал он. Хотел, было об этом сказать ей, но увидел ее очарованное лицо.

– Что с тобой, Леночка?

– Слушай, – прошептала она. – Ты знаешь, чья это музыка?

И, не дожидаясь его ответа, произнесла:

– «Времена года» Чайковского.

Музыка то нарастала, то уходила вдаль. Березы кружили хоровод, словно оранжевые звезды, осыпались листья.

– «Осенняя песнь», – промолвила девушка. Звуки музыки для Мерцалова вдруг приобрели реальные образы. Вот

легкий ветерок пробежал по березовой роще. Сначала робкий, он срывает один—два листочка и бросает их на озерную гладь, потом уже охапками, безжалостно обнажая девичьи тела берез. Вместе с музыкой в его сознании родились лирические строчки :

*Через лес плывут электрички,
Через сердце – светлая грусть.
У березок в платьицах чистых
Я словам золотым учусь...*

И даже тогда, когда Сергей и Лена возвращались в поселок последней электричкой, когда нежно расставались в темном подъезде дома, в его сознании все плыла и плыла музыка Чайковского и сердце наполнялось благодарностью к милому созданию, одарившему его теплотой и нежностью.

Со смешанным чувством Сергей поглядывал за окно. В нем боролись два желания. Первое – сойти на станции и хоть издали увидеть Лену и второе – не тревожить понапрасну сердце и проехать мимо. К тридцати пяти годам он так и не свил семейное гнездо, не обрел очаг. Первый брак оказался коротким, и он решил больше не жертвовать своей холостяцкой свободой. Но сейчас возникло новое чувство – сердце заныло от тоски и одиночества, от вспыхнувшего чувства вины.

Он обещал ей написать, но все откладывал. А потом чувство любви притупилось, захлестнули дела, закружили по-

ездки. И вместо оправдания в висках пульсировали слова: «Я должен ее увидеть». Он прислушался к стуку колес, и они тоже упрямо повторяли: «Ты должен ее увидеть... Ты должен ее увидеть...»

Электричка сбавила ход, и он прочел название знакомой станции. Он медлил. С ужасом подумал, что потом ему невозможно будет избавиться от саднящего чувства вины. Неведомая сила подняла его с места, и Сергей, растолкав пассажиров, перепрыгивая через коляски и сумки, устремился к выходу. Вслед донесся чей-то сердитый окрик, и в последний момент перед тем, как сдвинулись створки двери, он спрыгнул на перрон. Электричка, тревожно прокричав, тронулась с места.

Очнувшись на перроне, он растерянно оглянулся. Накрапывал мелкий, словно просеянный через решето, дождь, но Мерцалов не замечал его. По дощатому настилу, проложенному через рельсы, направился в поселок. За высокими соснами взору предстал пятиэтажный дом. Во дворе – детская игровая площадка с грибками и качелями. Неподалеку, несмотря на морозящий дождь, подростки увлеченно играли в городки. Он остановился поодаль от дома, возле одиноко растущей березы. Долго не мог закурить – от волнения ломались спички.

– Дядя, вы кого-то ждете?

Мужчина обернулся. На него, прищурив синие васильковые глаза, смотрела девочка лет пяти-шести. По-мальчише-

ски вздернутый нос с золотыми крапинками веснушек, слипшиеся от дождя льняные волосы. Он пристально взгляделся в лицо девочки.

«Боже мой, как она похожа на Лену... Неужели?» – промелькнула в сознании догадка. Он поспешно порывлся в карманах, но не нашел ничего подходящего, что можно было бы подарить девочке. Она с любопытством наблюдала за незнакомцем.

– Прости, – прошептал он виновато. Не заметил, как из подъезда дома вышла женщина. Раскрыла зонтик, окинула двор взглядом, отыскивая кого-то, и увидела девочку.

– Катюша, иди домой, ты вся промокла, – прозвучал знакомый бархатно-мягкий голос.

– Это моя мама, до свиданья, дяденька, – девочка помахала рукой, собираясь уходить. Он почувствовал, что в этот момент теряет последнюю возможность увидеться с Леной.

– Погоди, Катя, – умоляюще попросил он. Девочка остановилась, с недоумением глядя на незнакомца. Женщине надоело ждать дочку, она сама направилась к березе. По мере того как она приближалась, волнение и радость теснились в его груди.

Лена почти не изменилась, разве что немного пополнела, но сохранила легкость девичьей походки. Приготовилась отчитать непослушную дочку, но подняла глаза и остановилась. Он увидел; как побледнело ее лицо и беззвучно что-то шепчут губы.

– Лена... Елена Дмитриевна, – с трепетом произнес он.

– Сергей, Сережа..., – наконец справилась она с волнением.

– Леночка, вы замужем? – выдавил он из себя.

– Нет-нет, – покачала она головой. – Я ждала тебя. Долго ждала...

– Простите, прости меня, – он бережно поцеловал ее левую руку. – Вы помните Чайковского? «Осенняя песнь».

Лена утвердительно кивнула головой. Береза, свидетельница их запоздалой встречи, бросила в лицо Мерцалова горсть холодного дождя. Он поднял дочку на руки и бережно прижал ее к груди.

САШКА

В больничной палате нас четверо. Самому старшему, деду Митрофану, ветерану войны, перевалило за восемьдесят. Старика часто клонит в сон и он нередко засыпает, сидя на кровати, уронив свою с редкими седыми волосами голову на грудь.

Среднего возраста пациенту, Дмитрию Герасимовичу около сорока. Он страдал болезнью желудка, выражаясь его словами, отсутствием аппетита. Но, глядя на него, трудно было поверить, что он чем-то болен. Розовощекое лицо пылало здоровьем, а в уголках губ всегда теплилась виноватая улыбка. Он самый прилежный пациент, охотно принимал зе-

леного цвета микстуру, таблетки, которые утром и вечером приносит в палату дежурная медсестра Верочка. Она часто ставит Дмитрия Герасимовича нам в пример. Зато надо было видеть с какой боязнью прилежный больной шел на инъекции в процедурную, где постоянно витал запах эфира и других лекарств, а в никелированной ванночке кипятились шприцы. Тогда одноразовых изделий еще не было и в помине.

– Если бы не проклятые уколы, то жить здесь можно, как в санатории на курорте, – часто заявлял Дмитрий Герасимович перед тем, как отправиться на пытку. Я предполагал, что уколы скоро одолеют его и заставят сократить курс лечения. Но пока Дмитрий Герасимович терпеливо ходил в процедурную и долго потом сетовал, словно под микроскопом рассматривая ужаленное медсестрой место, будь то на руке или другом участке изнеженного, холеного тела. Насчет отсутствия аппетита он, конечно, приврал. Я однажды видел, как за один присест он слопал принесенную женой курицу. Как знать, может у него дело пошло на поправку. Я не познакомил вас с Сашкой Барвиным.

Мы с ним ровесники. Если сложить наши прожитые годы, то будет сорок два. Он среднего роста, худощавый, высокий благородный лоб, умные, карие с лукавинкой глаза и темные волнистые волосы. Сашку к нам перевели из соседней палаты. Три года назад он перенес тяжелую операцию на сердце. Боли снова обострились. Моя и Сашкина койки расположе-

ны рядом у большого окна, выходящего в зимний сад. Когда налетает ветер, то голые ветки кленов и акации тоскливо стонут и стучат ветками в стекло, словно просятся к очагу. Черной шапкой висит почти у самой верхушки дерева сорочье гнездо.

Приятель часто смотрит в сад с облетевшей желто-бурой листвой, мягким ковром устлавшей землю. В такие минуты его охватывает грусть. Он сидит неподвижно с отрешенным взглядом. Тогда я не узнаю в нем прежнего веселого парня. Хотя бы снег выпал и белизна и чистота взбодрила бы моего приятеля.

Субботний день. Заканчивается обход больных. Сашкин лечащий врач Григорий Иванович, сдвинув на переносицу очки в желтой оправе, долго рассматривал на свет кардиограмму Барвина.

– Что вам мое сердце рассказало? – спросил Сашка, с интересом взирая на исчерченную пером осциллографа бумажную ленточку.

– Крепись, дружок, и готовься к операции, – дружелюбно произнес врач-кардиолог.

– Стараюсь, Григорий Иванович, – Сашкино лицо оживилось. – Курить совсем бросил. Может без операции обойдется?

– Нет, терапия должна уступить место хирургии.

Врач внимательно прослушал пациента и вышел из палаты.

– Ты, Саня, не унывай, – подал свой басовитый голос Дмитрий Герасимович. – Слышал ведь, что ученые изобрели искусственное сердце. Скоро люди вообще перестанут умирать. Запчасти для человеческого организма станут на конвейере выпускать, как для тракторов, комбайнов или других машин.

Он сделал паузу и продолжил:

– Вначале один африканский врач, а за ним и хирурги из других стран наловчились пересадку сердца делать от невольных доноров, пострадавших в авариях и не имеющих шансов выжить.

– Знаю. Но зачем мне чужое сердце, – вздохнул Барвин.

– Конечно, верно, чужое оно и есть чужое, может не прижиться из-за несовместимости, – согласился Дмитрий Герасимович. – Однако на что только не пойдешь ради сохранения жизни. Никто не спешит уходить туда, где, как сказал поэт «тишь и благодать», а тем более в молодые годы. Никто оттуда еще не возвратился, чтобы рассказать, что ждет?

– Вот ты, старина, – он обратился к дремлющему деду Митрофану. – Прожил много лет, ни один пуд соли с хлебом съел, что на это скажешь? Собираешься на погост или...

Старик спохватился, обвел всех сонным взглядом, стараясь понять о чем и о ком речь.

– Жить то хочешь, аксакал-саксаул? – с иронией сказал мужчина.

– А як же, уси житы бажают. У мэнэ онуки, та правнук, –

улыбнулся щербатым ртом Митрофан и пригладил иссушенной с бледно-синими нитями вен рукой жидкие волосы. – Чекаю литку, щоб з правнуком Богданом на пасики пожить. Дюже гарно, бжолы, мэд...

– И зачем существуют болезни, причиняющие людям страдания.

Это сказал Сашка. Я увидел печаль в его глазах. Всего неделя, как мы познакомились, а ощущение таково, что будто долгие годы знаем друг друга. Мне нравится его любовь к книгам. Он прочитал все, что удалось найти в небольшой больничной библиотеке. И теперь на его тумбочке лежит книга рассказов Александра Kupрина.

Мы с ним в палате одни. Дед Митрофан спит, как сурок, а Дмитрий Герасимович ушел к Верочке за порцией инъекций или витаминами в жидком виде. Из процедурной доносится холодный металлический звон инструментов, приглушенные женский и мужской голоса.

– Ты читал «Гранатовый браслет»? – перехватив мой взгляд, спросил Барвин. Утвердительно киваю головой.

– Правда, здорово?! Вот это настоящая любовь, – с восторгом говорит он. – Такая, наверное, только в книгах бывает. Знаешь, я тоже пробовал писать, но с трудом дается. Может, Господь способностями, талантом не наделил и зря стараюсь?

– Все прекрасное достигается с трудом, поэтому и ценится высоко, – успокаиваю я его. Мы заводим разговор о художе-

ственной литературе, классиках и современных писателях и я удивляюсь широте и глубине Сашкиных познаний.

За окном вечереет. Синь словно пленкой затягивает проемы рам. Вдруг Барвин замирает, прислушивается. В этот миг раздается стук в стекло. Я замечаю по ту сторону окна тонкие пальцы, а потом девичье лицо с большими глазами и губы в нежной улыбке. Сашка преображается в озорного мальчишку. Он объясняется жестами и девушка за окном понимающе кивает головой. Стремительно покидает палату. Через полчаса возвращается, неся в руках пакет, сверток и книги. Складывает их на тумбочке.

– Угощайся, – предлагает он. – Мать не смогла сама прийти.

– Кто эта девушка?

– Танечка, мы с нею по соседству живем. Славная, добрая девушка.

– И красивая, – к его радости замечаю я. – Она твоя невеста?

– Похоже, что так, – соглашается он. – Только зачем я ей с проблемами, почитай, инвалид.

Сашка опустил голову и продолжил:

– Я ей однажды сказал, что, мол, зачем я тебе больной с пороком сердца. Она обиделась и ответила, что сердцу не прикажешь, хотя за ней парни на выбор увиваются.

Сашка замолчал, глядя в темное окно на желтый, расплывчатый свет фонарей. Потом, обернувшись, сокровенно

признался:

– Знаешь о чем я жалею? – и сам же ответил. – Страшно умирать, осознавая, что нет наследника, сына или дочери. Надо, чтобы в ком-то пульсировала твоя кровь, тогда жизнь продолжится, не оборвется...

– Да, наше продолжение и счастье в детях, иначе жизнь не имеет смысла, – отозвался я.

Он задумался, лицо побледнело, лоб покрылся испариной. Тревожное, смутное предчувствие овладело мною. За окном, стуча голыми ветками, стонали и тяжело вздыхали деревья. Охватывала, сжимала сердце холодными обручами жуть. Ночью я долго не мог заснуть. В голове путались разные мысли. А когда заснул, то сквозь сон слышал чьи-то торопливые шаги, тревожные голоса.

Сашка, Сашка, что с ним? В полумраке я нащупал постель на соседней койке. Она была разобранной, пустой и холодной.

Ночью у Барвина случился сердечный приступ. На сей раз, Григорий Иванович оказался бессильным – Сашкино сердце остановилось. Я не смог в это поверить. Сашка, Сашка, спазмы сжимали горло. Митрофан кряхтел, стирая со впалых щек скупые слезы и повторял: «На все воля Господня».

Дмитрий Герасимович отказался от микстуры и испуганно взирал на аккуратно заправленную койку. Когда в палату вошла с покрасневшими от слез глазами Верочка, он заканючил: «Сестричка, попроси, чтобы Григорий Иванович ме-

ня выписал. Я уже здоров и аппетит появился.

В коридоре я увидел сломленную горем Сашкину мать. В ее карих, как у сына глазах, застыли слезы.

Рядом с ней я узнал Татьяну. Она беззвучно плакала, держа в руке пустой пакет. На полу были рассыпаны краснобокие яблоки.

МАЙСКИЙ МЕД

– Гляди, дед, Степаныч, к нам кто-то в гости едет, – окликнул Василий старика, заметив, как по дороге, ведущей к пасеке, клубится серая пыль. Пасечник Иван Степанович Панасенко, семидесятилетний крепыш, неохотно оторвался от самодельного верстака. Отложил в сторону рубанок и, смахнув ладонью с пиджака стружки, выпрямился. Потом обернулся к внуку и лукаво усмехнулся:

– Мабуть, хтось медка захотив. Поглянь, у тэбэ очи молодди, хто цэ мог буты?

Василий видел, как дед, приложив широкую ладонь к морщинистому лбу, тщетно старается разглядеть возницу. Телега с впряженной в нее лошадию между тем приближалась, издавая шум и скрип колес. Василий приподнялся с березовых бревен, сложенных у сторожки. Поглядел на дорогу. Увидел из-за крупа лошади, взмахивающую концами вожжей девичью руку и потом уже и всю возницу.

– Девчонка какая-то, – ответил он и продолжил с интере-

сом наблюдать. Когда от телеги до сторожки оставалось не более полста метров и дедово зрение заработало. Пчеловод весело сообщил:

– Так цэ ж Маша, нашего коваля Мыколы Дремова донька. Гарна дивчина. Ось побачишь.

Лицо старика оживилось, спрятанные под густыми бровями глаза заблестели. Даже внук с удивлением отметил солдатскую выправку деда.

– Степаныч, ты никак парад собрался принимать?

– Парад, парад, – нараспев произнес он. – Гостя то яка приехала, а ты, басурман, нос повесил.

Упрек деда подействовал на парня. Он и сам понял, что гостя необычная. Она, как заправский ездок, встала с сиденья и натянула вожжи. Лошадь послушно остановилась. Девушка, придерживая подол платья, легко спрыгнула на землю.

– Добрый день, Иван Степанович!

– Добрый, добрый, сударушка! – засуетился старик. Маша встретилась взглядом с Василием и смутилась. Кивком головы приветствовала его. Старик поспешил на выручку:

– Это, Машенька, мой внук. Василием кличут. Нонча из миста приехав на каникулы и сразу до мэнэ, на пасику.

– Значит, студент? – улыбнулась Дремова. Парень утвердительно кивнул головой. Неотрывно смотрел на ее черные, сбегаящие на плечи волосы, на смуглые руки. Сравнивал ее со своими однокурсницами и сделал вывод, что она их кра-

ше. Невольно пришло на память: «Хороша Маша, да не наша».

– Меня к вам завскладом прислал, обернулась девушка к Ивану Степановичу. – Велел мед привезти, который вы накачали. В райцентр повезет сдавать в заготконтору.

Старик прищурил глаза, почесал рукой затылок.

– Ось Кузьма, бисова душа. Дивчину прислав. Знаю я його, три бидона сдам, а два запышыть. На машину, кажутъ, кошты копыть. Мы тэж не лыком шыти.

Пасечник поглядел на Машу и властно изрек:

– Сам я повезу мед.

– Что вы, дедушка? – запротестовала было девушка, но, встретив твердый взгляд, сдалась. – Будь по-вашему.

– Ось и добрэ, – отозвался старик. Подошел к копне, взял охапку душистого сена и подал его лошади.

– Ешь, Нюрка, ешь, – и ласково потрепал ее по гриве. Пока лошадь, позвякивая уздечкой, уминала сено, Иван Степанович и Василий погрузили на телегу три бидона с медом.

– А тепереча, – дед взглянул на внука. – Доки я не возвернусь, потчуй Машу майским медом. А коли што болить, то прополисом и маточкиным молочком. От усих хвороб папаця.

Девушка бросила быстрый взгляд на Василия и он увидел, как загадочная улыбка коснулась ее губ.

Пасечник забрался на телегу, взял в руки вожжи и по-молодецки крикнул:

– Но-о, Нюрка, пошла родная!

Телега выехала на дорогу, а из конуры, что возле сторожки, звонким лаем напомнил о себе небольшой черной масти пес.

– Фу, Агат! – прикрикнул на него Василий и улыбнулся Маше. – Пошли на дегустацию меда.

Он открыл дверь в сторожку и девушка послушно последовала за ним. В помещении было уютно. Возле маленького застекленного оконца стоял сколоченный из толстых досок стол, на котором было несколько тарелок, наполненный янтарно цвета медом ковш и полбулки хлеба. У боковой стены расположился топчан, устланный сеном. На стене висело одноствольное ружье, а под потолком фонарь «летучая мышь», на полу дымарь и рамки. Сторожка была наполнена густым запахом меда и луговой травы.

– Хорошо у вас здесь, – подала голос Дремова.

– Хочешь, оставайся на несколько дней. Дед будет довольный.

– Дед, а ты?

– Само собой разумеется.

Маша почувствовала симпатию к Василию. У него были карие глаза, темные волнистые волосы. Рукава на светлой в синюю полоску сорочке были закатаны.

– Присаживайся, – пригласил он гостью к столу и торжественно провозгласил. – Приступаю к выполнению дедушкиного приказа.

Он подал девушке ковш.

– А если бы Степаныч не приказал?

– И тогда бы ритуал состоялся. Быть на пасеке и не отве-
дать настоящего меда. Это невероятно.

Солнечный, янтарный мед струился, заполняя дно тарел-
ки. Они макали хлеб, озорно переглядывались. Девушка ло-
вила на себе его теплые взгляды и чувствовала, что нравится.

– Я помню, что ты однажды уже приезжал в село, – сказа-
ла она, одарив его нежным взглядом. Василий словно впер-
вые увидел ее зеленые с голубым оттенком зрачки, пушистые
ресницы, не знавшие косметики. Маша обходилась без туши
и красок, на которые так падки городские девицы. Была ис-
кренна и естественна. Ей очень шло к лицу белое в желтый
горошек платье.

– Да, я действительно, будучи зеленым подростком, при-
езжал в село. Но это было давно, лет пять-шесть назад. Вре-
мя очень быстротечно.

– А теперь?

– Теперь взрослый, – ответил он. – В апреле стукнуло два-
дцать один. А тебе?

Он прикоснулся к Машиной руке, с опозданием поняв,
что такой вопрос женщинам задавать нетактично. Дремова
не обиделась, лишь прошептала:

– Угадай?

– Семнадцать?

– Нет.

– Тогда восемнадцать?

– Да.

– Так ты невеста. Пора и замуж, – произнес он и увидел, как таинственно заблестели девичьи глаза, на щеках полыхнул румянец. Опустила голову, потом смело вскинула ее и призналась. – Так ведь женихов нет.

– В город тебе надо ехать, – посоветовал Василий и невольно задержал взгляд на девичьей фигуре. – Там от женихов отбоя не будет.

– У тебя там тоже есть невеста? – неожиданно спросила она.

– Знакомые девчата, вместе учимся, развлекаемся на студенческих дискотеках, но постоянной подружки нет, – ответил он.

– Что-то не верится, – засомневалась Маша и приподнялась со скамейки. – Спасибо за угощение, чудесный мед.

– Не скромничай, ешь еще. Это натуральный продукт.

– Очень сладкой и соблазнительной стану. Пчелы налетят и ужалят, – пошутила девушка.

Прошла по сторожке и присела на топчан. Повертела в руке увядшую ромашку, прикоснулась к прикладу ружья:

– Стреляет?

– Нет, – отозвался Василий. – Дед ружье для пущей храбрости держит. Говорит, что окрестные пацаны иногда озорничают, норвят улей разворотить и соты стащить, словно косолапый. Вот и меня на помощь призвал. Одному с пчела-

ми скучно время коротать.

Они вышли из сторожки. Солнце стояло в зените, полыхало июльской жарой. В тени стога чутко дремал Уголек. Благодное затишье царило вокруг. Горизонт тонул в золотистой дымке, лишь за поросшим шиповником и терновником косягором виднелись крыши села. За сторожкой на небольшой поляне в несколько рядов расположились выкрашенные в синий и желтый цвета ульи.

– Сейчас бы водицы ключевой, – пожелала Дремова. – Ой, вспомнила. Бабушка говорила, что смородина утоляет жажду. Здесь поблизости ее заросли. Помню с девчонками бежали собирать ягоды.

Василий слушал ее и радостное чувство теплилось в его сердце.

– Пошли, – поманила она. Парень разбудил Уголька и велел стеречь пасеку. В сторожке отыскал туесок и пошел рядом с Машей.

– А туесок зачем? – поинтересовалась она.

– Деда хочу угостить. Он заботу ценит.

– Кем ты будешь, когда кончишь институт?

– Историком, стану преподавать в школе.

– Рассказы сможешь писать?

– Для этого нужна божья искра, талант, призвание.

– Я страсть, как люблю рассказы. Особенно с элементами мистики, — призналась девушка. — А вот писателя видеть не довелось.

– Обыкновенные люди, – ответил он. – Приходилось видеть и слышать на творческих вечерах.

Они пересекли поляну и набрали на кусты смородины.

– Ой, сколько ягод! – удивилась девушка. Смородина уродила щедро, перезрев, осыпалась в траву. На узорных листьях застыли капельки сока. Прогудел бархатисто-золотой шмель. Качнула веткой проворная синичка. Василий видел, как Маша проворными руками срывает ягоды и тут же отправляет их в рот. Губы у нее зарделись.

Он последовал ее примеру и ощутил приятный вкус, напомнимший о детстве и юности, о солнечных полянах лета.

– Подставляй туесок, – велела Дремова и высыпала из ладони блестящие ягоды. Она изящной косулей перебежала от куста к кусту, мелькало белое платье и загоревшие икры ног.

Кое-где между кустами были сделаны прокосы. Валками лежала привядшая трава и поблизости возвышался стог сена. Запасливый хозяин приберег своей Буренке на зиму.

Василий, увлекшись сбором ягод, казалось, не замечал Машу и это ее огорчало. Она обиделась и, подойдя ближе, бросила в него горсть смородины. Побежала, дразня его звонким смехом. Усыпанные ягодами ветки цеплялись за ее платье, хлестали по стройным ногам, словно пытались остановить.

«Догоняй», – смеялись ее влекущие глаза. Он, не раздумывая, бросился следом, стараясь не просыпать ягоды из туеска. Видел разметавшиеся от быстрого бега ее волосы. Де-

вушка оглянулась и, видя, что Василий ее настигает, упала на стог сена. Он повалился рядом. Туесок взлетел в воздухе и покатился по сену, оставляя черную ягодную дорожку.

– Маша, Машенька, – он обнял ее за плечи и поцеловал в горячие губы. Первое мгновение она не сопротивлялась, поддавшись его нежности и ласке. Потом в ее глазах появилась тревога. Она, охваченная желанием, бессильна была оттолкнуть его руками и лишь умоляла. – Не надо, не надо, я еще девочка...

Он отпустил ее руки и стыдливо отвернулся. Поглядел на просыпанные ягоды. Почувствовал, как гулко в груди колотится сердце. Маша встала, разгладила складки платья и медленно пошла, не оборачиваясь. В волосах запуталась ромашка. Василий поднял туесок и догнал девушку.

– Машенька, прости, – упрасивал он ее, виновато пряча глаза.

– Вот смешной, – она остановилась, привстала на носочки и поцеловала его в щеку. Потом громко рассмеялась, глядя на его пустой туесок. – Это плата за очень приятные, но опасные шалости.

Когда подошли к сторожке, увидели Ивана Степановича. Он сосредоточенно стругал рубанком. Вблизи стояла телега и Нюрка охотно жевала сено. Заметив их, старик поднял голову.

– А-а, заявылысь. Хорош внук, хорош, – пожурил он парня. – Пасику залишыв и гайда гулять.

Потом погрозил пальцем гостье:

– Мабуть ты його, дивчина, заманила. Шалунья.

– Что вы, дедушка Ваня? Внук вам смородины принес, – и прыснула смехом.

– Смородину я люблю, – пасечник потянулся к туюску и увидел, что он пустой.

– Дед, я в другой раз принесу, – оправдывался Василий. – Пока с Машей шли, всю слопали.

– Ладно уж, – старик примирительно махнул рукой, ласково взирая на них.

– Слишком загостилась я у вас, пора и честь знать, – нараспев произнесла Дремова. — Меня ждут дома.

– Вот тебе, донька, на дорожку майский медок, чтобы не забывала моего внука, – старик подал ей литровую банку.

– Ой, спасибо, не забуду, – пообещала, принимая подарок.

Василий хотел задержать девушку, но она ловко забралась на телегу и вожжами понукала Нюрку.

– До свидания, – помахала рукой. Он стоял, провожая взглядом удаляющуюся возницу.

– Гарна дивчина, не упusti ее, Василь, – велел Иван Степанович. Парню снова привиделась убегающая и смеющаяся девушка, черные россыпи ягод, зной июльского полдня, вкус Машиных губ и музыка, рожденная магией ее красоты.

С утра накрапывал мелкий, словно просеянный через решето, дождь. Он то затихал, когда в набухшем влагою небе возникали светлые проемы, то вновь начинал частить, когда гонимые ветром облака смыкались, как будто военные корабли, сцепившиеся на abordаж. Стояла хмурая мартовская погода, от туманных и дождливых пейзажей которой брал озноб. Весна находилась в первоначальной стадии, когда в оврагах еще только проклюнулись редкие подснежники и цикламены. Ее трудно было отличить от поздней осени.

В аэропорту в это время чаще всего звучат сообщения о том, что рейсы откладываются из-за сложных метеоусловий или же по этой же причине задерживается прилет того или иного борта. Зал ожидания аэропорта «Симферополь», куда Евгений Сухотин приехал за полчаса до вылета, был заполнен потенциальными пассажирами, терпеливо ожидавшими, когда диктор объявит о регистрации билетов и пригласит на посадку. В зале немало и тех, кого принято называть встречающими и провожающими. Все места на скамейках были заняты, а проходы заставлены чемоданами, сумками, баулами. Евгений привык к тому, что аэропорт обычно шумит, как растревоженный улей.

Он подошел к широким витражам. Дождь хлестал по стеклу, словно пытался проникнуть в зал ожиданий. К зданию, рассекая лужи, лихо подкатывали такси, прошелестел шинами троллейбус. Пассажиры, раскрыв цветные зонтики торопились под «козырек» и в помещение.

Сухотин, взирая на ливень и плотно затянувшееся тучами небо, начал утрачивать веру в то, что удастся вылететь в Одессу. «Можно ведь было поездом отправиться, но захотелось быстрее встретиться, вот и застрял на неопределенное время», — укорял он себя. — Заранее послал Люсе телеграмму. Остается надеяться, что фортуна улыбнется и распогодится». Он перешел к противоположной стороне зала, откуда открывался вид на терминалы и взлетно-посадочные полосы. Вблизи крытых ангаров мокли под дождем серебристые тела «Ил», «Ту», «Як». Чуть в отдалении от них находились «Ан» и два вертолета. По мокрой, чистой бетонке проезжали тяжелые с длинными цистернами автозаправщики.

В полдень распогодилось. Ветер отогнал тучи в горы к морю и небо прояснилось. Выплыло и заблестало медным диском долгожданное солнце и сразу стало по-весеннему свежо. Повеселел голос диктора, заулыбались в зале пассажиры.

Аэропорт вновь наполнился нарастающим гулом, высыпали на бетонку пилоты и обслуживающий персонал. Настроения у Евгения поднялось, когда началась регистрация на рейсы. Он дождался, когда дикторша объявила посадку на рейс №740 по маршруту «Симферополь-Одесса-Измаил» и желтые цифры загорелись на световом табло.

Дежурная провела его вместе с другими пассажирами к оранжевому автобусу, доставившему к самолету «Як-40». Сухотин предпочитал летать на этих быстрых и не очень, в отличие от «Ан», шумных машинах. Он успокоился лишь

войдя в салон и расположившись в кресле возле иллюминатора.

Из-под шасси самолета убрали башмаки и он плавно вырулил на взлетную полосу. На мгновение остановился и было слышно, как с каждой секундой нарастал свистящий гул турбин. Затем лайнер устремился по бетонке. Евгений ощутил вибрацию и увидел, как за иллюминатором быстро сменились декорации, здание аэропорта, ангары и другие сооружения. Самолет оторвался от полосы и круто взмыл вверх, пробил пелену низких облаков и вошел в область солнечного света под голубым куполом неба. Под крылом курчавились, наползая и сливаясь, облака.

Вскоре умиротворенный этой величавой картиной, Евгений задремал. Ему до мельчайших подробностей приснился один из немногих памятных дней трехлетней давности. Он с Люсей и четырехлетним сынишкой Сережкой отдыхали на пляже в Аркадии. Был июльский жаркий день. Одесситы и гости, отдыхавшие в санаториях и пансионатах, нежились на песке. Яблоку негде было упасть ярко и пестро, словно на цветочном базаре. Шоколадного и бронзового цветов тела парились на топчанах и в шезлонгах. Неподалеку на открытой балюстраде операторы из киностудии или студии телевидения снимали фрагменты развлекательного фильма. Оттуда доносились звуки вальса, были видны танцующие пары.

Неожиданно музыка обрывалась и тогда слышался усиленный мегафоном недовольный голос режиссера. И сно-

ва снимался прежний фрагмент. Иногда по пляжному радио предлагались услуги проката. К пирсу пришвартовывался теплоход и экскурсовод настойчиво зазывал разморенных жарой людей совершить морскую прогулку. Проходили все сроки отплытия, а теплоход все еще стоял в ожидании пассажиров.

Евгений и Люся нежились на горячем песке. Сережка, шлепая босыми ногами, бегал у самой кромки волн, наплывавших издалека. На выступающих в море бетонных волноломах расположились рыбаки со спиннингами, удочками. Ветер приносил насыщенную запахами йода и водорослей прохладу. Дышалось легко и свободно. Не часто выпадали такие дни, когда Сухотин, отложив заботы, мог приехать с семьей на пляж. Частые командировки отрывали его от дома. Поэтому он особо ценил каждую встречу с Люсей и сыном. Он любил ее трогательно и светло, как и в первый год женитьбы. С годами это чувство усилилось.

Они лежали рядом и Евгений видел ее медово-карие глаза, опущенные длинными ресницами, чуть обветренные губы. Сиреневый купальник плотно прилегал к груди и изящным бедрам.

При взгляде на Люсю, он вспоминал стихи знаменитого испанского поэта Федерико Гарсиа Лорки: «И бедра ее метались, как пойманные форели». Когда он однажды, пребывая во власти любовных чувств, озвучил эти строки, то жена смутилась, словно в первую ночь их близости. У жены

были стройные, красивые ноги с нежно-золотистым загаром. Длинные черные волосы спадали на плечи и грудь. Поймав на себе влюбленный взгляд мужа, она озорно рассмеялась и приказала:

– Довольно дремать, пошли купаться.

Утопая ступнями в горячем песке, побежали в воду. Сережка собирал ракушки. Евгений в воде догнал Люсю и они поплыли рядом, приятно ощущая как вода обтекает их молодые крепкие тела. Она плавала хорошо, родилась ведь у моря. Ее длинные руки легко врезались в волны и он сквозь толщу воды видел ее гибкое тело. Намокшие волосы тонкими нитями разметались в воде.

–Ты у меня, словно русалка, – прошептал он. Люся обернулась, смеясь и, дразня белозубой улыбкой и крикнула: «Догоняй!» Устремилась брассом к красному буйку. Он достиг ее почти у самого буйка.

–Ага, попалась Жар-птица, – произнес Сухотин. Она, защищаясь, ударила ладонью по поверхности воды, обдав его брызгами, вспыхнувшим семью цветами радуги. Он обнял ее, ощутив приятную упругость милого женского тела.

–Женька, не шали, – прошептала она, смеясь и покоряясь его ласкам. Он поймал губами ее солоноватые от морской воды губы.

Потом они вышли на берег, разостлали белую скатерть. Люся достала из сумки бутылку сухого вина «Алиготе», бутерброды из буженины и сыра, вяленую рыбу, овощи, фрук-

ты, а для сына – апельсиновый сок, банку сгущенного молока и печенье. Окликнули Сережку и он прибежал с ракушками в руках. Проголодавшись, с удовольствием пили терпкое вино, закусывая бутербродами.

– Ты меня любишь? – неожиданно спросила она.

– Люблю, – ответил Евгений.

– Очень?

– Очень, – обнял ее за теплые плечи и женщина счастливо засмеялась. Потом ласково погладил по голове сына и признался:

– Вы с Сережкой для меня самые дорогие люди.

Вдруг Люся поднялась и пошла в море. Она не плыла, а входила в воду по пояс, по грудь и исчезла. Он успел лишь подумать, что в реальности такого не было и стало тревожно.

Когда Сухотин проснулся, в салоне самолета стояла напряженная тишина. Он ощутил тревогу. Посмотрел в иллюминатор. Внизу проплывали крыши домов, кварталы городской окраины с узенькими лентами шоссе, по которому двигались автомобили. Потом под крылом показалась посадочная полоса. Но «Як-40» почему-то не пошел на снижение, а взмыл в высоту и круто развернулся. За иллюминатором он увидел морской плес, зигзагообразную линию берега, но как только самолет выпрямился, панорама ушла вниз. В салон вошел один из членов экипажа. Он держался уверенно.

– Товарищи пассажиры, прошу всех оставаться на своих местах, – велел он. – Потуже застегните ремни безопасности.

Прошелся по салону, проверяя, как выполнили его команду, кое у кого из пассажиров поправляя ремни.

—Пожалуйста, выньте из карманов все металлические и острые предметы. При посадке возможно резкое торможение. Ничего страшного, будьте спокойны.

Потом он дал указание пилоту-стажеру, который находился в салоне в качестве стюардессы, в случае экстренной ситуации после посадки открыть запасной выход и сам возвратился в кабину. Сухотин понял, что члены экипажа обнаружили какую-то неисправность. Он старался сохранять самообладание и не думать о последствиях рейса. Но в голову лезли невеселые мысли. Он вдруг отчетливо увидел доброе лицо матери-старушки, вспомнил Сережку, с тревогой подумал, что в аэропорту его дожидается Люся. Вжавшись в кресло, осознал, насколько хрупка и незащищенная человеческая жизнь, порой, зависящая от непредвиденных ситуаций и стечения роковых обстоятельств.

Сидевшая поблизости женщина не выдержала и на истерической ноте попросила:

—Кофточку мне подайте, в Одессе холодно! Я могу простудиться.

Самолет пошел на снижение. Евгений напряженно смотрел на приближающуюся землю. Она и радовала и пугала его. Потом всем телом почувствовал резкий толчок. Корпус завибрировал и самолет вместо бетонки, коснулся поверхности запасной грунтовой полосы. Сбавляя мощь двигателей,

погасил скорость и остановился.

У края полосы с прошлогодней пожухлой травой, сквозь которую пробивалась зеленая поросль. Сухотин увидел красную пожарную машину и три кареты «Скорой медпомощи». К самолету с разных концов аэропорта торопливо приближались люди, среди которых спасатели в специальных костюмах и касках.

«Значит ситуация, действительно, была серьезной», – подумал он. Пассажиры после пережитого страха повеселели. Дверца кабины отворилась и вышел высокого роста пилот.

– Вот видите все обошлось благополучно, если не считать жесткой посадки, – сообщил он с заметным волнением и бледностью лица.

– А что произошло? – спросил кто-то из пассажиров.

– Проблемы с шасси, сигнализация отказала, – ответил пилот, хотя мог бы и посвящать в причину. – Не волнуйтесь, пассажиров до Измаила отправим другим рейсом.

Уже стоя на земле Евгений увидел, как к экипажу Як-40 подходили летчики, пожимали руки коллегам, рассматривали шасси.

Над аэропортом стоял сплошной гул, серебристые лайнеры выруливали на взлетные полосы.

Среди встречавших мужчин и женщин он издали увидел Люсю. Она приветливо помахала ему рукой, в которой держала цветы. В его груди приятно толкнулось сердце.

Он подбежал к жене, обнял ее за плечи. Потом на мгно-

вание отстранил и увидел ее слегка бледное от пережитых тревог лицо. Понял, что она с трудом сдерживает себя, чтобы не расплакаться.

–Люсенька, что с тобой? Не волнуйся, худшее, что могло произойти, уже позади.

Достал из кармана платочек и вытер набежавшие на ее глаза слезы.

–Женя, дорогой мой человек, – прошептала женщина. – Я очень за тебя испугалась, когда сообщили, что по техническим причинам посадка 740-го рейса задерживается. Я поняла, что рискую навсегда тебя потерять. Даже, если бы ты ушел к другой женщине, то это было бы не так больно. Знала бы, что ты жив и могла надеяться на встречу. Пустоты и одиночества не пережила бы.

–Родная моя, я никогда вас не оставлю, – заверил Сухотин.

Они вошли в подкативший автобус. Глядя на жену, на дорогие милые черты ее лица, он понял, что могла произойти трагедия. И только теперь его по-настоящему отхватил страх, но теплое прикосновение Люсиной руки, словно бальзам возвратило ему уверенность и силы.

НОКТЮРН

Тропинка, бегущая среди белоствольных берез, вывела нас далеко за город, где, как утверждал мой брат Виктор, грибов хоть косой коси. Здесь было много солнечных, по-

росших травой прогалинок и полянок, вокруг которых толпились молодые деревца.

Природа их не баловала, не защищенные от ветров, они выгнули свои тонкие тела, но не утратили завидной красоты. Ветер, как дань, бросал нам под ноги червонцы листьев. Они пестрым ковром устилали тропинку, грустно шуршали, наводя на тихие, как осенняя пора, раздумья.

Стояло солнечное бабье лето, на которое так щедра природа Подмосковья. Вот уже третий день моего пребывания в городе Обнинске было на редкость солнечно и тепло. Пауки старательно ткали серебряные нити паутинок, которые преграждали проходы между деревьями, или затейливыми кружевами висели на сучьях и ветках. Иногда я не успевал смахнуть рукой паутинку и она неприятно прикасалась к лицу. Я, позабыв о грибах, любовался вдовьей хмельной красотой увядания, вдыхал воздух, настоящий, как бальзам, на целебных травах и ягодах.

– Э-э, так ты и до вечера корзину не насобираешь, – услышал я позади себя голос Виктора. Он заглянул в мою небольшую плетеную корзинку, на дне которой было штуки три подберезовика и два подосиновика. Я развел руками: какой, мол, из меня грибник. Но он, не признав моего юмора, досадливо проговорил:

– Дождем пахнет.

Я поднял голову вверх, где в неоглядной сини тяжелыми крейсерами плыли набухшие влагой облака. Брат знает лес,

как свои пять пальцев. Все эти дни мы пропадали с ним в лесу. Бывало, километров пятнадцать-двадцать пройдешь за день. На одной малоприметной полянке мне вдруг повезло, сразу с десяток подберезовиков подвалило. Убедился, что эти грибы верны своему названию – водят хоровод вокруг берез. А вот подосиновик, тот норовит выбраться на простор. Правда, его легко отыскать по ярко – оранжевой шляпке, выглядывающей из травы.

Я набрал полкорзины, когда в лесу неожиданно потемнело. Потревоженные ветром, зашумели верхушки берез и сосен. Запахом созревшей листвы и хвои потянуло из глубины леса. Коричневые муравьи суетились у замшелого пня.

– Ни разу дождь в лесу не встречал? – спросил, лукаво улыбаясь, Виктор. – Придется встретить.

Сказал – словно наколдовал. Разом вздохнул лес, и, срывая с берез золотую листву, заговорили капли дождя. Косые струи падали в пожухлую траву. Еще острее стали лесные запахи, потянуло прохладой. Мы спрятались под раскидистой сосной, но и ее крона слабо защищала от дождя. Холодные капли горохом сыпались сверху. Лес отозвался звуками, трава вокруг берез мигом запятналась листьями. Глянцевито поблескивали.

– После дождя грибы пойдут, особенно поздние опята, – торжествовал брат. – Тогда уж точно с косами будем в лес ходить, на вырубку наведемся... Гляди, девушка, лесная фея. От березы к березе, приближаясь к нам, бежала длинно-

ногая девушка в белом платье. Издалека она была похожа на цаплю. Во всем девичьем облике было что-то трогательно милое, вызывающее на лице улыбку.

– Похоже, к нам бежит, – сказал Виктор, вглядываясь в незнакомку. Метрах в трех от нас девушка остановилась, перевела дух. В правой руке она держала корзинку, а левую стыдливо прижимала к груди, просвечивающейся сквозь мокрую ткань. Большие глаза ее были встревожены, словно, у дикой косули.

– Заблудилась я, помогите, – с мольбой в голосе произнесла она, переводя взгляд то на брата, то на меня, выжидающе.

– Нездешняя? – спросил Виктор.

– Да, в гости к дяде приехала. Он в Рябиновом живет. А я сама в лес пошла, вот и заблудилась. А теперь вот дождь начался ...

– В лесу и среди трех сосен немудрено заблудиться, – улыбнулся Виктор. – Все деревья похожи друг на друга. Тут зоркий глаз нужен. Ладно, так и быть, выручим вас.

Мы не стали пережидать дождь, потому что неизвестно было, когда он прекратится, а смело вышли под его серебряные струи. Узнали имя девушки – Валентина. Через полчаса, минуя вырубку, пришли на поляну и взору открылось Рябиново – десятка два бревенчатых изб.

– А вон и дядин дом, обрадовалась она, указывая на крайнюю избу с высоким, отделанным ажурными перилами, крыльцом. Мы собрались было уходить, но Валя запротесто-

вала, взяла нас за руки:

– Будьте добры, зайдите, чаем угощу.

Уж очень мило и настойчиво она нас уговаривала, что отказаться было выше наших сил. К тому же, дождь зачастил, и мы изрядно промокли. Она несказанно обрадовалась, когда прочла в наших глазах согласие. Вся засветилась гибким стройным телом, на щеках появился румянец. Я огляделся: неподалеку от избы возвышалась копна сена, придавленная с боков березовыми бревнами, чтобы не разметал ветер. Под окнами фасада, в желтизне листвы, огнем полыхали гроздья рябины.

–Здрате ... здрате, – ответил на наше приветствие коренастый мужчина с добродушным лицом. Потом обернулся к племяннице:

– И где это ты, Валюша – голубушка, пропадала? Мы уж было на поиски собрались?

– Не сердитесь, дядя, – она доверчиво прислонилась головой к его плечу. – Я вот грибов насобирила. Дядя снисходительно улыбнулся, увидев на дне ее корзинки несколько размокших сыроежек.

– Эти добрые люди помогли мне найти дорогу, —пояснила она.

Мы познакомились. Мужчину звали Яковом Георгиевичем.

– Что ж вы стоите, заходите в дом, – пригласил он. Мы вошли в горницу, где нас встретила приветливая хозяйка.

– Ой, гости у нас редко бывают... Уж не знаю, чем вас и потчевать, – засуетилась она вокруг стола. Вскоре на нем появился пузатый тульский самовар, чашечки с перетертой с сахаром смородиной и душистым малиновым вареньем, настойка из смородины. Потекла неспешная беседа. Глаза у Якова Георгиевича оживились.

– На жизнь свою я не жалею, – говорил он, набивая трубку табаком. – Ухаживаю за лесом, плотничаю. За заботу он добром платит. Летом и осенью – земляника, малина, черника, грибы, зимой – дичь стреляю. Вольготно. Нынче вот племянница приехала. В консерватории задумала учиться. Здесь ей удобно, у меня есть пианино. Летом купил, пусть, думаю, пацаны к музыке приучаются. У меня ведь их аж четверо. Сам -то я в молодости страсть, как музыку обожал, первым гармонистом на селе был. Музыка, она, я вам скажу, учит лес понимать и любить.

Хозяин бросил в угол рта трубку. Потянулся дымок, запахло самосадам. Я пил чай с малиной, чувствуя, как во всему телу, разливается приятная теплынь. Когда Яков Георгиевич приумолк, из приоткрытой двери до моего слуха донеслись звуки музыки.

– Забавляется, – произнес хозяин, потом окликнул. – Валюша, что ж ты гостей оставила?

Я жестом остановил его, прошел в комнату. Девушка играла на пианино, ловко перебирая длинными пальцами клавиши. Она успела переодеться в розовое платье. Завидев ме-

ня, подняла голову, улыбнулась.

– Вы любите музыку? – спросила девушка, замедляя движение пальцев.

– Да, она духовно обогащает и облагораживает, учит понимать и ценить прекрасное в природе и людях.

– Хотите, я вам сыграю «Ноктюрн» Глинки?

Я утвердительно кивнул головой. Следил за выражением ее одухотворенного лица, вслушиваясь в грустные звуки музыки. Перед моим взором вновь проплывал тронутый позолотой лес, березки, серебряные нити паутинок. А потом звуки воспроизвели мелодию дождя, сквозь который бежала длинноногая девушка с глазами испуганной косули. Она кончила играть, а я все еще стоял, захваченный волшебством музыки.

– Вы прекрасно играли.

– Спасибо, но до совершенства еще далеко, – ответила девушка смущенно.

Дождь за окном прекратился. Вечерело. Заканчивалось красное бабье лето. Мы, в знак благодарности за теплый прием оставили собранные грибы, распрощались с хозяевами и вышли на тропинку, ведущую в лес, чтобы до наступления темноты успеть в город. Я оглянулся и увидел Валю. Она стройной березкой стояла на высоком крыльце и махала тонкой рукой и я услышал ее голос:

– До встречи!

Много лет спустя, мне довелось присутствовать на од-

ном из концертов. Объявили очередной номер – «Ноктюрн» Глинки. В вышедшей на сцену пианистке я с неожиданной для себя радостью признал лесную фею – Валентину. Зазвучала знакомая музыка и в сознании всплыл лес, прозрачные струи дождя, шелест листы, стройная девушка с глазами испуганной косули. Эта милая картина среднерусской глубинки наполнила сердце светлой грустью и очарованием.

ПРИЗНАНИЕ

Стояли бесснежные зимние дни, похожие на позднюю осень. Ночью мороз сковал землю, застеклил тонким хрусталем лужи. Солнце, выскользнув из плена свинцово-серых туч, на короткое время осветило все вокруг яркими лучами. К полудню земля оттаяла, а в воздухе закружилась мелкая россыпь. На небосклоне семицветной дугой вспыхнула радуга. Созерцавшие ее люди, расценили это редкое явление, как добрый знак. Хотя капризная погода докучала своим непостоянством.

Но природа равнодушна и беспристрастна и поэтому глупо обижаться на ее явления, перемены и ненастья, ибо, как поется, «У природы нет плохой погоды».

Максим Веснухин, хотя и не завязывал узелок на память, но, проходя мимо магазина «Детские игрушки», вспомнил, что у четырехлетнего брата Федьки завтра день рождения. Решил для него приобрести подарок, какую-нибудь безде-

лушку, ведь дареному коню в зубы не смотрят. Не часто он балуется малого подарками.

Он вошел в магазин. Покупателей было немного. Девушка-продавец обратила на него взор и Максим замер от неожиданности. Его заворожили ее васильковые глаза с озорными искорками в глубине зрачков. Темно-каштановая прядь волос упала на девичий лоб. Все в ней было свежо и естественно, по-детски трогательно и мило. Отсутствовала косметика, на которую так падки модницы, того не понимая, что юность и молодость сами по себе прекрасны и очаровательны без макияжа и других ухищрений косметологов.

– Молодой человек, что вас интересует? – услышал Максим ее мягкий голос.

– Мне бы игрушку для брата Федьки.

– Выбирайте, – она указала жестом на витрину. Но он вместо обзора игрушек, ловил каждое ее движение. Она легко передвигалась среди стеллажей, ибо давно осознала магию своего очарования. Обслужила одного, другого покупателя и возвратилась к Веснухину.

– Выбрали? Сколько лет брату?

– Четыре стукнет.

– Тогда ему что-нибудь из движущихся игрушек.

Максиму не хотелось расставаться и он медлил. Взирая на девушку, чувствовал, как краска смущения заливает лицо. Он попросил:

– Пожалуйста, самосвал. Вырастет Федька и может, станет

заправским водителем.

Она упаковала игрушку. Веснухин заметил, как ее губы тронула загадочная улыбка. Огонек надежды затеплился в груди парня. Он намеревался познакомиться с девушкой, но в магазин хлынул поток покупателей. Взял сверток и вышел.

«Удивительно странно, – подумал он. – Сколько раз проходил мимо и даже не подозревал, что здесь работает такая прекрасная девушка». Память отчетливо сохранила ее облик и интонацию певучего голоса.

Максим направился в расположенный поблизости парк. Присел на скамью и сквозь широкое окно витрины попытался разглядеть девушку. Деревья стояли мокрые и печальные, словно изображенные на черно-белой гравюре. Из-под пожелтой желто-бурой листвы ярким изумрудом пробивалась трава.

На ветках клена прозрачным стеклярусом застыли капли воды, готовые упасть на землю. «Таким вот хрупким и недолговечным бывает счастье и необходима крепкая любовь и нежность, чтобы его сохранить», – подумал Веснухин. Он тронул рукою ветку клена и в тот же миг вспыхнув, сорвались угасая росинки.

На следующий день снова наведаясь в магазин. Ему повезло. Из случайно подслушанного разговора покупателей, он узнал, что девушку зовут Аленой. Это имя теперь весенней музыкой зазвучало в его сознании. Вскоре от внимания продавца не ускользнули его постоянные визиты. Она

сдержанно отвечала на его приветствия и Максим терпеливо поджидал, когда рядом не будет других покупателей. А когда представлялась возможность, робел под синим девичьим взглядом и заранее приготовленные фразы, вылетали из памяти. Смущенно покупал какую-нибудь игрушку и выходил.

– У вас дома, наверное, детский сад? – с улыбкой поинтересовалась она, когда он приобрел для Федьки очередную игрушку. – Вы мне помогаете выполнить план.

– Нет, да, – стушевался он и решился. – Алена, меня зовут Максом. На экранах поселка демонстрируется интересный кинофильм. Я приглашаю вас на вечерний сеанс?

Веснухин затаил дыхание в напряженном ожидании ответа.

– Вы даже знаете мое имя, – произнесла девушка. – Увы, у меня вечером репетиция в ансамбле бальных и современных танцев.

Заметила, что он огорчился и ждала реакции. А он, чтобы не молчать, вдруг спросил:

– Какой ваш любимый цветок и цвет?

– Белая роза, – с удивлением ответила она.

– Символ любви?

– Не только поэтому. Мне нравятся все цветы, ведь они рождены для того, чтобы одаривать нас красотой, учат понимать и ценить гармонию окружающей природы и человеческих отношений.

Почти все вечера Алены были заняты подготовкой к

концерту на фестивале хореографического искусства. Зато Федька ликовал среди обилия игрушек, норовя разгадать их устройство. Часть из них нуждалась в капитальном ремонте. Его не волновали заботы старшего брата.

– Похоже, Макс на то, что ты задался целью скупить весь магазин? – спросила однажды мать Ирина Сергеевна, пристально поглядев на сына. Он смущенно опустил голову и неуверенно промолвил:

– Разве жалко для родного брата. Игрушки у детей воспитывают любознательность и интерес к жизни.

– У нашего Федьки-озорника и без того интереса через край. Ни на минуту нельзя без присмотра оставлять, – улыбнулась женщина. – Вчера из утюга паровоз сделал, а коту Генку в духовке закрыл.

Федька находился рядом и внимал разговору взрослых. Его хитрые черные глаза, словно шарики перебегали от матери к брату, неожиданно проявившему щедрость.

– Знаю, неспроста ты эти игрушки покупаешь, – усмехнулась Ирина Сергеевна. – Чудные вы с отцом. Когда он мне свидания назначал, то целыми охапками цветы приносил. Так то цветы, они любой девушке приятны, а ты игрушками увлекся. С чего бы это? Наверное, приглянулась дивчина?

Меньший брат возился на полу с игрушками и Максим, чтобы уклониться от ответа, присел рядом.

– Табак наше дело, браток, – погладил он ладонью курчавый чуб малыша.

– Табак не надо, вертолет давай, – пролепетал он, войдя во вкус.

–Тебе бы, Федька, лишь самолеты-вертолеты, – досадливо отмахнулся Веснухин. – Набекрень твоя петушиная голова.

–Петушок, петушок, золотой гребешок, шелкова боро-душка... – затянул было малыш свою любимую песенку, по Максим его остановил. Он смежил веки и увидел лицо Алены, милое и родное. Воображение сохранило каждую его черточку.

Он купался в ее васильковом взгляде. «Может она и не подозревает, что твориться в моей душе и у нее есть любимый человек», – размышлял он. Последнее предположение болью отозвалось в сердце.

В тот же вечер Веснухин увидел ее на сцене. Он с букетом белых роз сидел в переполненном зале, не замечая вокруг себя зрителей. Его взгляд был сосредоточен на сцене. Алена в черно-красном костюме Кармен с алой розой в прическе танцевала темпераментно и изящно. Он стремился каждое ее движение и жест запечатлеть в памяти. «Смешно, наивно предполагать, что у нее нет сердечного друга, – думал он. – Но и я не отступлю, чтобы потом не страдать из-за робости и нерешительности».

Необыкновенный чистый свет исходил от танцовщицы, от ее глаз, губ, ладоней, сияющих словно две звезды. «Может, это не любовь, а лишь увлечение и время охладит вспыхнувшие чувства?» – размышлял он, пребывая в упоительно

сладком плену очарования. Он подарил ей цветы и быстро ретировался.

Проверяя свои чувства на прочность, Максим неделю не заходил в магазин и вызвал недовольство Федьки. Но Алена возникала перед взором, манила издалека. И он сдался, зашел в магазин. Видит ее милое лицо, слышит нежный голос: – Макс, где ты запропастился?! У меня план горит.

И в этом упреке, в окатившем теплой волной васильковым взгляде, он ощутил долгожданное признание.

НА ПРОСЕЛКЕ

За приоткрытым окном вагона поплыли аккуратные белые дома с черепичными, выгоревшими на солнце крышами, с желтыми и красными цветами в палисадниках. Потом появились зеленые скамьи вдоль невысокой ограды покрытого асфальтом перрона.

Григорий Клинцов смотрел на знакомые предметы и ему не верилось, что он после долгих лет разлуки снова в родных местах. Скоро увидит свою старенькую мать. Москва, с ее шумными улицами, площадями, парками и скверами, с многоэтажными зданиями из стекла и бетона, осталась где-то за тысячи километров, за березовыми и сосновыми лесами и перелесками.

Много раз и прежде Григорий собирался навестить мать, да все мешали неотложные дела. Нынешней весной получил

письмо из села Новый Мир, где мать жила с младшим сыном Володей. «Приезжай, написал он, здоровье у мамы слабое. Часто плачет, боится, что не придется свидеться с тобой. Одни ведь мы у неё, сам должен понять. Бери отпуск и к нам. Вместе на рыбалку будем ходить, я знаю хорошие места. А заодно на чистом воздухе свою диссертацию доработашь».

Защемило сердце у Григория, когда он читал эти строки. Стыдно стало. Сколько раз обещал приехать, а мать ведь ждет, все надеется повидать своего старшего Гришутку.

Резкий толчок остановившегося поезда прервал размышления Клинцева. Подхватив чемодан и сумку, он поспешил в тамбур вагона. На перроне было немногочисленно. Григорий положил вещи на скамью, огляделся. Много за семь лет его отсутствия изменилось в райцентре. Но все так же шумят, подняв в синее небо раскидистые ветви, старые тополя. Их потрескавшиеся и побуревшие от времени стволы не обхватишь руками. За тополями спряталось желтое здание станции, когда-то единственная достопримечательность поселка.

Они то, эти старые тополя, особенно запали в память Григория, будто старые близкие друзья, с которыми он так давно не виделся. Клинцов скинул с плеч пиджак, расслабил узел галстука. Было довольно жарко, в воздухе плыл запах разогретого асфальта. Очень хотелось пить и Григорий решил утолить жажду мороженым. \

Он пробился через толпу ребятишек. Стоящая к нему спиной женщина с высокой прической темных волос взяла

стаканчик мороженого, отсчитала медь. Григорий невольно обратил на нее внимание. Что-то в покупательнице показалось ему знакомым и близким. Сквозь поток мыслей он все же услышал мягкий, нежный голос женщины.

Она поблагодарила продавщицу, и, когда обернулась, его глаза встретились с ее глазами. Она на мгновение задержалась, смущенная улыбка тронула ее губы. Григорий, позабыв о мороженом, молча глядел на женщину. Уже не надо было напрягать память, явь дорисовала облик: тонкие дуги бровей, карие, несколько строгие глаза, особенно сильно когда-то запавшие ему в сердце.

– Оля, это вы? – наконец произнес он.

– Я, – улыбнулась она. – Узнали, Гриша?!

Продавец с любопытством глядела на странного покупателя. А ребятня наседали: «Тетенька, мне одну порцию». «А мне две», – звучали детские голоса. Зазвенели кем-то просыпанные монеты. Все это урывками доносилось до слуха Клинцова. «Как же так, ведь прошло восемь лет, а она совсем не изменилась. Все также мила и скромна», – думал он. Неосознанное чувство утраты нахлынуло на сердце.

– Оля, вы сейчас домой? – справился Григорий с волнением. И прежде чем она ответила, увидел в сумке, которую держала в руке, маленькие детские сандалии. В сердце что-то оборвалось, хотя брат три года назад писал, что Оля вышла замуж, но Григорию не верилось. Он хотел было спросить о сандалиях, но счел это бестактным. «Теперь у нее и фамилия

другая, – подумал он. – Оля Лиханцева. Звучит красиво».

– Да, я живу все там же, – ответила женщина. – Решила в поселке по магазинам походить. Так увлеклась, что опоздала на свой автобус, теперь придется хоть до Чапаевки доехать, а дальше через поле пешком напрямик в село Новый Мир.

Григорий хотел было помочь ей донести до автобуса покупки, но с сожалением поглядел на свои занятые вещами руки.

– Вы что же, прямо с поезда?

– Да, с поезда Москва – Керчь.

– Говорят, в Москве спасу от дождей нет? – слегка склонив голову, спросила она. – Грибов должно быть много?

– Людей тоже не меньше, – рассмеялся Клинецов. Автобус был до отказа заполнен людьми. Они с трудом протиснулись в заднюю дверцу. Выехали на шоссе. В салоне было душно от разгоряченных тел. Шумно, как в растревоженном улье. Григорий старался оберегать Олю от толчков. На заднем сиденье какой-то длинноволосый молодец с гитарой срывающимся голосом тянул песню о мальчике, который хочет в Тамбов.

– Нам бы до дождя успеть, – услышав отдаленные раскаты грома, озабоченно вздохнула Лиханцева. Сказала как-то буднично и просто. Отчего на душе у Григория сделалось хорошо. Не было тех условностей и напряженности в отношениях, к которым он привык у себя на работе, в городе. Он возвращался домой и приходили воспоминания.

Рядом стояла совсем еще молодая женщина, которой, как

и ему, когда-то было и шестнадцать лет. В Чапаевке они вышли из автобуса. Попутчиков до Нового Мира не оказалось.

Проселочная дорога вела через ошестинившиеся желтой стерней убранные поля. По металлическому мостике, переброшенному через ров – дренаж, по дну которого бежал ручеек, они продолжили путь по проселочной дороге. Вдоль нее еще несколько лет назад зеленели плантации виноградников с черными, фиолетовыми и янтарными гроздьями ягод. А ныне после корчевки кустов выращивают пшеницу, ячмень, овес и другие зерновые растения. Кое-где еще возвышались копны свежей соломы. Туфли Григорий сразу же покрылись серой пылью. Он истосковавшимися глазами оглядывал деревенские пейзажи.

На дальнем углу поля, возле лесополосы, За высокими акациями виднелся сельских погост, паслось стадо коров. Клинцов вспомнил, как и сам мальчонкой когда-то помогал матери пасти животных. Постоянного пастуха в селе не было, поэтому стадо пасли по очереди. Много молока давала их корова Марта, а затем и Жданка. Григорий пил его из глиняных кувшинов. Молоко было холодное и вкусное.

С запада доносились отчетливые раскаты грома, будто кто-то гнал порожняком по ухабистой дороге телегу. Небо там было затянуто свинцово-синей пеленой. В природе, казалось, все замерло в предчувствии надвигавшейся грозы. Разморенные дневной жарой, в придорожной канаве поникли запыленные ромашки и васильки. Ласточки низко мета-

лись над землей. В густом, воздухе плыл запах свежей соломы и трав.

– Не поспеть нам до дождя, – нарушила неловкое молчание Оля. Следом за ее словами впереди на дороге, поднимая фонтанчики пыли, ударили тяжелые капли. Потянуло прохладой. И вскоре дождь безжалостно поливал пешеходов. Григорий заметил неподалеку от дороги копну соломы и, оборачиваясь к спутнице скомандовал:

– Побежали!

За копной можно было укрыться от дождя. Сложив вещи, они рассмеялись. Одежда успела промокнуть насквозь. Прическа у нее распалась, длинные мокрые волосы сбегали на грудь. А светлое с голубыми цветочками ситцевое платье плотно облегалo её гибкое тело. Уловив на себе пристальный взгляд Григория, Оля встала в полуоборот, и чтобы как-то сгладить стыдливость, тихо прошептала:

– На кого я теперь похожа, совсем растаяла.

– Солнце выглянет, быстро просохнешь, – успокоил он ее и пригласил. – Присаживайся.

Сам опустился на сухую солому. Женщина присела рядом. Дождь с отчаянной злобой хлестал копну с противоположной стороны.

– Попали мы с тобой в переплет, – весело поглядел он на взгрустнувшую Олю. Его радовал этот дождь, радовали ее мокрые волосы и злато-карие, влекущие своей теплотой и искренностью глаза.

– Хочешь апельсины? – он открыл крышку чемодана и, не дожидаясь ответа, подал женщине три оранжевых плода. Она благо кивнула головой и спросила:

– Надолго ли к нам?

– События покажут, – улыбнулся Григорий. – У матери совсем здоровье сдало. Приехал навестить.

– Да, мне твой брат рассказывал, – очищая с апельсина кожуру, подтвердила она. Григорий ощущал, как давнее забытое чувство наполняет его сердце. «Что ты, как мальчик, держи себя в руках», – подсказывал ему здравый рассудок. Но он ничего не мог с собой поделать.

– Оля... – растерянно прошептал Григорий. – Ты ведь все помнишь, не забыла?

– Такое остается на всю жизнь. Первая любовь, первый поцелуй, – прошептала она, смело глядя в его глаза. – И вы, ты читал мне стихи...

Она молча отвела взгляд в сторону. Клинцов бережно обнял ее за плечи, осторожно поцеловал в щеку и продолжил, прикасаясь мягкими губами к ее розовому уху с капелькой рубина в золотой серьге:

*Далекие, милые были
Тот образ во мне не угас.
Мы все в эти годы любили,
Но, значит, любили и нас ...*

Оля с трудом, ощутив трепет страстного тела и непреодолимое желание, освободилась из его объятий.

– Не надо, не надо, Гриша, – задыхаясь от страсти, потухшим голосом произнесла она. – Запоздал ты со своей любовью. Другая я теперь, дочка и сын дома подрастают. Прошло все, отпылало, как закат.

– Прости меня, Оля, сам упустил свое счастье, – виновато прикоснулся он к ее руке. Она нежным взглядом простила его, задумалась, грустно склонив голову.

– Ты не боишься, что нас могут увидеть вдвоем? – спросил Григорий. – С детства знаю, что в любом селе, где все на виду, всеравно, что шило в мешке, ничего не утаишь?

– Привыкла я к бабьим пересудам. В селе это в порядке вещей, любят лясы точить, – ответила Оля, выжимая из волос воду. Дождь прекратился. Женщина встала, отряхнула с платья прилипшие соломинки.

– Пора в дорогу, – и появились на ее лице знакомые Григорию милые ямочки. Кучевые облака, едва не касаясь шпиля телеретранслятора, что на краю Чапаевки, отнесло ветром в сторону.

Гром ухал в отдалении и там темно – синие полосы задрапировали небосклон, спрятав от взора контуры Крымских гор. На чистый голубой, как эмаль оком неба выплыло солнце, и все засверкало. Запах соломы стал еще острее. Давно Клинцов не дышал таким чистым, прозрачным воздухом, разве что когда выезжал в подмосковный лес.

Но такие выезды на природу были нечасты. И вот теперь он наслаждался голубизной дня, повеселевшими цветами. Откуда-то появились стрекозы, прогудел тяжелый бархати-сто-золотой шмель.

– Где ты теперь работаешь? – снимая с ног белые туфли, спросила Лиханцева.

– В НИИ.

– Что это за НИИ?

– Научно-исследовательский институт. Занимаюсь проблемами экологии, средой обитания.

– Вот куда тебя занесло, – похвалила она. – Скоро знаменитым профессором станешь. В газетах и журналах фотографии и научные статьи печатать будут.

– Возможно, со временем, – смущенно ответил он.

– А ты где устроилась?

– Дояркой на ферме работаю, – вздохнула она. – Корреспондент недавно приезжал, расспрашивал о высоких надоях и фотографировал.

– Вот видишь, – оживился Григорий. – Ты быстрее меня славу обретишь. С литературой как? Рассталась? У тебя ведь к ней способности.

– Какие там способности. Сама иногда пишу сказки для детей, но больше читаю. Нравятся Астафьев и Бондарев, Распутин и Шукшин. Особенно его «Калина красная». Очень правдивая и душевная повесть.

– У тебя хороший вкус. Я тоже к этим писателям питаю

симпатию, толково пишут, – поддержал ее Клинцов. Оля шла босиком по лужам.

– Простудишься, – пожалел он.

– Нет, мне привычно, – тепло улыбнулась она, подмечая его заботливость. Григорий вспомнил, как в детстве, закатав до колен штанишки, любил бегать по лужам. Раздолье ребятишкам было, когда балка пересекавшая село, наполнялась паводковыми потоками. Все это сейчас казалось далеким, окутанным в голубой туман. А в Оле что-то сохранилось от тех далеких лет.

Незаметно за разговорами они подошли к Новому Миру. Село открылось перед взором Григория в зелени садов, тихое, отрешенное от суеты и шума городской жизни.

– Дальше я одна пойду, – остановила его женщина.

– Муж ревнивый?

– Так будет лучше, – ответила она и ласково улыбнулась.

Словно давняя, но все еще прекрасная песня возвращалась к нему.

Поднимая светлые брызги, бегали босоногие ребятишки. По узким мостикам, перекинутым через кювет у дороги, как по тоненьким жердочкам, подхватив руками подола платьев, переходили девчонки.

Клинцов чувствовал на себе любопытные взгляды односельчан и становилось, как-то неловко, словно пришел в чужой дом. Его здесь не узнают. Он встретил высокого старика, который шел по улице, прихрамывая и опираясь на клюку.

В его лукавых, глубоко запавших глазах, в библейской узкой бородке было что-то очень знакомое. Григорий вспомнил и с радостью произнес:

– Дедушка Макуха, здравствуйте ! Как поживаете?

Старик долго его разглядывал подслеповатыми глазами, видать ослабела память. Клинцов уже хотел назвать себя, но Макуха опознал его:

– Бува не Марьин ты сын, Гришка? Чай давно тебя не бачив.

– Угадал дедушка, угадал, – признался он. – Приходите в гости, выпьем за мое возвращение по чарочке.

– Это мы завсегда с охотой, – заблестели глаза у старожилла. Григорий помнил, что старик и прежде не прочь был выпить, а уж за песнями дело не станет. Особенно любил он затягивать: «Где мои семнадцать лет» и «Распрягайте хлопцы кони.» Оригинальный старик, подобно шолоховскому деду Щукарю, зато столяр и плотник справный. Колеса для бричек и повозок, прядки, люльки для младенцев и прочие вещи мастерил – залюбуешься. Со всей округи к нему поступали заказы.

Для себя и своей супруги Ефросиньи сделал добротные гробы еще сорок лет назад и с тех пор здравствуют, не жалуясь на крепкое здоровье. А гробы, наверное, до сих пор на чердаке. Чтобы они не пустовали, хранит в них семечки, кукурузу и зерно.

– Ты таво, Гриша, будя час, заходи к нам с горилкой, –

попросил, прощаясь Макуха.

– Приду, обязательно навещу, – пообещал Клинцов и увидел, как помолодели глаза у старика.

На душе стало светло и радостно. Григорий не чувствовал прежней вины, если сама знаменитость, дед Макуха, пригласил его в гости. Да, и встреча с первой любовью Олей Лиханцевой, заронила в сердце светлую затаенную надежду.

Бодро зашагал по улице в край села, где находился родительский дом.

ОХОТА НА НЕРПУ

С аборигенами Севера – немцами и поморами нам, участникам экспедиции общаться доводилось не часто. Они занимались своими традиционными промыслами: оленеводством, рыболовством и охотой, а мы разведкой недр, поиском нефти и газа. Но все же пути иногда пересекались. Прогресс, приметой которого являлись ажурные буровые вышки, разбросанные по тундре и ночью расцветенные яркими огнями, словно огромные рождественские елки, настойчиво вторгались в некогда пустынный край – край чумов, оленей и собачьих упряжек.

Нарушился вековой уклад суровой жизни аборигенов. Особенно это негативно проявилось на пристрастии ненцев и поморов к огненной воде – водке и спирту. За них, не скупясь, тогда отдавали дорогие меха.

Однажды, когда я уже работал верховым на буровой вышке в районе Варандея, в двух километрах от площадки остановилось оленье стадо. И вскоре к нашей столовой, размещенной в одном из вагончиков, на нартах в собачьей упряжке подъехал ненец. Он был небольшого роста с широким обветренным лицом и узкой прорезью глаз. На голове нахлобучена мохнатая собачья шапка, на плечах теплая малица – длинное одеяние из оленьей шкуры, на ногах – унты из цигейки. Ненец закупил харчей и, довольный покупками, скаля в улыбке редкие зубы, отбыл к оленьему стаду, которое усердно стерегли собаки лайки.

– Все, загуляет пастух надолго, – уверенно произнес буровой мастер, хорошо знакомый с привычкой аборигенов. И не ошибся. Почти трое суток стадо топталось на месте, а оленевод согревал себя огненной водой: выпьет, поспит, проснется – опять выпьет. И лишь, когда ему это наскучило и иссяк напиток, а олени съели ягель, добытый из-под снега, стадо перекочевало на дальнее пастбище.

Вообще, ненцы – народ дружелюбный и неприхотливый в быту, не сетующий на превратности судьбы, стойко переносящий суровый климат. В этом я убедился воочию. В полдень вместе с приятелем, отойдя на полкилометра от буровой на притоптанном снегу рядом с зимником, мы увидели бурую малицу. Подошли поближе, судя по контурам, под малицей, длинной до пят, находился человек.

Буровики предпочитают носить тулупы или полушубки,

поэтому и шевельнулась тревожная мысль об аборигене, замерзшем, как тот ямщик из популярной песни, в дороге. Мой приятель, нисколько не сомневаясь, что под малицей труп, опасно пнул его ногой. На наших лицах застыло удивление, когда малица зашевелилась и из-под полы показалось заспанное припухшее лицо ненца.

– Што мая шпать мешать? — недовольно спросил он, зыря зрачками, то на меня, то на приятеля.

– Спи, отдыхай, на здоровье. Я думал ты того, околел, — извинился мой спутник. — Долго жить будешь, примета такая.

– Как можна колеть, — заулыбался абориген и повернулся на бок. — Ненец любит тундра, а тундра любит ненец. Понимай, товариш.

– Понимай, понимай, — закивали мы головами и поспешили дальше. Абориген спрятал голову под малицу и углубился в прерванный сон.

А то и вовсе любопытный случай произошел. Одна ненка, укрывшись палицей — верхняя женская одежда из оленьей шкуры — прямо на снегу родила ребенка. Младенца обнаружили по плачу. Отогрели и ожило дитя природы — узкоглазый бутус, в котором вполне могла течь кровь кого-нибудь из буровиков. Женщин в округе было наперечет, поэтому каждая из них для страждущих мужчин слыла красавицей.

С большинством аборигенов, за исключением поэта Алексея Сичкова и охотника Ермолая, встречи были мимолетны. Буровики, нефтеразведчики, механизаторы не досаждали

им, жили в мире и согласии, по-братски делились спиртными напитками. Оленеводы, охотники, рыболовы сами предлагали бартер: пушнину, меха, кожу, оленину, рыбу – на спирт, водку и прочий товар с Большой земли.

В выгодном положении, конечно, были снабженцы, товароведы, экспедиторы, совершавшие обмен. Буровиков тогда меха не интересовали. Если у нас появлялись водка или спирт, то мы знали, куда их применить. Дешевые меха, если кого ни соблазняли, то в основном семейных тружеников, исполнявших просьбы жен и тещ, равнодушных к шубам, дубленкам и другим теплым вещам.

Однажды, когда у меня выдалось свободное от вахты время, приятель Павел уговорил пойти на припай и поохотиться на нерпу. Ее мех очень хорош и долговечен. Из него в основном изготавливают пимы для женщин. Мужчины же предпочитают косить унты из собачьего меха или цигейки. Был солнечный мартовский день. Вооружившись одноствольными шестнадцатого калибра ружьями, мы пошли на припай —ледовый панцирь соединяющий берег с открытой водой. Рассчитывали на удачу. Ранней весной нерпы находят места с небольшим слоем льда и своим дыханием растапливают его, образуя лунки. Вылезают на поверхность льда, чтобы понежиться в лучах яркого солнца.

Взяв ружья наизготовку, мы разошлись разные стороны. Минут через пятнадцать поблизости от возвышающихся торосов я увидел нерпу. В солнечных лучах ее вытянутое на

льду гладкое тело отливалось золотым сиянием. Нерпа была среднего размера, весом килограммов на тридцать-сорок. Я осторожно подкрался, поймал ее голову на мушку прицела и уже хотел нажать на спусковой крючок, как нерпа пропала из вида. Она, мгновенно учуяв опасность, юркнула в находившуюся рядом лунку. Я даже не подозревал, что это на вид неуклюжее существо способно на такую прыть. В своей стихии она была недостижимой для охотника.

Еще несколько раз в поле моего зрения попадали нерпы. Но стоило мне приблизиться на расстояние верного выстрела, как они с быстротой молнии исчезали. Один раз я все же выстрелил, скорее с досады, чем в расчете на удачу.

Дробь мелким горохом прошелестела по ледяному полю и эхо укатилось в сторону берега. Либо фортуна от меня отвернулась, либо стрелок я неопытный. Хотя сознаться в охотничьей неопытности было неловко. Огорчение мое улетучилось, когда через час я встретился с Павлом и увидел, что он тоже с пустыми руками.

– Ну, что снайпер? – подтрунил я над ним. – Где твоя нерпа?

– В воде, больно шустрая, за версту опасность чувствует, – махнул он рукой. – А твоя?

– Там же, – вздохнул я и с иронией заметил. — Побольше вес набирает, мне мелочь не нужна.

– Хитришь, братец, – рассмеялся он и предложил. – Пошли лучше водку пить для сугрева, я бутылку от ребят за-

таил.

Мне ничего не оставалось, как согласиться. Закинул за плечи ружья, мы направились в поселок. Морозный воздух звенел кристально прозрачный и хрупкий. «А ведь это замечательно, что нам не удалось убить нерпу,— подумал я. — Зачем нарушать гармонию природы. Пусть фортуна улыбается ненцам и поморам, им этот промысел на роду написан».

Уже в поселке мы встретили охотника Ермолая. Каюр лихо управлял собачьей упряжкой. Сзади него на нартах лежало неподвижное тело нерпы и малокалиберная винтовка. Ермолай притормозил нарты, приветствуя нас. Видя, что мы без добычи, покачал головой, приговаривая:

— Вай, вай, нерпа хитрый!

— Еще какой хитрый, — согласился Павел.

— А Ермолай хитрее, однако, — не без гордости сознался охотник.

— Великолепный охотник, — польстил я ему. Ненец усердно закивал головой, заулыбался и проехал, довольный похвалой. Я с того дня больше не помышлял об охотничьей удаче. Сложное занятие — охота на нерпу.

БАБЬЕ ЛЕТО

1

С грустным предчувствием Андрей Гратов переступил

порог родного дома, внося в горницу горьковатый запах трав и цветов. Он с утра до позднего вечера работал в поле на стогомете и теперь ощущал во всем теле усталость. По встревоженному лицу матери понял, что она чем-то огорчена. Он с детства научился по едва приметным признакам узнавать о настроении матери, словно был связан с нею незримыми нитями. А мать тонко чувствовала состояние его души и вместе с ним делила и радости, и тревоги.

— В селе, Андрияша, сказывают, что давеча тебя опять видели с Анной Беловой, — произнесла с укором глядя на сына. — Ты ведь обещал мне оставить ее. Ну, зачем она тебе с малым дитем на руках? Али хороших, работающих девчат в селе мало? Одна другой краше, выбирай. Неужто свет клином сошелся на этой Анке. А коли к ней муж Николай с гармонью из города, где заблукал, возвратится, да узнает о ваших встречах, то скандала и беды не миновать. Ой, чует мое сердце, не к добру...

— И что ты, мама, волнуешься? — Андрей подошел к Наталье Петровне и улыбнулся. Ничего дурного у нас с Аней нет. Поговорили, вспомнили о детстве и разошлись.

— Знаю Анну, она любого обворожит. И лицом пригожа, песнями и плясками за душу берет, — немного успокоившись, промолвила мать. — Хороша была бы в доме невестка, да вишь, не судьба. Пока ты служил, ее под венец повели. Сказывают она с Колькой, что та кошка с собакой жили. Он без самогона за стол не садился и свекровь его поддержива-

ла, так как сама охотно для аппетита первак хлестала, а невесту постоянно пилила. Вот Аннушка и не выдержала, ушла с дитем к родной матери.

— Да, не заладилась у нее жизнь, — согласился Андрей. — Да только Анна гордая, никому не жалуется на свою судьбу. На людях всегда веселая, приветливая, а на сердце печаль.

— Ты бы сынок себя пожалел, — горестно вздохнула Наталья Петровна. — Все о других печешься, а сам, поди, еще толком не определился. Вера Тихомирова, чай не невеста, скромная, работающая и красотою Бог не обидел. Приятно с ней и под венец пойти. Слышала я, что она по тебе сохнет, да стыдится признаться. Другая бы городская шленда уже бы окрутила и на шее чугунной гирей повисла, а Вера скромна и стеснительна. Брал бы ее в женушки, а то ведь четвертый год, как отслужил, а все в холостяках. Дружки твои закадычные на первом, втором году после службы обзавелись семьями и в отцах ходят...

— Придет и мое время, — усмехнулся сын. Наталья Петровна разговаривала и одновременно накрывала на стол. Над тарелкой с горячим украинским борщом струился ароматный пар.

Гратов с теплотой следил за ловкими руками матери и подумал с жалостью: «Сколько они добрых дел совершили. Мать не может сидеть без забот и хлопот. То печет любимые Андреем оладьи и блины, то хлопочет по хозяйству с живностью».

– Мои подруги почти все ходят в бабушках, нянчатся с внуками и внучками, а мне, порою, не с кем словом обмолвиться, — посетовала она с затаенной надеждой и обидой. — Я бы твоих с Верой детишек нянчила. А Анну, ради Бога, выкинь из головы и сердца. Зачем тебе надкушенное яблоко. И без того о вас в селе сплетни плетут. Мне думаешь приятно слышать?

Андрей молчал, не находя убедительных слов для возражения. Мать по-своему права, но не так просто разобраться в своих чувствах.

– Что это я шибко разговорилась? – спохватилась мать. — Ты, поди, проголодался, а я с нотациями. Садись, ешь. Верно, говорят, что соловья баснями не кормят. Кстати, Вера очень вкусно готовит. И по кулинарной, и по кондитерской части мастерица, всегда сытый будешь. Путь к сердцу мужчины лежит через желудок.

Поначалу влюбленные хлопцы, как ослеплены красотой суженой, глупые телки, а лишь потом начинают замечать в молодой жене кучу недостатков, в том числе неумение готовить пищу. Кроме яичницы на сале, да отварной картошки, нечего и не могут.

Мать заботливо приставила стул к столу и сын по-крестьянски с аппетитом принялся за еду. Наталья Петровна присела возле, наблюдая за его неторопливыми движениями. Андрей управился с пищей.

– Очень вкусно, спасибо родная, — поблагодарил он мать. —

Я уверен, что вкуснее тебя никто неспособен приготовить.

– Ты, сынок, приляг в горнице, – предложила она, тронутая его чуткостью. Он вышел в соседнюю комнату, прилег на диван. Хотел заснуть, но из головы не выходил разговор с матерью. Андрей и сам не один раз старался забыть о Анне, но она всякий раз возникала перед глазами, манила за собой. При воспоминании о ней он словно попадал в какое-то теплое течение и не задумывался о том, куда оно его может вынести.

Еще до призыва в армию Андрей среди других девчат выделил русоволосую стройную Анну, но назначить ей свидание и объясниться в первой любви, так и не решился. И вот теперь, тогда зародившееся в нем солнечное чувство, разрассталось и крепло. Он отчетливо помнил каждую встречу с Беловой, ее слова, загадочную улыбку и мягкие движения рук, гибкого и тугого тела расцветшей женщины.

2

Догорали последние сентябрьские дни красного бабьего лета. Золотом и багрянцем светились влажные после утренних туманов листья кленов, акации, смородины и других деревьев и кустарников, словно кто-то невидимый поджег их и они с каждым днем под порывами холодного ветра разгораются все ярче. И мелкий грибной дождь не может загасить этот большой костер осени, ибо это под силу лишь листопа-

ду.

Птицы стаями и косяками пересекли загустевшее проси-
нью небо по своим извечным маршрутам на юг, чтобы спустя
полгода с первой весенней оттепелью, возвратиться назад. В
природе наступила тихая и упоительная пора бархатного се-
зона, бабьего лета. На сенокосах в пойме реки сельчане стре-
мились по начала непрерывной полосы осенних дождей сме-
тать в скирды луговое сено.

—Эй, Андрей, веселей! – подзадоривали парня трое де-
вушек, находясь на верху скирды. — Что ты словно не жи-
вой. Видно с милашкой обнимался до зари.

И рассыпался звонкий, словно серебряные бубенцы, девичий смех. Из кабины стогомета Гратов видел загорелые ли-
ца девчат, их гибкие фигуры и лихо подавал им пахучие во-
роха сена. Девчата вилами ловко раскладывали сено по кра-
ям. Перекидывались шутками и подзадоривали друг друга.
Андрей с удовольствием наблюдал за Анной. Видел, как она
наклоняется тугим телом, а смуглые стройные ноги утопают
в сене. До полудня все работали азартно и упарились.

– Глуши свою тархтушку! – приказала трактористу свер-
ху черноволосая и бойкая Ольга Рябинина. – Гляди надор-
вешься и мы останемся без завидного жениха. Мы девчата
горячие, в жизни еще многое не взяли и не испытали. Ан-
ке вот нечего бояться, она вкусила райское яблочко, позна-
ла радости и сладости любви. А для нас с Веркой это еще
лес дремучий. «Хорошо поработали, – подумал Андрей. —

Скирда метра на два подросла, еще пару часов работы и можно вершить».

—Что глаза пялишь? – прикрикнула на него Ольга и бесстыдно, заголив подол, съехала вниз на раскиданное сено.

– Может помочь? – спросил он неуверенно, взирая на Анну и Веру Тихомирову, которые нерешительно остановились на краю скирды.

– Как-нибудь сами, – ответила Анна и, смело спрыгнула на небольшую копну. За ней последовала Вера, которая ни в чем не хотела уступить Беловой.

– Вам смело можно идти в десант, — улыбнулся тракторист и засмотрелся на Анну. Она вытянулась в струнку, выпутывая из разметавшихся русых волос сухие стебли травы и цветов. Потом взяла пальцами шпильку, которую до того держала в зубах и заколола собранные в узел волосы.

– Ой, Аня! – всплеснула ладонями Рябинина. — Ты только погляди на Андрюху. Он с тебя глаз не сводит. Вот это страсть, вот это огонь! Если бы он на меня так поглядел, я бы за ним на край света пошла.

Белова уловила на себе нежные взгляды Андрея и вспыхнула, зарделась румянцем.

– Наговариваешь пустое, – перебила она подругу и напомнила. – Я уже птица окольцованная. Это ты и Вера можете смело претендовать на руку и сердце жениха.

Андрей краем глаза увидел, как обиженно опустила голову Тихомирова, теребя в руках сухую ромашку.

— А ты брось своего Николая, перекаати-поле, — не уни-малась Рябинина. — Что это за муж, объелся груш, которо-го месяцами дома нет и молодая жена вынуждена томиться, стгорая от страсти. Другое дело, если бы он плавал в морях и океанах, зарабатывая валюту. Неизвестно еще, чем он в го-роде занимается? Там девчата без предрассудков и комплек-сов, поди не голодает, катается, как сыр в масле. Поэтому и не тянет его домой к жене и маленькой Даше. Помянешь мое слово, с какой-нибудь наштукатуренной с фиолетовыми волосами кралей прикатит. Требууй развод и устраивай свою жизнь, а то на положении соломенной вдовы при живом му-же. Молодые, цветущие годы уходят...

— Ольга, замолчи, это мое личное дело, — оборвала ее Белова и подруга притихла, ощутив на себе укоризненный взгляд.

— Не серчай, Аннушка, — обняла она Белову за плечи.

— Ладно, я не обижаюсь, — слегка улыбнулась Анна и с грустью заметила. — Вот выйдешь замуж и поймешь, что по-чем. Я ведь до замужества все представляла в розовом цвете. Считала, что медовому месяцу не будет конца, что Коля ста-нет заботливым мужем. А он гармонь и барабан с бубенца-ми в руки и пошел гулять до утра. На свадьбы, юбилеи при-глашали и щедро наливали, вот и пристрастился к «зелено-му змию». А там, где пьянка, веселье, там и случайные свя-зи. Мужики, что в возрасте поспивались, поэтому у их жен на молодых ребят большая потребность. Да и в городе та-

ких, как он, хватает. Может, шибает гроши, играя на гармонии в подземном переходе или на рынке. На выпивку и закуску соберет и тем доволен. Мужикам сложнее адаптироваться в нынешней базарной жизни. Чувствуют себя беспомощными и ущербными.

– Слишком ты, Аня, добрая и жалостлива, всех готова согреть и утешить, поэтому и страдаешь в гордом одиночестве, — посочувствовала Рябинина.

Окунувшись в личные проблемы, они позабыли о присутствии Андрея, молчаливо внимавшего их женским печалям.

3

Девчата раскидали и примяли на земле сено. Накрыли его сверху предусмотрительно взятой Анной из дому небольшой полотняной скатертью и выложили из сумок хлеб, вареный картофель и яйца, сало, овощи, фрукты, сметану и другие изделия домашней кухни.

– Ох, как я проголодалась, — заявила Ольга и обернулась к Гратову. – Особого приглашения ждешь или без самогона нет аппетита?

– Не злоупотребляю, — улыбнулся тракторист. – Если и пью, то по большим праздникам и предпочитаю шампанское и коньяк.

– О-о! Да ты у нас аристократ, француз, а вот Николай не отказался бы. А ну, живо садись к нам. Чем богаты, тому и

рады.

– Не хочу быть нахлебником, объедать тружениц. Я поеду домой, матушка приготовила пельмени, заждалась, – отказался он.

– Никаких домой, мы угощаем, – взяла его за руку Рябинина. — А кто нас будет развлекать. Тебя для чего бригадир к нам приставил? Чтобы ты нас развлекал, а не ушами хлопал?

– С тобой не соскучишься, — рассмеялся Андрей.

– Это только цветики, будут и ягодки, — лукаво подмигнула ему Ольга.

– Царский стол! – воскликнул он, присев между Анной и Верой и добавил. – Но к этому столу чего-то не хватает.

– Губа не дура, – улыбнулась Рябинина и достала из своей объемистой сумки бутылку с рубинового цвета напитком. — Мамина вишневка за милую душу пойдет, вместо компота.

От выпитой вишневки все повеселели. Гратов словно нечаянно прикасался к Беловой и это прикосновение было упоительно-хмельным. Тихомирова присела чуть в сторонке, притихшая и грустная, перебирала пальцами нити волос.

– Когда мы тебя, Андрюша, женим? – нарушила молчание Рябинина и сама же ответила. – Давайте прямо сейчас сыграем свадьбу. За невестой дело не станет.

– Кого из подруг ты предпочитаешь взять под венец? – спросила Белова, отстранив от себя Андрея.

– Веру, пока она не отцвела и не перезрела, — бесцере-

монно заявила Ольга. — И лицом пригожа и характером, что ангел. Нарожает ему детишек целый детсад.

Андрей скорее осознал, чем увидел жестокость Ольгиной шутки. Тихомирова побледнела, потом закрыла лицо ладонями и всхлипывая побежала за противоположную сторону скирды.

— Зачем ты так, знаешь ведь, — упрекнула подругу Анна и та, признав себя виноватой, устремилась за Верой. «Не плачь, я не хотела тебя обидеть. Это же шутка. Ну, перестань, дуреха», — доносился девичий голос. Вскоре они возвратились и Вера, потупив взор, присела на свое место.

— Что мы сидим, как на поминках? Давайте я вас развеселю, — предложила Белова и вышла на полянку. Плавно повела руками и запела:

Подари мне ласковое слово,

Мне на плечи руки урони.

Ты верни, верни мне сердце снова

Или два в одно соедини.

Андрей залюбовался нею, прекрасно звучал девичий голос. «Вот так бы сидеть и видеть Анну, слушать ее нежный голос», — подумал он, привалившись спиной к скирде. Он ощутил на себе чей-то пристальный взгляд. Обернулся и встретился с глазами Веры. В них было столько боли, грусти и нежности, что он невольно вздрогнул.

К закату солнца они сложили в скирду все сено. Ольга и Вера ушли вперед по проселочной дороге, ведущей в село с красными черепичными и бледно-серыми шиферными крышами. Андрей нарочно задержался с Беловой. Запер дверцу трактора, от работающего двигателя исходили волны тепла. А от скирды в лицо веяло терпкими запахами трав, цветов. Он подошел к Анне и смело взял ее за руки.

– Что скажешь? — обратила она к нему красивое смуглое от загара лицо со золото-карими зрачками. Но он вместо ответа крепко обнял ее за тонкую талию и прижался губами к ее губам.

– Пусти, не шали, не надо, — прошептала она, переводя дыхания и пытаясь выскользнуть из его объятий. Потом озорно заглянула в его васильковые глаза:

– Ишь, тихоня какой. Недаром говорят, что в тихом болоте черти водятся. Николай тоже обещал всю жизнь на руках носить, цветами, духами и шоколадом одаривать.

– Люблю я тебя, Аннушка, давно люблю, — он иступленно целовал ее глаза, губы, овечьи летним зноем и травами волосы. — Не могу без тебя... Давай соединим наши сердца и судьбы?

– Эх, Андрюша, на мне свет клином не сошелся, — оттолкнула она его руками. — Где ты раньше был. Теперь все напрасно, опоздал. Другая я стала, обожглась на первой любви.

Как неразумная бабочка полетела на свет и опалила крылья.
А любовь без полета обречена.

Белова уткнулась лицом в ладони и промолвила:

— Андрей, ты слепец, не видишь, что творится с Верой. Она души в тебе не чаёт, да и ты еще не разглядел это прелестное сокровище. А меня забудь, не хочу я ворованного счастья. Беги, догони ее... Нет, погоди.

Анна решительно подошла, прижалась к его груди головой и, словно прощаясь, призналась:

— Я до сих пор тебя люблю. Корю себя за то, что не дождалась твоего возвращения из армии, хотя мы прежде не встречались и никаких клятв и обещаний друг другу не давали. Слишком юные и наивные были, чтобы разобраться в нежности первых чувств, дыхании любви. А теперь, иди, — отрезвев, чужим голосом произнесла она. — Торопись, а то потеряешь Веру, как меня когда-то.

— Аня, я подвезу тебя до полевого стана, — предложил Гратов.

— Не надо, а то начнешь приставать, — отказалась Белова.

Послушный ее воле, Андрей заглушил двигатель стогомета и побрел по проселочной дороге. В голове, словно в тумане, путались мысли. А за селом в теплых сумерках в багряно-алых всполохах заката догорало бабье лето. Загустевшее небо прочертил журавлиный клин. Прощальные крики птиц болью и грустью пронзили сердце Андрея. Он невольно остановился на развилке проселочной дороги.

ГЕН ДОВЕРИЯ

В один из погожих дней золотого бабьего лета я выбрался на природу в небольшой сосновый бор, что возвышается на террасах за поселком Грэсовским. Решил собрать зардевшие ягоды боярышника и шиповника, растущих среди по соседству с соснами, а возможно, и набрести на шампиньоны, либо их собратья— пепельно-серые «мышата» появятся позже, в ноябре-декабре.

Миновав гаражи, я ступил на проторенную на террасе тропинку, ведущую в сторону поселка Аэрофлотское. Пройдя метров сто, услышал дружный собачий лай. Вскоре со склона за небольшого роста серой масти дворняжкой, матерью семейства, на тропинку выбежали четверо маленьких щенков. Двое черные с белыми, словно в тапочках, лапками и кончиками ушей, а двое – бурые. Изголодавшиеся они совали головы в пакет, путались в ногах, взирали на меня доверчивыми глазами.

Когда полез в пакет, прекратили лаять, наблюдая за движениями моих рук. Если бы знал об этой неожиданной встрече, то обязательно прихватил бы с собой остатки пищи, а так пришлось разделить на десятерых три бутерброда. Подлетки с жадностью набросились на еду, а каждого из щенков пришлось покормить с рук, иначе им ничего бы не перепало. Их исхудавшая мать терпеливо ждала своей очереди. В от-

личие от снedaемых инстинктом голода детей, она сохраняла свое собачье достоинство. Не набросилась на еду, терпеливо наблюдала, дав своим питомцам хоть немного утолить мучивший их голод.

Судя по примятой возле куста шиповника траве и обглоданным костям, семейство облюбовало это уютное место. В мгновение ока, проглотив пищу, они взирали на меня по-прежнему голодными глазами. Я вытряхнул пакет и развел руку, мол, пусто.

Вдруг собака насторожилась, видимо, издалека, заслышав шаги на тропинке. Минуты через три я увидел женщину среднего возраста. Она несла в одной руке полиэтиленовую бутылку с водой, а в другой – тяжелую сумку. Все семейство с радостным визгом бросилось к своей, как я догадался, и кормилице, и поилице.

– Добрый день, – приветствовала незнакомка и радушно улыбнулась, озирая семью. – Гуманитарная помощь прибыла. Заждались, изголодались, мои хорошие.

Потом с грустью в голосе посетовала:

– Жаль собаку и ее малышей, загинут ведь от голода и жажды, если оставить без внимания, пройти мимо.

– Почему она, как другие собаки, не приведет своих щенят к контейнерам с остатками харчей или не поселится вблизи рынка, где всегда найдется, чем поживиться, да и к чужому двору могла прибиться?

– Наверное, опасается за своих детишек, поэтому и пря-

чется в бору, но голод не тетка, ответила женщина. – А к контейнерам и бачкам не идет, потому что другие, более сильные собаки, оберегают свою территорию от чужаков. Среди животных, как и среди людей, жесткая, а порой и жестокая, конкуренция в борьбе за место под солнцем. Она свое место не оставляет, ибо знает, что у кого-нибудь из людей рано или поздно защемит от жалости сердце и принесут остатки снеди. Беда будет, когда наступит холодная дождливая осень, а там и морозы ударят.

– Суровая жизнь у наших братьев меньших, – посочувствовал я.

– В других цивилизованных странах, где уровень жизни намного выше, чем у нас, бездомных собак собирают в пансионаты и питомники, где кормят и лечат, а у нас они вынуждены страдать, – продолжила она. – В городской одно или двухкомнатной квартире такую ораву не продержишь, да и соседи не позволят, заявят в милицию и жэк .

Разве, что в загородном доме, особняке, но зажиточные господа предпочитают породистых, бойцовских псов для охраны имущества, натаскивают их на людей. Собака, словно губка, впитывает характер и повадки, доброжелательность или агрессивность своего хозяина.

Один из щенков заскулил и женщина вынуждена была прервать свой печальный монолог.

– Проголодались, бедняжки. Живо за мной, в столовую, – пригласила она и поднялась на одну из верхних террас, где

белела одноразовая посуда. Перегоняя друг друга, устремились за своей спасительницей.

Глядя им вослед, я дал себе зарок: в сосновый бор без гостинцев ни шагу. В выходные, а вечером в будние дни, я навещал семейство. Однажды недосчитался четырех маленьких щенков. Куда они подевались, неведомо? Благо, если попали в добрые руки, кто-то из малышей попросил родителей взять их к себе, а то ведь не перевелись и живодеры?

...Осень, дожди, туман, а собака и пятеро ее щенков остаются на месте, окликая своим лаем редких прохожих. Вдруг кто-то вспомнит, что собака друг человека, что ее сородичи Белка, Стрелка, Звездочка и Лайка раньше человека побывали в космосе, проторили звездный путь.

В хищниках, львах, тиграх, медведях, волках, лисах, как впрочем, в некоторых птицах и пресмыкающихся, самой природой изначально заложен механизм выживания. Происходит естественный отбор, при котором выживает сильный и хитрый. А вот в собаках и кошках, очевидно с тех пор, как человек их приручил, сформировался ген доверия к людям.

Поэтому, спасаясь от голода, они льнут к человеку, к его жилью. Если даже не мы, лично, приручили этих животных, а наши далеки предки или другие люди, то все равно в ответе за судьбу наших братьев меньших.

И в этом близки по духу, солидарны с людьми щедрой души прекрасный русский поэт Сергей Есенин и замечательный французский писатель, автор «Планеты людей» и «Ма-

ленького принца» Антуан де Сент-Экзюпери. Их крылатые изречения, словно талисман для всех живущих зверей, птиц, обитателей водной стихии и земной суши, напоминание о бережном отношении к ним...

Когда окружающий нас мир несовершенен, и в нем продолжается противоборства зла и добра, человеческих добродетелей и пороков, легко прослыть идеалистом, мечтателем. Но хотелось, чтобы на этой прекрасной земле, где человек, как отдельная личность, смертен, возникла гармония между всеми живущими существами.

Чтобы комфортно ощущали себя не только люди, но и звери, птицы, пресмыкающиеся, деревья, травы, цветы, также, как солнце, воздух, вода, пища, являющиеся источниками жизни.

Да, природа беспристрастна, равнодушна к судьбе и помыслам человека. Но каждому из нас дана уникальная способность ее одухотворять через гамму своих ощущений и глубокое восприятия явлений.

Для сохранения этого хрупкого, легко ранимого мира, люди, которым посчастливилось родиться, своими поступками должны не нарушать, а содействовать гармоничному состоянию природы и тогда в грядущем идиллия станет явью.

Дабы не нарушить девственную белизну, по проторенной тропке возвратился в бор и вышел к расположенному в низине, в пойме реки Салгир, пруду, на берегах которого еще недавно несли вахту рыболовы. Ныне берега с заиндедев-

шими под хрустальным панцирем стволами и ветками плакучей ивы, терновника, барбариса и шиповника, пустынно. Поверхность скована льдом, припорошена снегом. На льду видны следы от полозьев санок и коньков. Очевидно, радуясь первому снегу и морозу, резвилась местная детвора.

При первых признаках оттепели эти шалости очень опасны, лед истончится и есть риск угодить в полынью. Вместо детишек увидел черного породистого пса. Он с явным азартом и удовольствием толкал по льду старую шину от автомобиля. Затем вытащил ее на берег и, демонстрируя хозяину свою силу и умение, ловко надел ее на крепкую шею.

Если пруд в оковах льда, то в Салгире, окаймленном белыми пушистыми берегами, вода журчит на перекатах и слегка парит. На мелководье прозрачная – виден каждый камушек, но после таяния снега забурлит, устремившись к морю. Ядреный морозный полдень. В небе закружились большие пушистые снежинки.

ТЕРПКИЙ ВКУС ДЕТСТВА

Издали на берегу озера, что у села Белоглинка, я увидел несколько деревьев. На плакучей иве в лучах солнца сиял парчово-золотой наряд листвы, а крона, растущего на крутом склоне дерева, была иссиня-сизого, даже фиолетового цвета, словно огромный букет фиалок. Что за диковинка? Приблизился и на кряжистых, голых, потерявших листья

ветках, увидел обилие ягод.

В желтой сухой траве вокруг дерева они лежали уголька-ми. Терновник, обычно растущий в форме кустарника, не выше полутора-двух метров, здесь у воды, где для корней обилие влаги, вымахал в четырехметровое, крепкое дерево с крупными, как у вишни, плодами. Я аккуратно, чтобы не пораниться об острые шипы, сорвал несколько ягод, очень похожих на виноград сорта Изабелла.

Попробовал и ощутил сладковато-терпкий, вяжущий вкус. Он воскресил в моей памяти картины детства.

В далекие пятидесятые годы, еще до того, как в присивашской степи пролегло русло Северо-Крымского канала, а земля под жарким солнцем была усыпана колючками и по ней гуляли шары перекаати-поля, для детворы лакомством были лишь дикоросы – абрикосы, смородина, алыча, шелковица и плоды серебристого лоха, почему-то названные маслинами.

О таких экзотических плодах, как бананы, гранат, киви, хурма, ананасы мы, дети трудного послевоенного времени, в ту пору не ведали. Те же лимоны, мандарины и апельсины были большой редкостью и лишь в новогодние праздники. А вот о терновнике, кизиле, боярышнике, хмеле, растущих в Старокрымской лесу, знали не понаслышке. Поскольку тогда вблизи села не было ни садов, ни виноградников, а бахчу, арбузы и дыни выращивали в отдалении, то дефицит витаминов взрослые односельчане восполняли лесными ягодами.

Ежегодно осенью еще до рассвета «десант», в составе

взрослых и детей на гужевых повозках отправлялся в лес. И до позднего вечера, пока сумерки не окутывали деревья, распугивая шустрых белок и вездесущих сорок и ворон, собирали в чащах и лощинах рубиновые ягоды кизила, боярышника, красные – шиповника, иссиня-сизые плоды терна и желто-оранжевые – облепихи, орехи лещины, хмель...

Взоры сборщиков были устремлены не только на ветви деревьев, усыпанные ажурной вязью плодов, но и на землю, покрытую шелестящим ковром из листвы, сосновых игл и шишек и бусинок янтарных желудей, где притаились грибы – маслята, лисички, шампиньоны, «мышата»...

До оскомины насытившись ягодами, дети и подростки с азартом играли в войнуху. Из опасений, что заблудимся, матери и отцы, старшие братья и сестры постоянно окликалами своих подопечных, требуя отзывов и поэтому спрятаться от «противника» было проблематично.

Поездки из сел Новый Мир, Чапаевка, Хлебное, расположенных в Советском районе, будь то в Старокрымский лес или на берег Азовского моря, что вблизи Каменки, либо – на Черное в район Феодосии, для нас были долгожданным радостным событием. После возвращения в село с лесными дарами, умелые хозяйки делали заготовки на зиму – из ягод варили компоты, варенье, кисели, маринады...

Терн засыпали сахаром и вскоре получалась ароматная, густо-малинового цвета наливка – терновка. Мастерицы подкисляют плодами терна пресные салаты и супы. На предпри-

ятиях пищевой промышленности изготавливают водку-терновку, фруктовый уксус, из богатых жирами семян – масло с запахом миндаля для кондитерских лакомств.

Лесные животные и птицы тоже оценили полезность ягод, вкушают и мякоть и семена, добытые дубоносом из твердых косточек.

Плоды облепихи перетирали сахаром. Из хмеля изготавливали брагу. Жарили, мариновали, солили и сушили грибы. В холодные зимние вечера (зимы в те годы были лютыми и снежными) приятно было лакомиться душистым и вкусным вареньем, вспоминая о знойном лете и щедром лесе и мечтая о следующей встрече с ним.

Ныне при обилии и богатом выборе ягод, фруктов и овощей, в том числе привезенных из-за тридевять морей, терн, судя по тому, что никто еще не собрал ягоды, и отчасти кизил, не востребованы. С нижних веток сорвут горсть плодов для пробы, но редко кто рискнет забраться на дерево из опасения исколоть руки о шипы.

Возможно не всякий гурман, не будучи старожилом, живущих вблизи лесов и урочищ, знает, сколь полезны ягоды терна. Его считают универсальным врачом при нарушении обмена веществ в организме, авитаминозах, используют в качестве жаропонижающего средства. Терпкость ягод уменьшается после заморозков. Гомеопаты применяют для врачевания не только ягоды, но и нераспустившиеся цветки.

Во Франции маринованными плодами терна заменяют

оливки. Для японцев, почитающих карликовую вишню– сакуру, зацветающий ранней весной, когда еще лежит снег, терн является символом стойкости, жизнелюбия и мужества, а для китайцев – ореолом весны, обновления жизни и надежды. Он точно и емко определил суть устойчивых поговорок и словосочетаний: «терновый куст не живет пуст» (плодородность), «тернистый путь» (преодоление трудностей, препятствий), «через тернии к звездам» (настойчивость, целеустремленность), «терновый венец» (испытание на твердость характера, воли).

Терн дал название замечательному роману Колин Маккалоу «Поющие в терновнике» о сложных судьбах героев, достойно выдержавших выпавшие на их долю испытания.

Красивое, белопенное, словно кружево, связанное золотыми лучами-спицами солнца, цветение терна радует глаз, восхищает и вдохновляет поэтов, живописцев и музыкантов.

Терн – древнее растение, прародитель многих сортов слив, полученных от скрещивания терна с алычой. У многих народов его почитают за доброжелательность, а викинги наделяли его мудростью и даром предвиденья. В результате селекции садовой сливы с терном выведен мичуринский сорт крупноплодного терна – Ренклюд терновый.

Моя прогулка к озеру по тропинке вдоль русла серебристо звенящего в живописном урочище Салгира, с буйно разросшимися по берегам, благодаря избытку влаги, плакучими ивами, и, превратившимися из кустов в деревья, шипов-

ником, бузиной, боярышником и терновником, оказалась не только приятной, но и полезной.

Порадовали взор растущие по соседству, терн, боярышник и шиповник, несмотря на колючки, одарили своими целебными плодами, напомнившими терпким вкусом о далеком, трудном детстве.

АБОРИГЕН С ВАЙГАЧА

Не погрешу против истины, если скажу, что главным видом транспорта на Севере, исключая, конечно, олени и собачьи упряжки, а также снегоходы, является авиация. Причем, вертолеты, для которых не требуется взлетно-посадочная полоса. Большинство участников нефтеразведочной экспедиции, базировавшейся в Варандее, если возникала потребность побывать а Нарьян-Маре, в Амдерме или на одной из отдаленных буровых, пользовались не рейсовыми, а экспедиционными вертолетами Ми-8. Быстро и надежно. На тракторе или на оленьей и собачьей упряжках по бездорожью, рискуя погибнуть в болоте или быть застигнутыми в пути метелью, далеко не уедешь.

Однажды в первые дни апреля произошел курьезный случай. Погода была ясная и я вместе с другими пассажирами благополучно долетел с экипажем Ми-8 из Варандея в Амдерму. Закончил срочные дела, мы готовились в обратный рейс, когда вертолетчики по радиостанции получили зада-

ние совершить посадку в селении Варнек, что на острове Вайгач и загрузить для экспедиции мясо – оленину. Дело в том, что на этом острове ненцы и поморы исконно занимаются оленеводством, обеспечивая материк с его коренным и пришлым людом дешевым мясом.

Приказ – есть приказ. Заработали винты и наш вертолет оторвался от обледеневшей и припорошенной земли. Минут через двадцать, преодолев по воздуху пролив Маточкин шар сверкающий наледью припая и мешаниной шуги, вертолет достиг оконечности Вайгача. Сквозь стекла иллюминатора внизу показались несколько бревенчатых изб.

Пилоты выбрали более-менее подходящее место для посадки. Едва Ми-8 коснулся колесами покрытой снегом земли, как дверь в ближайшей избе распахнулась из помещения выскочил мужчина. Он бежал, размахивая руками и, тщетно пытался перекричать гул двигателя. Обороты винта замедлились и низкорослый абориген приблизился. На нем была сорочка с галстуком и пиджак, хотя мороз под тридцать градусов его еще не пробрал. В глаза бросился его вызывающе начальствующий вид. Вскоре мы узнали, что он председатель сельсовета, потому и держался гоголем.

— Куда вы сели, надобно поближе к складам,– упрекнул он.– У меня нет транспорта для подвоза сюда оленины.

– Откуда нам знать, где твои мясные склады находятся? С высоты не распознать,– возразил пилот и пригласил.– Давай садись в кабину, точно укажешь место, где лучше при-

землиться, чтобы не блуждать.

– Я не запер кабинет, оставил без присмотра, выбежал ведь на минутку, – неуверенно произнес начальник и указал взглядом на избу.

– Ничего с ним не случится, – обнадежил пилот. – Минутное дело, укажите место посадки и возвратитесь в кабинет.

Я подал руку и председатель сельсовета оказался в вертолете. Машина зашумела винтами и набрала высоту. Пилот хотел найти ориентиры на местности. Но вдруг налетел резкий ветер, завьюжило, окутав все молочной пеленой. Исчезли внизу крыши построек, все стало белым-бело. Как пилот не вглядывался, глаз не мог зацепиться хотя бы за какой-нибудь ориентир на земле.

– Наелись оленины. Придется возвращаться в Амдерму, – сообщил командир экипажа. – Рисковать нет смысла. В другой раз, когда выпадет okazия, заберем мясо.

– А как же я? — растерянно вопрошал председатель сельсовета. – У меня изба, кабинет не закрыт, без присмотра. Вдруг кто на печать гербовую позарится?

Он выглядел жалко, начальствующую спесь словно рукой сняло.

– Кому она нужна, твоя печать, в глухой тундре, – ответил пилот. – Ничем помочь не могу. Правила техники безопасности полетов запрещают в таких условиях совершать посадку. Ждите, может распогодится.

Наш случайный попутчик еще несколько минут метался,

пока не успокоился, смирившись с ситуацией и своим положением. В Амдерме погода была сносной и мы благополучно приземлились. А вот Варандей, куда мы намеревались вылететь, не принимал из-за ненастья. Трое суток мы промаялись в Амдерме.

— Как же я, мне надобно на Вайгач?— приставал к пилотам одетый в старую летную куртку с чужого плеча председатель сельсовета, имя которого за давностью лет позабылось.

— Теперь вам с нами, любезный, не по пути. Ждите, на Вайгаче нелетная погода, — невозмутимо ответил командир Ми-8, тщательно изучавший сводки метеослужбы. Я с сочувствием наблюдал за попавшим внеожиданный переплет поморцем. Мне, как впрочем и ему было хорошо известно, что на Вайгач вертолеты летают очень редко, а другим способом преодолеть почти пятидесятикилометровое расстояние, причем через пролив, весьма рискованно. Вот так: отлучился человек на минут на пять-десять в вертолет, чтобы указать место посадки, а стал заложником непредсказуемой погоды Севера.

На Вайгаче надолго разыгралась непогода. Экипажу вертолета дали добро на вылет в Варандей и мы направились на базу.

Каким способом председатель сельсовета добрался до родной избы для меня осталось неведомо. Зато этот необычный эпизод надолго остался в памяти, да и мелкому чиновнику будет наукой.

ТИХАЯ ОХОТА

На исходе ноября осень подарила любителям тихой охоты благодатную погоду. После кратковременных дождей установились погожие солнечные дни. Солнце растворило утренние туманы, выпило со стеблей травы и листьев росу и прогрело за ночь озябшую почву. В один из таких дней, ближе к полудню я наведаясь в сосновый бор, что на склонах и террасах, изрезанных балками за поселком Грэсовкий.

Здесь на возвышении есть небольшой равнинный участок бора, где недавно в ясную погоду довелось увидеть пушистых белок, ловко прыгающих с ветки, и таким способом совершающих воздушное путешествие в поисках пищи. В основном же сосны высажены в один ряд на ярусах террас, шириною в два-три метра, серпантинном повторяющих рельеф изрезанного оврагами ландшафта до самого поселка Аэрофлотское.

Сосновый бор расположен на террасах и поэтому во время дождей и таяния снега, как по каскаду водопада, вода стекает с верхнего яруса вниз к долине с яблоневым, грушевым и ореховым садом. Потоками воды переносятся споры грибов и поэтому их можно обнаружить не только под пожухлыми и сухими сосновыми иглами, травой и листвой, но и на покатых склонах. Опытные грибники об этом знают и поэтому «мышатам» от них очень трудно спрятаться.

В один из дней, наточив до остроты бритвы нож, дабы не повредить грибницу, я отправился на охоту. Бор меня встретил тишиной и запахом сосен и прели, пожухлых трав и цветов, мягким ковром застеливших влажную почву. Еще ранее подметил, что «мышата» отличаются от других видов своих собратьев. Очень редко растут поодиночке, а часто из одной грибницы, плотно прижавшись друг к другу, вырастает целый выводок, словно семья, рядом с крупными на белых ножках с пепельно-серыми мышинового цвета грибами приютилась мелюзга с конической формы шляпками. Они схожи с крохотными березами, растущими из одного корня. Только искушенный грибник с зорким зрением по слегка приподнятым сухим сосновым иглам и траве, покрову зеленого мха способен обнаружить стайку «мышат». Какая это тихая радость набрести на целый выводок, срезая сразу несколько хрупких белоснежных ножек.

Конечно, смешанные леса, того же Подмосковье, где довелось побывать, не говоря уже о тайге, богаты разнообразием видов: белый гриб, боровик, груздь, подберезовик, подосиновик, рыжики, лисички, маслята, опята... И, на мой взгляд, если есть красавец мухомор, бледная поганка и другие ядовитые грибы, значит в экологической цепи видов они выполняют определенную роль, создают баланс и гармонию. В природе нет бесполезных животных и растений..

Подметил, что грибники редко друг с другом переговариваются из-за опасений испугать удачу. Отчасти и поэтому

охота называется тихой.

Ощутил прохладу, хвойно-смолистый и грибной запах рукотворного бора с рядами стройных сосен. Вверху сквозь ветви с темно-зелеными иглами и свечами молодых шишек проглядывались синие лоскутки неба. А под ногами пружинили слежавшиеся сухие иголки, вокруг были разбросаны шишки. Звенящая тишь нарушалась редким пением птиц или стуком упавшей с высоты шишки.

Неожиданно для себя я увидел на освещенной солнцем прогалинке пепельно-сизую шляпку гриба, похожего по цвету на мышонка, потому и получившего это название.

Осторожно разгреб иглы и увидел целый выводок мышат, хрупких на белых ножках. А вскоре услышал голоса и увидел самих грибников, которые, усердно разгребая слежавшийся наст, охотились на мышат. В течение нескольких дней небольшой бор был прочесан вдоль и поперек. Несмотря на то, что грибы неприметны, одних мышат «отловили», а другие не успели вырасти, так как установилась сухая погода.

Мой следующий поход в бор не увенчался успехом. Хотя главное, не количество собранных грибов, а прекрасный отдых на лоне природы под сенью стройных сосен.

Вспомнил о тезке, проживающем в селе Аркадьевка. Еще две недели назад он приглашал меня на сбор грибов в степных окрестностях, не тронутых плугом из-за холмистого с оврагами ландшафта.

–Приезжай, грибов после дождя вдоволь, хоть косой или

серпом коси, – заверил он.

Прибыл в село, расположенное в отдалении от трасс и потоков транспорта, а значит в относительно чистой зоне, ибо грибы словно губка, впитывают в себя вредные вещества.

– Долго же ты собирался, – мягко упрекнул меня Владимир. — Теперь не потребуются ни коса, ни серп. Односельчане исходили все окрестности в радиусе нескольких километров и вдоволь запаслись грибами. Но коль уж настроился, то совершим поход, авось повезет.

По истоптанным коровами, козами и овцами тропам по пожелтой сухой траве мы удалились от села километров на два, то, опускаясь в балки, то поднимаясь на возвышенности холмов, откуда селение предстало, как на ладони. Виднелась плантация лаванды и голубая чаша пруда в низине, через холмы вдаль уходили мачты ЛЭП клубились дымки от костров. Владимир первым обнаружил гриб.

– Как его называют? – озадачил я аборигена, но он проявил смекалку и ответил. – Это ни лисички, маслята или опята, но коль в степи растет, значит, степной гриб. Суть не в названии, а том, что он съедобный, вкусный, как в маринованном, так в жареном виде и в грибном супе.

Чуть позже мне удалось выяснить, что грибы называют одинокими, так как часто попадаются похожие на один лепесток, растущий их грибницы, хотя есть и классической формы. Мимо по накатанным колеям дороги проехал микроавтобус. Остановился в полукилометре на склоне холма.

–Горожане за грибами пожаловали, – сообщил Владимир. – Видно не слишком искушенные, поехали наобум Лазаря, авось повезет.

Сказал, словно нагадал. Из микроавтобуса высыпало с десятков человек. Мужчины, женщины, дети с корзинами и пакетами и разбрелись по склонам. Но, видимо, не повезло или не хватило терпения охотиться за редкими грибами. Спустя полчаса они погрузились в «Газель» и отправились дальше в поисках богатых грибных мест, недавно исхоженных местными аборигенами.

В том, что они, как и «мышата» неприметны, я убедился воочию. Поверхность степи, устланная сухим разнотравьем, обильно усыпана мелкими камешками, круглыми и плоскими, подобными гравию. И непросто приземистую плоскую шляпку гриба светлого, темно-коричневого или кремнистого цвета отличить от камешков. Несколько раз я тянулся рукою к шляпке гриба, а натыкался на плоский камешек. А в сухом травостое распугивал юрких ящериц. Благодаря опыту аборигена, знающему грибные места, нам удалось за три часа собрать около пяти килограммов степных грибов. Много преодолели километров, но прогулка с азартом охотников, без усталости и с пользой удалась.

Русский писатель Сергей Аксаков, автор сказки «Аленький цветочек» и других прекрасных произведений, отмечал: «Смиренная охота – брать грибы». И столь же тонкий ценитель природы Владимир Солоухин называл это занятие

«Третьей охотой», то есть после первой – охоты на дичь и второй – рыбной ловли, посвятив одноименный очерк, с описанием грибов, в основном растущих в среднерусской полосе. О крымских степных грибах, конечно, в очерке я не нашел сведений. Однако яркость впечатлений от тихой или третьей охоты сохранилась надолго.

Л И Р И К А

Моя любовь

Мой край, родимый у меня в груди,
Он словно книга или детства память,
И от любви мне этой не уйти,
Пусть годы разрушают даже камень.
Но не подвластна времени любовь.
Она уводит в детство тихой стежкой,
Где небо, словно полог голубой,
Который приоткрыл я осторожно.
В моей душе опять родной простор,
И я бегу по золотой пшенице,
А вдалеке, на гранях Крымских гор
Заря малиной спелую струится.
А с неба тихо падают дожди,
Как зеркала блестят на солнце лужи.
Нет, не прожить мне без такой любви,

Как воину в атаке без оружия!

Смородина

Черные гроздья ягод,
Словно на ветках бусы.
Губы в накрапах ярких,
Чутки к медовому вкусу.
Солнце палит нещадно,
С листьев стекая соком,
А на душе отраднo
Под синево́й высоко́й.
Ягоды рву в лукошко,
Солнце беру с собою.
Манит в кустарник стежка,
Тонко звеня росою.
И говорит мне лето:
«Мед мой попробуй сладкий».
Пью я с зеленых веток
Черные капли ягод.
Так вот, устав с дороги,
Вместо вина и хлеба,
Лакомясь свежим соком,
Вспомнишь родное небо.

Отчий дом

Старый дом мой ласкают ветры,
А на крыше танцуют ливни,
Только вижу я в окнах светлых
Облик матери с детства милый.
Не темно в моей комнатушке,
Мать ее наполняет светом.
И огня золотые стружки
Шелестят мне о чем-то спетом.
Да, я здесь начинал дорогу,
Распахнулось широкое поле.
От родного я шел порога
И звучали стихи по воле.
Старый дом мой под черепицей,
Что горит, как пламя рассвета,
Пусть заря над тобой струится
Самым чистым и добрым светом.
Все дороги приводят к дому,
Память лечит от грусти сердце.
Дом мой старый, до слез знакомый,
Дай мне в окна твои взглядеться.

Прощание с детством

Детство прошло, как поезд,
В синий туман окунулось.

Детство живая повесть,
И продолженье юность.
Снова степные стежки
К солнцу меня уводят,
А на цветах сережки
Светятся при восходе.
В ярких лучах гранятся
Брызгами теплых радуг.
Я не могу расстаться
С этой простой отрадой.
С этой моей любовью,
Ясною словно память.
Пляшет над старой кровлей
Листьев осенних пламя.
Детство прошло, умчалось,
Юность пришла в шинели,
Сердце мое крепчало
В белом огне метелей.
Встал, поклонился краю,
Где отзвенело детство,
И сохранила память
Нежные песни сердца.

Яблоня

Сердцу помнится юность

Тихий сад над рекой.
Снова песня вернулась
В край любимый, родной.
Словно белое пламя
Милой яблони цвет.
За листвою, за ветвями
Брезжит ранний рассвет.
Белокрылые птицы
В синем небе парят
И дома черепицей
На просторе горят.
А под вечер девчата
Песни нежно поют,
В алый бархат заката
Песни эти плывут.
Только сердцу дороже,
Только взору милей
Та девчонка, что может
Скоро станет моей.
Белой яблоней снится
Мне она вдалеке,
Зорькой ясной струится
На широкой реке.
Сердцу помнится юность
Тихий сад, заревой,
Жизнь моя окунулась

В этот сад молодой.

На лугу

В хороводе веселом ромашек
Мне так грустно, и так светло,
Здесь под неба синюю чашей
Детство милое протекло.
Здесь глядели в глаза невинно
Полевые цветы и опять
Мне хотелось странно и сильно
Средь цветов увидеть тебя.
Недоступную, озорную
В просветленном платье зари.
Я цветы осторожно целую,
Прикасаюсь к ним руки твои.

* * *

Ах все мы, мы все поэты,
Когда нам шестнадцать лет
И девочки наши одеты,
Как утро в лиловый цвет.
Их руки нежны и воздушны
И юные взоры светлы,
Их души, как крылья, послушны

Дыханию первой любви ...

Старые деревья

Деревья стали ниже во дворе,
А прежде великанами казались.
Глубокие морщины на коре
Напоминают, что приходит старость.
Вы, старые приятели мои,
Уж тридцать лет, как помню вас и знаю,
Вы жили скромно, ваши соловьи
Других своим искусством награждали.
Вот так, порой, бывает меж людьми,
Когда мгновенье до любви осталось,
Но не пропели чьи-то соловьи,
А жизнь такой прекрасною казалась...

* * *

Птицы возвращаются к гнездовьям,
В милые обжитые места —
Это называется любовью,
Верностью, что издавна чиста.
Пусть судьба рассудит по-другому,
Поведеет, дорогами кружа,
Вечно неизбывна тяга к дому,

Там, где лег на землю первый шаг.

Подснежник

Весна раскрыла настежь окна
В заголубевший горизонт.
Лучи ударили по стеклам,
Прервав зимы холодный сон.

И сразу стало всем приятно
Среди забот и суеты,
Увидеть вдруг в дыхании марта
Цветы, весенние цветы.

Природы хрупкое творение
Такой чистейшей белизны
Подснежник встал на удивление
Самой красавицы весны.

В себя вобрал он все земное:
И влажный снег, и звон ручья.
Казалось, лишь коснись рукою,
И лепестки вдруг зазвучат.

Вот потому так необычно,
Что шире расплескать тот звон,

Ушел вперед за далью зычной
Заголубевший горизонт.

* * *

Подснежники проклюнулись светло
В оврагах влажных, в закоулках сада.
Но не от них на сердце так тепло—
От твоего сияющего взгляда ...

Милая сторонка

Милая сторонка—
Южная земля,
Небо в блесках тонких,
В поле тополя.

Я к тебе вернулся,
Вновь пришел туда,
Где бродила юность
В травах и цветах.

Мне дарило лето
Сладкий виноград,
И лучилось светом
На вишневый сад.

Пел в широком поле,
В тихой стороне,
Стал мой край любовью
И опорой мне.

Здесь увидел милой,
Синие глаза.
В сердце отразилась
Нив и гор краса.

Милая сторонка —
Южная земля,
Льется песня звонко
О тебе, звеня.

Радуга

Радуга полнеба
Обручем обвила,
А на все, наверное,
Сил ей не хватило.

Не осталось силы,
Красок семи цвета,
Расцвела красиво,

Словно в травах лето.

Аркою повисла
Над селом, рекою.
Очутилась близко,
Лишь коснись рукою.

А за темной тучей,
Где гроза гремела,
Вдруг светло, певуче
Небо заалело.

По траве зеленой
Девушка бежала
И в глазах веселых
Солнышко сияло.

И смеялись губы
От любви и счастья,
И стекало солнце
Золотом на платье.

Радуга полнеба
Обручем обвила ...

Проводы

Над перроном разливаются гудки
На перроне разноцветные платки.
Марш «Прощание славянки». Меди блеск,
Льется музыкой над городом оркестр.
Ветер листья пожелтевшие кружит,
Уезжают парни в армию служить.
Уезжают от любимых далеко,
Лишь косынки вспыхнут розовым цветком.
Да слезу утрет украдкой тихо мать,
Станет сыну на прощание желать
«Зорче Родину, сынок мой, береги,
Чтоб не смели подступиться к ней враги».
«Присягнув, готов будь выполнить приказ», —
Прозвучал отца сурового наказ.
И от слов простых и ясных, словно хлеб,
Сын подрос в минуты эти и окреп
«Буду верен я присяге до конца», —
Обнял мать, прижал к груди своей отца.
«Жди меня,» – любимой тихо прошептал,
Но слова его слышал весь вокзал.
Встал, простился и остались за окном
Край родимый и поля, и отчий дом.
Ветер листья пожелтевшие кружит,
Уезжают парни в армию служить.

Наказ матери

Мне к тревогам не привыкать
Моя юность в шинели серой.
Проводила в дорогу мать,
Ты солдата порой осенней.
И в твоих я прочел глазах:
«Будь, сынок, ты честным и смелым.
Если небо расколет гроза,
Красным станет в бою снег белый,
Ты не бойся и знай, что мать
В твою доблесть, победу верит.
Должен ты в бою устоять
И поставить врага на колени».
В сердце эти слова вписав,
Я простился с ней у порога.
А у мамы с тех пор в глазах
Появилась печаль-тревога.

На привале

В часы короткого привала
В солдатском песенном кругу
Горела яростным накалом
Заря, примкнутая к штыку.

А над землей, еще чуть сонной,
Обвитой утреннею мглой,
Шумел лесок темно-зеленый,
Светился воздух голубой.
Ребята пели и шутили.
Один из них пустился в пляс.
Ему кричали: «Шибче, милый!»
И он плясал с восторгом глаз.
А на пилотки, на погоны,
Как ртуть туман бросал росу.
И ветер — мальчуган влюбленный,
По-молодецки пел в лесу.

Мост

Я звонкой душой прирос
К ребятам, что так сильны,
Наводят солдаты мост
На гребнях крутой волны.
Я знаю: лишь им по плечу
Работа такая,
А звенья, подобно лучу,
Днестровскую гладь взрывают.
Ребята — сто крепких рук,
В согласии мысли и мускулы.
А солнце по серебру

Лучом протекает тускло.
Реки голубой разлив
Для мужества не преграда.
Солдатам высшей наградой
Был мост, что сверкал вдали.

В городке военном

В городке военном рано утром,
лишь коснутся листьев тонкие лучи,
на земле, где травы в нежном перламутре,
песня удалая далеко звучит.

Строгие колонны, радостные лица.
А заря, как знамя, вдруг зажгла восток.
Засверкали росы и проснулись птицы,
Разбудила песня голубой лесок.
Льется песня вольно, в городах и селах
девушки с улыбкой на ребят глядят.
Верят, что и горы, и леса, и доли
под защитой крепкой молодых солдат.

Солдатский долг

Коль в родимом краю
протрубят мне тревогу,
Я надену шинель и уйду на войну,

потому что я верен
солдатскому долгу
и навеки люблю я родную страну.
Коль рассветы кровавы
от скорби и боли
И над полем сражения пламя и дым,
Отстою мою Русь, не жалея
ни жизни, ни крови,
чтоб в глазах ее быть
навсегда молодым.
Я перо не оставлю и слово
нацелю строго,
чтобы пулею стало оно для врага.
И пойду по горячим
и трудным дорогам,
ибо Родина – мать
до конца дорога.
Быть всегда начеку,
чтобы песня моя не умолкла,
когда горны разбудят
привычную тишь,
Я в атаку пойду и не только
по чести и долгу,
а как Родины милой сын
с сердцем горячим в груди.

Невеста

Небо, словно море,
Тучи – корабли.
Пламенеют зори
На краю земли.
Радостные вести
Ветер мне принес
Милая невеста
Ждет в тумане рос.
Ждет меня, а в небе
Заревая ветвь,
Точно сказка-небыль,
Словно хрупкий свет.
Разбежались тропки
В голубом огне,
Шепчет ветер робко
О девчонке мне:
«Видел, как волнуясь,
Ждет тебя она,
И девичья юность
Нежностью полна».
Радостные вести
Ветер мне принес,
Верную невесту
Полюбил до слез.

Мамины письма

Пиши мне, мама,
пиши мне часто,
ведь в добрых письмах
теплится счастье.

Пиши, как в травах
цветы сияют.

Я детство помню
и юность знаю.

Когда вставала
заря в тумане
и бирюзою
блистало небо,
простился с домом,
умчал с ветрами
в края, где прежде
ни разу не был.

В строю солдатском
прошел дороги,
в лесу суровом
у строгих сосен
читал я строки
из писем теплых.

Про жизнь в поселке,

родню и осень.
И нет дорожке
тех строк и писем,
для верной службы
в армейской жизни.
Пиши мне, мама,
пиши почаще.
Твоей любовью
безмерно счастлив.

В зимнем лесу

Весь лес заколдован и мы до поры
его сторожа и хозяева.
Стучат о сухие пни топоры,
машины в снегу увязают.
Но нашим ребятам зима нипочем,
ни ветер, ни снег, ни стужа.
Солдаты мы, значит к плечу плечо,
работу делаем дружно.
Под синим льдом струится Днестр.
Нам нужен мост и он будет!
Сквозь вьюгу военных машин оркестр
ломает снежные груды.
И лед трещит, как хрусталь сверкнув,
пронзенный лучами солнца насквозь.

И вот во всю реки ширину
в осколках льда протянулся мост.
А лес до самых верхушек промерз,
глядит на реку украдкой.
А нам, хоть строить мосты до звезд
и ставить в лесу палатки.

Угощение

Угостили щедро нас доярки
В час привала теплым молоком,
И казалось каждому солдату,
Что вернулся он в родимый дом.
Было в этой трапезе обычной
Что-то от суровых лет войны.
А доярки бережно привычно
Наполняли наши котелки.
Молоко струилось белым паром,
Котелки, прижав к губам,
Благодарно улыбались парни
Женским добрым ласковым глазам.
И вкуснее этого, наверное,
Молока никто из них не пил.
Может так солдата в сорок первом
После боя кто-то угостил.
Нас тревога позвала в дорогу,

И ученья будут нележки.
Знаем мы, что матери с порога
Шепчут нам: «Любимые сынки...»

Солдаты России

Нет крепче братства,
Нет сильнее силы.
Нет тверже вашей поступи в века.
Солдаты непреклонные России
Несут знамена алые в руках.
Пробитые осколками знамена,
Гвардейские пылают впереди.
Идут на марше четкие колонны,
Страна на них восторженно глядит.
Земля моя цветет под небом синим,
К воде склонилась белая сирень,
Но если снова вихри грозовые
Разрушат мир, то снова на заре
Шинель наденет гордая Россия.
Опять дороги трудные пройти
Солдаты в битвах яростных сумеют.
Любовь пылает факелом в груди.
И нет любви той ярче и сильнее!

Пусть неизвестны их имена
Подвиги – бессмертны!
Будут сиять во все времена
В памяти нашей светлой.

Верность

Наша юность не знала атак,
Не шагала по грозным дорогам,
Но проносит она, словно стяг,
Память тех, кто ушел по тревоге.
Кто, оставив родные края,
На рассвете простился с семьею.
Юность их закалялась в боях,
Шла на доты лавиной стальнойю.
Поднималась из красных снегов,
Вырастала из черного пепла.
И в жестоком дыхании ветров,
Как клинок остывающий крепла.
Эта юность для нас, как запев
Труб военных, как клятва Отчизне,
Потому я и выбрал себе
Эту тему военную жизни.
Пусть не нам довелось отстоять
Край любимый в атаке победной,
Но храним мы оружие и верность

По примеру бывалых солдат.

Обелиск

Величественный контур обелиска
Нацелен в небо, строг и прост.
И вот из камня под зарю чистой
Солдат поднялся в полный рост.
В шинели серой он перед атакой,
Перед своим решительным броском.
Рассвет над ним пылает алым стягом,
Солдат рванулся на врага, вперед!
Здесь тишина, как в первый День Победы,
Когда орудия смолкли на земле.
Когда салютов яркие созвездья
Цветами мира вспыхнули во мгле.
Да, не вместить всю благодарность в камень.
Ту, что народ в сердца свои вместил.
Стоит под солнцем обелиск, как память,
Призыв к живущим – сохраните мир!

Военный парад

Люблю торжественность минут
военного парада,
когда, чеканя шаг, идут

солдаты ряд за рядом.
И красной птицей впереди
гвардейские знамена,
оркестров медь поет, звенит
мелодией стозвонной.
Суровость лиц и четкий шаг,
и строгое равнение,
отважно шли в огонь атак,
на подвиг поколенья.
Парадов много, но храним
в сердцах светло и верно
тот, что никем несокрушим
в далеком сорок первом.
Война гремела над страной,
солдаты шли с парада в бой...

Матерям

О, чуткие, вы ждете сыновей,
тех, что остались на войне.
Не верите, что там, в тени ветвей
они лежат в тревожной тишине.
И снова вы не спите по ночам,
глядите в ожидании на двери,
вдруг сыновья войдут,
но шумят за окнами холодные метели.

В который раз взломает лед весна,
капелью и потоками звеня.

Для вас еще не кончилась война,
у вас еще на фронте сыновья.

Как стражи обелиски на земле,
стоят и звезды алые горят.

И сколько лет, и сколько скорбных дней
земля живет без ваших сыновей
и медленно горит в крови закат...

Мужество

Мужество рождается в бою
В черной и свирепой круговерти.
Мужество рождается в бою,
Там, где начинается бессмертье.
Ради жизни мчались сквозь огонь,
На снегу горячем умирали.
Ради жизни в битве грозовой
Милые просторы отстояли.
Плавился, горел в огне металл,
Но пылала жизнь в крови солдата.
Брал за валом неприступный вал,
И шинелью – птицею крылатой
Пядь земли родимой обнимал.
Поднимались, падали, опять

Шли в свои последние атаки.
И Россия – ласковая мать
Гордые сердца несла, как стяги.
О бойцах отважных я пою
В день весны, торжественный и светлый.
Многих, многих нет уже в строю,
Только слава Родины бессмертна!

Вечный огонь

Вечного огня живое пламя
Рвется, словно сердце из груди.
И ведет, как полковое знамя,
Отблески бросая на гранит.
Здесь сошлись горячие дороги
Фронтовых суровых, грозных лет,
В радостях, печалях и тревогах,
Каждый день войны запечатлев.
Всякий раз, когда на небе синем,
Догорит последний пламень дня,
Сыновья отважные Отчизны
Сходятся у Вечного огня.
Смотрят на огонь и вспоминают
Жаркие сраженья, трудный путь.
Ночь над ними тихо зажигает
Красную победную звезду.

Утром к ним приходят пионеры,
Замирают юные ряды.
В росах чистых на граните сером
Полыхают алые цветы.

Победители

Снова май, и главный парад
Засиял в ореоле наград
Под знаменами ратной славы
Патриоты великой державы.
Поредели ряды, но стать,
Ни врагам, ни годам не отнять.
Судеб мира, добра вершители —
Победители, победители.
Вы сильнее огня и стали
Блицкриг коварный сорвали.
Прометеи XX века —
Дух, величие человека.
От чумы защитили Отчизну
Не для славы, а ради жизни.
Под Москвою и Сталинградом
Насмерть встали живой преградой.
Отстояли свои рубежи,
Мощь противника сокрушив.
Смерчи Курской дуги и битвы

Никогда не будут забыты.
Днепр форсировав, взяли Киев
Наши витязи боевые.
Севастополь, Одесса, Керчь...
Завещали память беречь.
Пал Берлин. Сквозь дым и пламя
Над рейхстагом взметнулось Знамя.
Через сотни и тысячи лет
Ни пространства иных планет
Не погасят Победы свет.
Закаленное в битвах братство
Никому сломить не удастся.
Не уйдет в тишину забвенья
Ваше славное поколенье.
Память наша вовек священна!
Шаг чеканит юная смена.
Салютует земля родная
Всеми красками светлого мая.
Судеб мира, добра вершители –
Победители, победители.

В палатке

В палатке в углу на почетном месте
чугунная печь, золотые угли.
И горка поленьев, запах древесный

в желтой, сухой, как порох пыли.
А за палаткой мороз крепчает,
солдаты руки тянут к огню.
Пламя жаркое свет излучает,
как будто любовь подруги в бою.
Как хорошо после трудного дня,
Силы в пути израсходовав,
видеть яркую медь огня,
в палатку войдя, как на исходную.

* * *

От снегов — голубое сияние,
От луны — золотые тропы.
Звезд полуночных полыхание
Льется жемчугом на сугробы.
Тишина. Небо блещет синее
Все деревья в сказочном сне.
Засверкали хрустальным инеем,
Утопив свои ноги в снег.
В окнах светлых узоры тонкие
Из созвездий и белых роз.
Это росписью нежной, звонкою
Свой автограф оставил мороз.

Сирень

Вспоминаю зимой о сирени,
Что на сердце цветами легла.
Вспоминаю о песне весенней,
Что знакомой тропинкой вела.
Юность светлую мало ценим,
Мимо милых проходим легко,
Остается лишь запах сирени,
Как беспечности нашей укор.
Откупиться от грусти не в силах,
Из далеких приходит лет
Облик девушки милый-милый,
Излучающий в душу свет.
Сколько лет я берег эту память.
Уже вырос, состарился сад,
Но встречаю нежно словами
Тех, кому я сердечно рад.
Вспоминаю зимой о сирени,
Что на сердце цветами легла...

Чародейка

Чародейка с глазами светлыми,
Чуть теплится в них сердца грусть.
Я тебе светло и приветливо
По-мальчишески улыбнусь.

Может, прежнее и не сбудется,
Только верю в судьбу свою.
На деревьях листва закружится,
Станет белым – бело в саду.
И опять, весной озаренная,
На моем ты встанешь пути,
Молодая, красивая, юная.
Не смогу от тебя уйти.
Чародейка, ты милой стала мне.
В сердце звон серебряных струн
Жжет мне губы зарею алою
Взгляд твой нежный и поцелуй ...

* * *

Судьба людей таинственна и странна.
И больно мне ту истину понять,
Что я родился, может, слишком рано,
А ты сумела к встрече опоздать.

* * *

Прекрасна, как звезда неугасима,
Мой светлый ангел, будь судьбой хранима.
Нет ничего милее и дороже,
Для сердца, что забыть тебя не может.

Оно томится в ожиданье встречи,
Когда наступит наш заветный вечер.
В нем музыкой и песней станешь ты.
К твоим ногам бросаю я цветы.
«Будь счастлива», – я повторяю свято.
Ты мне дороже серебра и злата.
Источник нежной радости и света.
Моя весна, моей любви планета!

У серебряной реки

Ночь светла. Снега белы,
Широки, как море.
У серебряной реки
Закружились зори.
Тихо пенятся вдали
Золотом лучистым
Над простором голубым
И над полем чистым.
А холодные лучи
Ярко заблестели,
Словно тонкие струи
На зеленых елях.
Нежным жемчугом луна
Осыпает кроны.
Дремлет стройная сосна

В бахrome зеленой.
Ночь светла. Снега белы ...

* * *

Новогодняя елка
В белом сказочном сне,
Засверкали иголки
И снежинки в огне.
И блестят золотые,
Среди веток скользя.
С Новым годом, родные!
С новым счастьем, друзья!

* * *

Зима замечает следы,
А мне моих лет не забыть.
И стелется сизый дым
Над скатом старой избы.
Тропинка бежит за крыльцо,
Хрустально звенят кусты,
А небо мне светит в лицо
Лучами холодной звезды.
Но только из памяти лет
Не вычеркнуть ласковый взгляд.

Как красные угли в печи,
Стихи на бумаге блестят.
Мне детство назад не вернуть,
О нем вспоминать лишь и петь.
Любить и грустить, и жалеть
О той, что оставила след.
Ведь песней в родимом краю
Она мне в те годы была.
О ней и теперь я пою,
Забыв про другие дела.
Метель заметает следы,
А мне моих лет не забыть...

Яблоко в вазе

Яблоко желтое, краснобокое.
Светится насквозь медовым соком.
И отражается в блеске янтарное,
В вазе хрустальной с ножкой высокою.
Солнечной музыкой все налитое,
Словно хранит еще теплое лето.
Блещет, как пламя, в красе золотое
Самого нежного хрупкого цвета.
Яблоко-солнце. Багряный листок
Тонко прозрачен в своих переливах.
Зимних лучей голубой поток

Пенится в вазе светло и игриво.

Аленушка

В серебре струится реченька,
Всходит к небу тишина,
И грустит краса Аленушка,
Думой тайною полна.
На нее из царства дивного
Смотрит яркая звезда.
И тревожит зелень-тиною,
В глубине своей вода.
Отчего твоя головушка,
Так склонилась над водой?
Улыбнись, краса Аленушка,
В полдень лета золотой.

Счастья и добра!

Наполняю звонкие чаши
Золотым, как солнце вином.
А метель чародейкой пляшет
За узорным моим окном.
На часах торжественно стрелка
Завершает последний круг.
И луна над домами белкой

Быстро прыгает в пену вьюг.
И звенит над сказочным миром,
Что извечно чуден и прост.
Тонкозвучных мелодий лира
В изумрудной пустыне звезд.
Поднимаю звонкие чаши.
Полночь – самый заветный час.
Пью за светлое счастье наше
И за нежность любимых глаз.
Пью за свет грядущих творений
И за добрую новь труда.
Утверждая связь поколений,
Над землею сияет звезда!

* * *

Вновь зима завьюжила,
Раскинула крежева.
Белые, пушистые,
Солнечно искристые.
На зеленых соснах
Засверкали звезды.
И подружки ели
Дивно заблестели.
Тропки запорошены
Серебристым крошевом

Из снежинок тонких
На просторе звонком...

Ночной город

Висят мосты над Бугом
И в ночь скользят огни.
И вновь, как с верным другом,
Мы с городом одни.
Внизу вода струится
В игре хрустальных звезд.
Мне светлый город снится
В тумане синих грез.
Живут дома в кварталах,
В домах живет народ.
И окна в блесках алых
Играют в хоровод.
Есть чудное величье
В полночной тишине.
И город мой привычно
Спешит навстречу мне.
Висят мосты над Бугом
В ночи плывут огни.
И вновь, как с добрым другом,
Мы с городом одни.

Рассвет

Просыпаюсь утром,
бьет издалека
ярким перламутром
мне в глаза река.
Парус в небе синем,
словно первый снег,
милая Россия
в половодье рек.
На берегах зеленых
россыпи домов,
у лиманов сонных
цепь степных холмов.
Мне с вершины тихой
видно далеко,
льется в ярких бликах
Волга широко.
И в лучах горячих,
где изгиб реки,
до зари рыбачат
мирно рыбаки.

Родимые дали

И снова родимые дали,

Сверкают в росе зеленыя.
И нет в моем сердце печали,
И нет тишины для меня.
Не надо ни сна, ни покоя,
Свободы лишь радостный бег.
Зови меня чистое поле,
С тобой я сроднился навек.
С годами милей и дороже
Мне этот весенний пейзаж.
От грусти он вылечить может
И нежности сердцу придаст.
В селе, как на звонком параде,
В шеренгах застыли дома.
Сады в хрупко-белом наряде
И яблонь кудрявых размах.
А песни какие на взлете
У добрых моих сельчан.
Их руки в упорной работе
С мелодией жизни звучат.
Глядите: девчата-невесты
Не прячут улыбки в платки.
И новые сельские вести,
Как зори, мне очень близки.
Не знаю ни сна, ни печали
В дыханье апрельского дня,
Ведь снова родимые дали

Влекут неотступно меня!

Синеокая весна

Размыты очертания и тени,
Дрожит, мерцая в утреннем саду,
Душистый куст нечаянной сирени
В отчаянно сиреновом цвету.
Воспетая и Пушкиным, и Грином,
Земля моя опять обновлена.
И по ее проселкам и равнинам
Шагает синеокая весна.
В садах ей подпевают звонко ветры,
Кружа роняют белоснежный цвет.
На юге возвышается Ай-Петри,
Встречая первым розовый рассвет.
В глазах весны уже сияет море,
Ласкают волны золотой песок.
И ожерельем блещет на просторе
Цветущий Крым, родимый уголок.
Воспетая и Пушкиным, и Грином,
Земля моя опять обновлена.
И по ее проселкам и равнинам
Шагает синеокая весна.

* * *

О, весна — чародейка!
Вся в наряде своем.
Вьется речка, как змейка,
И бежит в водоем.

И ромашки склоняют
Над водой лепестки,
И росинки сверкают—
драгоценны, легки.

О, весна – чародейка!
Вся в наряде своем.
Вьется речка, как змейка,
И бежит в водоем.

Дождь

Дождь идет, шумит, поет—
Радостен и звонок.
Солнце яркое плывет,
Словно жеребенок.

Струи с неба все бойчей
Льют и льют прохладу
И журчит, звенит ручей
Средь тропинок сада.

Даль прозрачна и легка,
День игрив и весел.
А на иглах сосняка
Бисер рос развесил.

Дождь идет, шумит, поет—
Радостен и звонок.
Солнце яркое плывет,
Словно жеребенок.

Школьным друзьям

Опять за праздничным столом
Мы собрались в час вечерний.
Сердца согреты не вином,
А дружбой неизменно верной.
Нас с детских лет несла она
На белых, крепких крыльях,
Хоть и шалили, но всегда
Своих учителей любили.
И знали твердо, что потом,
Когда настанет час прощанья,
Мы через годы вновь придем
С родною школой на свиданье.
И сердце не одно пронзит

Щемящей грустью, но прекрасно
С беспечной легкостью скользить
В душевном вальсе мимо классов.
В знакомых лицах видеть свет
И вновь почувствовать, как прежде,
Моложе все на много лет
В кругу друзей, в веселье нежном.

Родные березы

Озарили вдруг сердце березы—
Озорные подружки весны.
Охмелел я негаданно, просто
От сияющей их белизны.
Выбегают, раскинув руки
На пригорки они гурьбой,
Словно девушки в час прогулки
Неприметной лесной тропой.
Так пригожи: родные сестры
В сарафанах своих лесных,
И сережек зеленые звезды,
Как подвески, блещут на них.
Им к лицу любые наряды,
Пригласят всегда в хоровод.
И понятно теперь мне, что рядом
С ними сердце нежнее поет.

* * *

Опять весна, опять цветы,
Водой запахло талой.
И словно полог с высоты
Синь на поля упала.
И теплым радуясь лучам,
Подснежники проснулись.
Узнал я по глазам девчат:
Грядет весна и юность.

В лесу Подмосковья

Этот лес весь пронизан светом,
И в озерах весь отражен.
Здесь становится каждый поэтом,
Красотою берез восхищен.
Надо мною листья, как звезды.
Кроны, словно родимый дом,
С веток падают тихо росы
И приятен их тонкий звон.
Вновь незримые тянутся нити
К мыслям, чтобы зажечь слова.
Я стою в ожидании открытий.
И шумит, и поет листва.

Заливаются рядом птицы,
Я и сам им готов подпеть,
Чтобы лес в стихах отразился,
Как в зеркально чистой воде.

Терема

Под узорной резьбой наличники
Не дома, а совсем терема.
Мастера их срубили отличные,
Будто Русь им велела сама.
Окна светлые смотрят празднично
На березовый тихий дол.
На крылечко выйдет красавица,
Пригласит и накроет стол.
Запоет, засветится горница,
На коньке пропоет петух
И медовым теплом наполнится
Терем добрый, как летний луг.
Встанут стены прямые, гордые,
Так похожие на мастеров,
Что оставили здесь автографы
Тонкой вязью своих резцов.

* * *

Зацвела под окошком сирень,
Распустила душистые гроздья,
И скользнула лиловая тень
По дымящимся звездам.
И припомнилось сердцу в тот час,
Что давно не могло позабыться,
Сквозь цветенье сияние глаз
Снова в душу сумело пробиться.

Станция

Мимо станции не проеду,
Так знаком мне ее перрон.
Отыщу по любимым приметам
Средь берез твой высокий дом.
Знаю, сердце само подскажет
И тропинкою приведет
В лес, которого нет краше,
Там, где память о нас живет.
Величавые помнят сосны
Легкий шорох твоих шагов.
Рассыпают березы звезды
На певучую вязь стихов.
Через лес плывут электрички,
Через сердце – светлая грусть.
У березок в платьицах чистых

Я словам золотым учусь.
Показалась совсем неброской
Мне их девичья красота,
Потому, что рядом с березкой
Я увидел тебя тогда...

Наталия

Опять в душе Наталия —
Мой неизменный свет.
Опять хочу цветами я
Ее осыпать след.
Там, где тропинкой росною
Ее шаги легли,
Под голубыми звездами
Фиалки расцвели.
Где нежно прикасалась
Рукой к стволам берез,
Тепло ее осталось,
Мне в сердце пролилось
Я в этот лес задумчивый
Еще вернусь не раз,
Где в золотых излучинах
Сиянье милых глаз.
Там избы, все красивые
Под расписной резьбой.

Там песни соловьиные
Про первую любовь.
Там улыбалось счастье нам
На рубеже разлук,
Пылали в нежной страсти мы,
Не разнимая рук.
Опять в душе Наталия —
Мой негасимый свет
Осыпались цветами
Тропинки наших лет.

* * *

Наверное, ты гордишься, что поэт.

Николай Рубцов

Музе вдохновения

Я вдребезги готов разбить всю славу
Лишь за один сияющий твой взгляд.
В стихах своих, простых и величавых,
Воспеть тебя я бесконечно рад.
Не спрашивай, зачем в душе проснулись
Веселые и звонкие слова?
Ты знать должна, что золотая юность
По-своему прекрасна и права!
Она права сияньем синей ночи,

Она права словами: Ты и Я,
Когда все небо окунулось в очи
И музыку приветствует земля.
Я твой приход благодарю и славлю
Под южным небом с яркою звездой.
Все потому, что до сих пор не знал я,
Что значит быть, плененным красотой.
Мне и теперь сияет неизменно
Твой юный взор в полуночной тиши,
Теплынь зрачков неповторимо нежных,
Что согревают глубину души.
Они запали в сердце, словно строки
Никем еще не сказанных стихов.
Они – моя и радость и тревога,
Над светлой тайной снов...

Вокзал

Отправление. И поезд ушел.
Опустел неуютный вокзал
И тебя я уже не нашел,
Не увидел родные глаза.
Только тихий вечерний перрон
Мог слышать, как сердце болит.
Я напрасно искал вагон —
Он со звуком растаял вдали.

В первый раз я пытался понять,
Где начало прекрасной любви.
В белом сумраке синего дня
Мне слова вспоминались твои.
Этот взор и сияние глаз
Расстоянье затмить не могло
И почувствовал я тотчас
Рук твоих красоту и тепло.
И поверил в тебя навсегда,
Как в причалы родимой земли.
Я завидовал тем поездам,
Что тебя далеко увезли.
Снова помнятся милой глаза,
Их забыть невозможно любя.
Я теперь прихожу на вокзал —
Может встречу случайно тебя...

Август

Плывет тропинкой луговое лето
Среди цветов, сплетенных в кружева.
Еще косою острой не отпета,
Зеленая колышется трава.
Недолго пить ей росы и туманы
На тонких стеблях поутру держать.
Тревожно загорелся мак багряный,

Ведь косы рядом серебром звенят.
Здесь— удаль молодая, и раздолье,
Прокос, как будто новая строка.
Ромашку, василек синеголовый
В венок вплетает девичья рука.
Такая участь у цветов прекрасных,
Им на земле дарован только миг,
Но их красе и запахам подвластны
Любовь и солнце, и поющий стих.
Зимою будет солнечное сено.
В тумане синем поплывут стога.
И я хочу, чтоб в стужу непременно
Дыханьем лета ожила строка.

В палисаднике

Все цветы уже грезят осенью,
На прощание о лете даря.
Лепестков разноцветные россыпи
Запылавшего ярко огня.
Этих красок природа изменчива,
Но пока еще весел их вид,
И горят они нежно до вечера.
Пока осень тоскою не пронзит.
Или в полдень однажды припомнятся
Им жемчужины теплых дождей

Чистой влагой бутоны наполнятся
Под сияньем любимых очей.
На мгновенье забуду об осени,
Снова август в окно постучит.
Нежный полог на небо наброшенный
Издалека рассыплет лучи.
В знак любви, восхищенья и радости
Я цветы для тебя соберу,
Вспомнив встречи, веселые шалости,
Я в надежде от грусти замру.
И цветы мне поведают тайны
Неразгаданных песен и дум.
Без тебя все же будет печальным
Алый цвет георгины в саду.
Станут астры предвестием близких,
Белых-белых несказанных встреч.
Но цветы наклоняются низко –
Непонятна их тайная речь...
Все цветы уже грезят осенью,
На прощанье о лете, даря
Лепестков разноцветные россыпи
Запылавшего нежно огня.

В долине

Стекает с гор сиреневый туман

В долину яблонь и долину света,
Где осень примеряет сарафан
Среди плодов, подаренных ей летом.
Там воздух ароматен и тягуч,
Как мед прозрачен в тонких сотах.
И словно кистью легкой солнца луч
Листву покрасил первой позолотой.
Еще ветрами буйными не смешан
Всех акварелей праздничный набор.
Пройдут дожди и под прохладой свежей
До неба вспыхнет золотой костер.

* * *

Ходит дождь по цветам голубой,
Лепестков осторожно касаясь.
Навевает на сердце любовь,
От нее только память осталась.
Отгорела. Какая печаль!
Тянут астры дождя соломинки
И гвоздика, как будто свеча
Пламенеет в плетеной корзинке.

Желтые сени

Снова осень пришла на порог

И раскинула желтые сени.
А кленовый листок, как звонок,
Даль наполнил трезвоном последним.
Утонул вдруг прозрачный насквозь,
Этот звон, отлетевший от веток.
И рассвет, полыхнувший, как гроздь,
Даль окрасил рябиновым цветом.
Но за этою красок игрой
Я увидел картину другую:
Рассыпалось дождей серебро
Бубенцами сверкающей сбруи.
Шли дожди, как кристалл голубой,
Там, на юге сияли горы.
Только бредил я ранней весной,
Тонкой яблоней в белом уборе.

Росы

На яблоне тонкой
Росинки-алмазы,
Она, как девчонка
Вся вспыхнула сразу.
Зарделась румянцем,
Раскинула ветви
И закружил ее в танце
Вдруг ветер.

А я гляжу на это чудо,
Что дальше с яблоней будет?
Посыпались сразу
Сто тысяч алмазов
На землю серебряной
Музыкой звонкой.
Взгрустнула яблоня,
Словно девчонка.
И в этой грусти
Своей последней
Она просила
Любви и прощенья.
Я понял: осень,
Сгорают листья
И росы чистые
Гаснут быстро.

* * *

В зеркало недвижимое реки
Загляделись звезды золотые.
До чего же милы и близки
Утренние дали заревые.

Приметы

Вот и осень. Догорают листья.
Отрешенно, грустно и светло.
И лучи, сверкая в сини чистой,
Отдают последнее тепло.
Паутинки заплетает ветер,
Крики птиц плывут издалека.
И блестит в серебряных монетах
За селом притихшая река.
Воздух звонок и прозрачны дали.
И насколько хватит глаз вокруг,
Всходит к небу символом печали
Золотое пламя на ветру.

Сентябрь

Сентябрь. Увита лозами ограда.
Пылает солнце, жаркое с утра
И тяжелеют гроздья винограда,
Янтарный сок и свет лучей вобрав.
Ложатся тени розовою вязью
Туда, где тихо шепчется трава.
И ветер нитью шелковою вяжет
На лозах, как на спицах кружева...

Тополь

Осыпаются, падают листья
И кружатся, безмолвно грустя.
Будто чьи-то тревожные мысли
Их печальный исход тяготят.
Светит выцветшей кроною тополь.
Одинок, очарован и тих.
И бегут мои строки, как тропы
Среди листьев – монет золотых.

* * *

Есть в осени что-то грустное,
Есть что-то неповторимое,
Как сказка народная, русская,
Как песня неуловимая.
Просторы поют в полголоса,
А небо слушает синее
И осень златые волосы
Перебирает в инее.
В затон поглядит красавицей
И вдруг обернется грустною.
А песня души касается
Простая, живая, русская...

Шиповник

Взмахнула осень огненным платочком,
Чтоб все на свете грустью излечить.
Шиповник отражает многоточьем
Своих плодов холодные лучи.
Они краснеют среди листвы узорной,
Как угольки в остывнувшей печи.
Над вязью веток, над шипами скоро
Аккорд осенних красок отзвучит.
Он красоты палитры не нарушит,
Зардевших гроздей на тугом ветру.
Слетятся птицы в снеговую стужу
С колючих веток ягоды склюют ...

Подсолнух

Наклонившись к плетню, в огороде,
Он в обилии света растет.
Переполнив желтые соты,
С головы его каплет мед.
На широкие льется листья,
А потом на густую траву,
Это осени тихой и близкой
Отдает он плату свою.
И она, принимая, смеется
В косы золото смело берет.
А подсолнух под ветром гнется

И роняет последний мед.

Страда

Полевая раскинулась ширь.
Солнце встало ковригой хлеба.
Звонкий жаворонок от души
Заливается в теплом небе.
А навстречу ему с земли
Гул комбайнов плывет натужный,
И машины, купаясь в пыли,
Под зерном оседают грузно.
Узнаю простых работяг
По усталым и добрым лицам.
На мозолистых их руках
Янтарем сияет пшеница.
Им поклоны бьют до земли
Налитые солнцем колосья.
И заря, догорая вдали
Алый полог, как стяг возносит.
Доброта – от рабочих рук ,
Щедрость сердца от трудного хлеба.
Льется музыкой на ветру
Песня жаворонка в небе ...

* * *

Не петухи селенье будят,
Еще задолго до зари,
В обычных робах снова люди
Выводят в поле «корабли».
Еще плывет над далью роздымь,
Колосья тяжелы от рос,
Но меркнут и луна, и звезды
При виде комбайнерских звезд.

Прощание

Уходит осень по тропе лесной,
Сжигая листья и качая ветви.
За ней спешу, за дивною красой.
А лес вокруг живой, но безответный.
В нем столько грусти, столько волшебства!
Вся осень в нем, кудесница вместилась.
Рябина пышет ягодой в кустах,
Как шелк блестит на солнце паутина.
Пружинит мягко хрупкая листва,
Сквозь золотые кроны блещет просинь.
Так холодна, пронзительно чиста,
Разводит снова акварели осень.
Пусть торжествует красок многоцветие,
Чтоб одарить нас и дотла сгореть

И будет ветер рано на рассвете
Листою, как монетами звенеть.
Прощаюсь с летом, с пламенем лесов,
С полями опустевшими, с рекою.
И солнце в ожерелье бубенцов
Спешит за мной тропой лесною.

* * *

Острее время чувствую с годами,
Тревога появляется в глазах.
Дым от костра, как голубое пламя,
Плывет к нерасторжимым небесам.

Гимн пахарю

Ждет земля от пахаря поклона,
Хлебом одарив его в труде,
На шершавых бережных ладонях
И о них мне песни снова петь.
Вновь ведут с рассвета до заката
Перекличку в поле трактора.
Рычаги, послушные ребятам,
Все остыть не могут до утра.
Будто там, у края горизонта,
Отточив горячие плуги,

Каждый день выпаживают солнце.
И оно встает из борозды.
Дремлют скирды в поле кораблями,
Пряный запах хлеба сохранив.
Им приснятся зимними ночами
Золотые косы спелых нив.
А пока гуляет в поле осень,
По проселкам тихо семеня,
И земля неутомимо просит
У веселых пахарей семян.

Время свадеб

Время свадеб, время песен,
Привкус яблок на губах.
И село кружится в цвете
Сшитых к празднику рубах.
Гармонист меха раздвинул,
Лихо русый чуб взметнул
И пошел, и пляс старинный
Прямо сердце захлестнул.
То напев, то переборы,
То частушек жар лихой.
Поднялась плясать Петровна,
Позабыв про возраст свой.
Молодые, озорные —

До чего же хороши!
Наполняются до края
И бокалы, и ковши.
Время свадеб, время песен.
Звезд хрустальных перезвон.
Для любви здесь мир не тесен.
Чашу счастья – в каждый дом!

Ожидание

В родимый дом дорога не заказана.
Я знаю: дверь в него отворена.
И мама ждет в платочке вязаном,
С надеждой светлой глядя из окна.
Ей только б знать, что беды и печали
Меня обходят в жизни стороной,
А у самой морщины глубже стали
И прядь волос покрылась сединой.
Накроет стол, заботливо накормит,
В постель уложит, сберегая сон.
Воспоминанья теплые о доме
Нахлынут вновь надеждам в унисон.
И мамин взор мгновенно посветлеет,
Как будто пять нас братьев и сестер,
Собрались за столом и вместе с нею
Ведем неторопливый разговор.
О, как немного ей для счастья надо,

Чтоб нас домашний согрел очаг.
О, как немного ей для счастья надо –
Увидеть внучек и своих внучат.
А мы, порою, в суете напрасной,
Домой не можем отыскать пути.
Но все же в сердце вечно и прекрасно
Земное притяжение любви!

По Шекспиру

Приходит день и отступает мгла.
Любовь приходит и душа светлеет,
Как будто два незримые крыла
Мгновенно поднимаются над нею.
А я брожу по памяти лесам,
Где миг сверкнет мне радостным виденьем.
Везде твои мне видятся глаза,
Где даже самых малых звезд свеченье.
Бросаю в мир торжественно и смело
Слова, что насквозь
золотятся светом:
Я – твой Ромео.
Ты – моя Джульетта!

Под блеском звезд

Пусть нежный слог не оборвут лета,
Моя звезда еще горит в зените.
И вязь стиха причудливо светла
Влечет меня под небеса открытий.
Где взор восходит до земных красот,
Где жест и взгляд – сияние восторга.
И верю я, она еще придет,
В глаза посмотрит трепетно и долго.
Увижу ясно ласковый овал
Ее лица знакомого до боли.
И мысли сами высекут слова
Из сердца, что пронизано любовью.
Ценней тех слов придумать не смогу.
Они родятся, чтоб потом исчезнуть
С прикосновеньем наших рук и губ
Под блеском звезд, застывших в синей бездне.

Триптих о любви

Время все растворяет, лишь память
Вечно бродит по светлым лесам.
Прорастает из сердца цветами,
Подступает слезами к глазам.
Ей спокойною быть не прикажешь,
Все хранит от молчанья до слов.
И встает неподкупною стражей,

Защищая земную любовь.

* * *

Есть такие слова: «расстояние»,
«ожидание», «разлука», и «боль».
И тревожат они, и ранят,
Но бессильна без них любовь.
Вновь препятствия жизнь нам строит,
О разлуках кричат поезда,
Все большое дается с бою,
На земле так было всегда.
Пересилим и бури, и годы,
И войдем под высокий кров.
Крылья крепнут у птиц в полете,
В испытаниях крепнет любовь!

* * *

Середина безмолвного лета.
Жаркий полдень, кленовая вязь.
Знаю: лучшая песня не спета,
Та, что милой по сердцу б пришлась.
Я слова подбираю по звуку,
На ладони их пробую вес
Прославляю невинные руки

И счастливые лица невест.
Лето полнится шорохом листьев,
Повторяет слова и шаги,
Я живу в ожидании чистой,
В ожидании светлой любви...

Песня

После дальних дорог,
После долгих разлук,
Хорошо очутиться
В кольце твоих рук.
Хорошо прикоснуться
Губами к рукам
И светло заглядеться
В глаза на века.
Я люблю тебя, слышишь,
Земную, как есть,
Ты моя еще в жизни
Не спетая песнь.
Только ты мне поверь
И скажи просто: «Да»,
Чтобы в небе над нами
Зажглась звезда.
Для любви мне не хватит
Сияющих звезд,

Эту песню тебе
Как цветы я принес.

Признание

По цветам тосковать лучам,
По твоим мне глазам тосковать,
Затаенно стихи шепча,
Повторяя любви слова.
Уходить на широкий луг,
На ромашке белой гадать.
И надеяться, может вдруг
Повстречаю тебя опять.
Разбегутся стежки в лучах,
Станут птицы неистово петь.
И родятся стихи в тот час
Для тебя, о тебе...

* * *

Я просто слов не находил,
Чтоб засияло краше слово.
И вновь растрачивал свой пыл,
Полет давая песне новой.

Но не напрасно в тихий час

На нежной алости заката
Я видел отраженье глаз
И взгляд твой, погруженный в бархат.

Так изумительно была
Ты в торжестве своем и свете,
Что я, забыв про все дела,
Тотчас тебя среди всех приметил.

И в стих ворвался звонкий слог,
Непостижимым к сердцу зовом.
И я твой взгляд, как только мог,
Воспел и музыкой, и словом.

Утро

Утро. Синие леса
Зорькой позолочены.
Ярко светится роса
У лесной обочины.

И ручей течет, звеня
В розовом сиянии.
Зеленеет листьев прядь
Над землею раннюю.

Солнце струями лучей
Льется в лес задумчивый.
Отозвался соловей
Песней самой лучшею.

А ручей бежит, поет,
Среди трав играя,
А над ним весь небосвод —
Чаша голубая

* * *

Весной приходят светлые слова.
Из сердца прорастают, как фиалки.
И вновь любовь всеильна и права.
Своим дыханьем согревает жарким.
Ей все подвластно: травы и цветы.
Подснежника, тюльпана откровенье.
Хрустальный свет звезды,
Что одарит строкой стихотворенья.
И милой взгляд – нежнее роз,
И долгожданный легкий стук калитки,
Когда сверкнет одна из звезд
Твоей чарующей улыбкой.

Две фиалки

Среди зимы все чаще о цветах
Приходят мысли и слова приводят.
Цветут фиалки в девичьих глазах,
В твоих глазах в любое время года.
А за окном морозно и светло,
Но без тебя всего на свете мало.
Мне никогда так не было тепло
От милых глаз – сияющих фиалок.
Снега зимы прекрасны и чисты,
Раскинулись как белой птицы крылья.
А я не знал, что скромные цветы
Такой великой обладают силой.

* * *

Убывают дни невозвратно,
Кольцами ложатся на судьбе,
Но во мне навек неугасима
Золотая память о тебе.
Песня соловьиного восторга,
Что хмельна, как красное вино.
На земле для каждого немного
Дней любви сияющих дано.

Любимой

Без тебя мне весна – не весна.
Без тебя не хватает мне сил.
Никого до тебя я не знал,
Никого ни о чем не просил.
Но пришла ты в весеннем цвету,
И растаял в душе моей лед.
И постиг я тогда красоту,
И любви я увидел полет.
Эта нежная линия губ
И зрачков колдовских малахит.
Не таи от меня ты испуг,
И улыбку свою не таи.
Взгляд надежды мне ласково кинь.
Я не стану перечить тебе.
Мягкий взмах твоей тонкой руки
Я не в силах забыть и воспеть.
Только знаю, сама ты, как песнь,
С первым светом приходишь в строку.
Тайных слов твоих добрую весть
Я навеки в душе сберегу.
Без тебя мне весна – не весна.
Без тебя не хватает мне сил.
Никогда я так ясно не знал,
Что тебя лишь одну я любил.

Радость встреч

Так устроена жизнь, что всегда
После встреч нам разлуки обещаны.
Мимо станций плывут поезда,
Провожают их грустные женщины.
На перронах подолгу стоят.
И взлетают косынки прощальные,
И горит ярко-красный закат
За лесами и весями дальними.
На перронах, причалах, везде
Боль и радость всегда неизменны.
Сердцу свойственно плакать и петь,
Слушать Грига и шелест сирени.
В колеснице стремительных дней
Не устану я верить и помнить:
Чем разлука на свете длинней,
Тем и радость от встречи огромней.

* * *

Не говори: люблю тебя
На свете всех дороже,
Ведь, даже трепетно любя,
Ты знать всего не можешь.

А мне не надо пылких слов,
Твои глаза мне скажут,
Когда на нас сойдет любовь,
Как яблонь цвет однажды.

Не отнимай горячих рук,
Лицо не прячь в ладонях.
Пусть слов твоих певучий звук
Во мне живет, не тонет.

Пусть тает мед и глубь зрачков
Теплом в душе струится.
Я подарю букет тех слов,
Что мне напели птицы.

Прошу: на свадебном балу
Явись ко мне невестой.
Я обниму твой стан и грудь
И станет мир нам песней.

Твои мне губы целовать,
Не ведая усталость..
Шептать волшебные слова
До самой зорьки алой....

Вечер

Этот вечер разлукой опять заболел,
Разбежались звезды в тревоге
Боль мне в сердце вошла,
Я стихи не допел,
Все слились на бумаге строки.
И плывет перед взором
безжалостный цвет,
Желтый цвет и тоски, и разлуки,
И ломается звезд голубеющий свет,
А осколки летят мне на руки.
Без тебя это небо, как фарфор в золе.
Ты придешь и омыты грозою,
Звезды станут блестеть и тогда на заре,
Все проснется под вешней красою.
Верю я, что разлуке наступит конец,
Что зовется так трепетно встречей.
И услышу тогда в ночной тишине
Голос твой, что от грусти излечит.
Эта сила любви под сияньем луны,
Не страшны ей любые разлуки,
Если вижу сквозь дали глаза я твои,
Если чувствую милые руки.

* * *

Упадет звезда за горизонт,
В спелой затеряется пшенице.
Только будет слышен тонкий звон,
Вспыхнувшей на стебле росяницы.
И тогда пойму я, что одну
Заронила в сердце вновь мечту ты,
Разменять всей ночи тишину
На стихи в прекрасные минуты.
Снова будут зори в полутьме,
Чистый голос серебром струится.
По тропинке ты придешь ко мне,
Чтобы в поле вместе заблудиться.
И обступит ночь со всех сторон
Нас с тобой в плену у звезд горячих,
И тогда напрасно в тихий сон
От меня ты нежный взор не спрячешь.
Звезды в небе жарко догорят,
Запах лета ветерок развеет.
Только я забыть твой пылкий взгляд
Никогда, наверно, не сумею...

Очарование

Как трепетно чудесны
и нежны слова твои,
Как голос твой прекрасен,

Как будто из хрустальной глубины
Течет ручей, что к роднику причастен.
Как светел взгляд твой
в глубине зрачков,
В любую стужу он меня согреет.
В нем чистота от полевых цветов.
Дожди и солнце те цветы лелеют.
Твои движенья плавны и легки,
Я не могу им отыскать сравненье.
С тобой приходит музыка в стихи
И ты одна мне свет и вдохновенье.
Скажи, откуда все это в тебе?
От глаз твоих мне никуда не деться.
И снова будет и грустить, и петь
Навеки очарованное сердце.

* * *

—Зачем придумали разлуку? —
шептали милые уста.
И, заломив в тревоге руки,
Она не знала, что сказать.
Вот так всегда в час расставанья
Вдруг не хватает нежных слов,
Лишь сердце трепетное ранит
Боль безысходная зрачков.

Ну, улыбнись, пусть будет легче
И этот час, и этот миг.
Пусть не дрожат в ознобе плечи,
Не гаснет свет в глазах твоих.
Весна придет, я твердо знаю,
И вспыхнет звездопад цветов
Над ожиданием, над нами
На тропках летних вечеров.
Где тонет золото заката
На склоне неба, как в воде,
И звезды смотрят виновато,
Боясь лучами тишь задеть.
Через просторы, звезд излучье,
Где неизбывны небеса,
Зачем придумали разлуку? —
Увидел я в твоих глазах.

* * *

Любимая уходит навсегда.
Слова бессильны и бессильны руки.
Любимая уходит навсегда
И сердце разрывается от муки.
Я говорю тебе: не уходи.
Останься в сердце светлой надеждой.
Я говорю тебе: не уходи,

Ведь мир исчезнет трепетный и нежный.

* * *

Увяли розы на моем столе,
Не воскресить их нежного сиянья.
Остались мне на перепутье лет
От прежних встреч одни воспоминанья.
Пришла пора, осыпался их цвет.
И никого уж больше не волнует.
В твоих глазах хочу увидеть свет,
Чтоб вновь услышать песню золотую.
И засиял бы целый мир сполна,
И розы поспешили улыбнуться,
О, если б ты, хотя б на миг могла
К ним светлым взглядом прикоснуться.

* * *

Расстались мы, как будто навсегда,
Я ничего не в силах переделать.
Все так цвело и вдруг моя звезда
Упала с неба вдруг и отгорела.
На сердце стало больно и темно,
И я молил, чтоб все осталось прежним,
Мечтая в час тот, только об одном,

Увидеть взгляд твой ласковый и нежный.
Чтоб нам пройти по голубой траве
Под сень берез сияющих и милых.
И сердцу моему тогда навек
Ты никогда б уже не позабылась.

* * *

Раскрылось сердце в музыке и песне,
Душа запела от волшебных слов,
Когда однажды вместе
Мы повстречали первую любовь.
Была она так трепетно ранима,
Была до изумления нежна.
Все проходила мимо, мимо, мимо ...
И вдруг фиалкой в сердце расцвела.
В твоих глазах и красота, и нежность.
Очарованье, магия ночей.
Открылось сердце
и расцвел подснежник
От самых первых солнечных лучей.

Благодарю

После ошибок, болей, и утрат
Какое счастье, что тебя я встретил.

Оно превыше славы и наград,
Какие, только есть на белом свете.

Я долго шел, чтоб этот миг настал,
Уже надежду всякую теряя,
Но ты пришла, и день наш воссиял
Цветущим садом солнечного мая.

Я за любовь тебя благодарю,
Чем отплатить мне за нее? Не знаю.
Я не живу, а просто повторяю:
Люблю тебя, одну тебя люблю.

* * *

Какое время? Знать я не могу,
Пылает куст сирени на снегу.
Иль может это белопенный сад
Хранит в цветах твою красу и взгляд.

Я через сад, как через луч пройду
И облик твой сияющий найду.
Пусть и тропинки, и наш дивный сад
Весенним пеньем птицы огласят.

Я и зимою в сердце сберегу

Лиловый куст сирени на снегу...

Зорянка

Мне всякий раз в твоих глазах,
Таких веселых и хороших,
Опять привидится краса,
Что всех красот земли дороже.

Опять изящный взмах руки
И взор, немного величавый.
Не называй стихи мои
Пустой и легкою забавой.

Я не напрасно о тебе
Среди забот и грусти дикой,
Вдруг так отчаянно запел,
Но все же был мой голос тихим.

И ты услышать не смогла,
Все, что сказать тебе хотел я.
Бумага предо мной была,
Как снег торжественной и белой.

А я вверял ей нежность слов,
И в каждом теплом слове

Я видел пред собою вновь
Тебя во всей красе веселой.

* * *

Я убежден: тоски на свете нет,
Когда весна приходит, как рассвет.
Я убежден: разлук на свете нет,
Когда в глазах твоих сияет свет.

Когда твой смех, как песня родника,
В моей руке лежит твоя рука.
И сердце с сердцем бьются в унисон,
Тобою я спасен и восхищен!

Любви и счастью нет тогда пределов,
Когда ликують и душа, и тело.
Взываю: о, судьба тебя храни!
Наступят наши золотые дни.

* * *

Жду я встречи, чудесного вечера,
С той единственной и доверчивой.
По-девичьи нежна и стыдлива,
Но таинственна и красивая.

Глаз ее восхитительных,
Свет магический, малахитовый.
Согревает, ласкает, чарует
Нежность, радость любви дарует.
И веселая, и ранимая,
Вдруг печальная, но любимая.
О, загадка извечная – женщина!
Нам судьбою навеки завещана.

* * *

О, женщины – созвездия мечты!
Фиалки, незабудки красоты.
О, женщины – источник вдохновений,
Какой великий сотворил вас гений.
Целуем нежно руки и следы,
Ведь женщины прекрасны, как цветы.
Без ропота, без стонов и сомнений
Пред женщиной встаем мы на колени.
Любя, ревнуя, мы не знаем меры.
Вас, женщины, боготворим, вам верим!

* * *

Вы, женщины, воистину нежны.

Божественны и бесподобны.
Прекрасные создания весны,
Пусть каждый час ваш
Станет часом звездным.
Пусть обойдут вас горе и ненастья.
Добра желаю и большого счастья!

Твое имя

Как много в имени твоём
и нежности, и света,
что не нашлось прекрасней слов
у грустного поэта.
Перелистал я весь словарь
с заветною надеждой
и в милом имени познал
сиянье лилий нежных.
Как много в имени твоём
серебряных созвучий,
и не нашлось волшебных слов,
что не бывает лучше.
Но вдруг услышал, как вдали
струна весны запела
и вместе с именем твоим
проснулся ландыш первый.
В звучанье хрупких бубенцов,

и в трепете веселом
прекрасной музыкой стихов
во мне звучишь ты снова.
Как много в имени твоём
той чистоты весенней,
что засияла под дождем
в лиловых снах сирени.
Вот потому и ясным днем,
и звездами ночными
всегда, повсюду и во всем
твое мне светит имя!

Гроза

В разряде сверкающих молний,
Рождаясь, гремела гроза
И света мгновенные волны,
Как скальпель врезались в глаза.
Предстала стихии картина
В своих очертаниях смелых:
Гроза надвигалась лавиной,
На травах вода кипела.
И крыши звенели, над ними
Сто струн потянулись к небу.
И ведрами ливни лили,
И пахло жнивьем и хлебом.

Земля ликовала, травы
Стояли кругом по пояс.
Гроза своим гимном правым
Врывалась в мой тихий голос.

* * *

Дожди многолико сверкали
И падали лихо в траву.
И с каждым паденьем их дивным
Мне виделся день наяву.
А грозы несли обновление
Деревьям, цветам и полям.
Весною большое течение
Нахлынуло в наши края.
Бежали потоки и пела
Дождей голубая струна.
И в пене свинцовой и белой
Была мне их сила видна.
Та сила, что свойственна людям
С высокой и чистой душой,
Что светлые мысли будит
И в сердце течет рекой.
Весны обновленье, как песня.
Я сам под дождями чист.
И песня любви чудесней

На гулком просторе звучит!

Утро в селе

Льется утренняя прохлада,
До жары еще целый час.
Дремлет Джек у калитки сада,
Чуть прищутив свой умный глаз.

Петухи зарю окликают
По подворьям наперебой.
Тает ночь, отрешенно тает,
Словно лед в воде голубой.

Выйду в поле, где травы росны,
Незатейливы где цветы.
Станет сердцу светло и просто
От извечной земной красоты.

Льется утренняя прохлада.
И живите в душе вовек —
Дом мой старый, калитка сада,
Луг с цветами и верный Джек.

Звездочет

Млечный путь рекою звезд течет,
На земле я – вечный звездочет.
И большое небо надо мной
Заблестало чашей голубой.
Словно скифа поднятый клинок,
Вспыхнул ярким заревом восток.
Я увидел: новая звезда
Засияла нежно на краю,
Где внизу притихли города.
А вверху стремительно «Союз»
уходил. И за витком виток —
Вдаль тянулась ниточка дорог.
Родины великой сыновья
Улетают в синие просторы
И глядит заботливо Земля,
На орбит сияющие зори.
Тишину родная будит речь.
Голос Родины я слышу ясно.
Будет слава на Земле звенеть
Музыкой моей страны прекрасной.
Млечный путь пока рекой течет,
На земле я вечный звездочет.

Крепкие крылья

В небо взлетают синее

Люди характером сильные.
Люди с сердцами отважными,
Соколы в битвах бесстрашные.
Да, будут легки и красивы
Крепкие крылья России,
Надежные крылья России—
Слава и грозная сила!
Молнией пусть сверкают
В споре с простором и звуком
Летчики, постигая
Звонких высот науку.
На голубых скрижалях
Подвигов нет превыше.
С небом навек остались
Чкалов, Гастелло, Покрышкин.
Асов фашистских били,
Мир подарив планете.
На краснозвездных крыльях
Нам принесли Победу.
Чтоб серебристые птицы
Опережали время,
Вновь за штурвалы садится
Соколов гордое племя.
Космос зовет пилотов,
Мужеством одержимых.
Верю: к крутым высотам

Снова взойдет Россия.
Да, будут легки и красивы
Крепкие крылья России.
Надежные крылья России —
Слава и грозная сила!

Российский флот

Россия. Отчизна. Держава.
Просторы морей бороздя,
Ты гордо на мачтах держала
И держишь Андреевский флаг!
Пусть крепнет,
Пусть славится
Гордый наш флот —
Великой России
Надежный оплот!
Сквозь пламя сражений и штормы,
Отвагу и доблесть храня,
О бригае «Меркурий» мы помним,
О крейсере смелом «Варяг».
Орел вознесен двуглавый,
Куранты звучат над Кремлем,
Не меркнет матросская слава
С петровских до наших времен.
Так будем же чести достойны

И памяти верных сынов—
Корнилов, Макаров, Истомин
И первый герой Ушаков!
На Балтике, Севере, Юге
И там, где шумит океан,
Несут свою вахту не юнги,
Гвардейцы и их капитан.
В походе матросы, как прежде
Ракеты у них начеку.
С любовью и светлой надеждой
Отчизну они берегут.
Зовет их морская стихия,
Лазурной волною блестя.
И реет над новой Россией
Андреевский гордый стяг.
Пусть крепнет,
Пусть славится
Гордый наш флот —
Великой России
Надежный оплот!

Петр Великий

Средь моря бурного эпох
Да не сокроет время личность.
Благословил всевышний Бог

Петра на подвиг и величие.
Во всем Романов преуспел,
Россию возрождая свято,
Как мастер корабельных дел
И как великий император.
В Европу и на Юг пробил
Своей рукой могучей окна,
Не пожалел ни живота, ни сил,
Чтоб слава русская не блекла.
А шведам грозным дал огня,
Их щедро угостив картечью.
И флаг Андреевский поднял
На рейде, в бухте старой Керчи.
Геройский путь свершив сполна,
В звезду России верил свято.
Разбилась ни одна волна
О крепость русского фрегата.
Великий Петр – отец полков!
Державный муж, создатель флота!
О, сколько б не прошло веков,
Он – гордость, доблесть, честь народа!

Гений поэзии

Его пленили берега Тавриды,
Простор морей ветрам открытый.

Очаровала крымская земля,
В стихах, поэмах серебром звеня.
Поэта принял нежно, как собрата,
Древний Корчев – город Митридата.
Лазурным блеском встретила волна,
Его душе приятная сполна.
Для нас он символ дорогой Отчизны,
Высокой славы, доблести и жизни!
Наш голос тверд и наш порыв неистов:
Храним родник поэзии сей чистый!
Уйдут враги бесславно и бесследно,
Лишь гений и поэзия бессмертны!
Он – гражданин Отечества и мира.
И нет прекрасней на земле кумира.
Он – кладезь знаний, зеркало столетий,
Нам, как маяк, через эпохи светит.
Пред ним опять свободная стихия
И матушка – великая Россия.
Вновь над проливом светится звезда.
Бессмертный Пушкин смотрит сквозь века.
Великий Пушкин с нами навсегда!

Город мужества

Будет в памяти нашей долго,
Как единой Отчизны набат,

Символ битвы великой на Волге
Город мужества – Сталинград!
Сталинградцы – сестры и братья!
Не померкнут подвиг и честь.
Почитает светло их и свято
Легендарная славная Керчь.
Побратимы – друзья дорогие!
Для сердец нет границ и преград.
Пусть знамена плывут боевые
Над тобой, родной Сталинград.
Пусть сверкают звезды салюта.
Мы – едины, сильны в строю.
Никогда и нигде не забудем
Тех героев, что пали в бою.
Мир бесценный зорко и твердо
Будет Родина-мать беречь.
Отдает Сталинграду гордо
Свои почести стойкая Керчь.
Сохраним же в памяти долго
И сражения, и парад.
Пусть сияет в веках над Волгой
Город мужества – Сталинград!

Симферополь

Белый, солнечный город,

На просторе ветрил.
Симферополь наш молод
И по-доброму мил.
А в груди его звонкой
Серебрится Салгир.
Он в узорной оправе
Нам поведаёт вновь
И о нынешней славе,
И о славе былой.
Что взошла над веками
В ратном, мирном труде,
Значит, будет с годами
Город наш молодеть.
Два столетья промчались,
Грозы, весны вместив,
Но встаёшь величаво
В новых стройках красив.
Блещут крымские зори,
Как широк их разлив.
В этом синем просторе
Слышен нежный мотив.
Полыхает, как знамя,
Утро нового дня,
Украшают делами
Люди снова тебя.
Как корабль чудесный,

Ты плывешь через степь.
Значит новые песни
Будут в сердце звенеть.
Белый, солнечный город
На просторе ветрил.
Симферополь наш молод
И по-доброму мил
И поет о нем нежно
Серебристый Салгир.

Строитель

Он под ветром и под дождем
С мастерком в руках неизменно,
Строит весело белый дом,
Как поэты творят поэмы.
И с сияющей высоты
Смотрят башенных кранов стрелы.
В очертаньях своих простых
Возвышаются строго стены.
А строитель, он, как всегда,
Зорким взглядом свой труд оценит,
Чтоб слилась труда красота
С сердца радостным вдохновеньем.
И под славным его трудом
Зазвучит торжественно камень.

Станет музыкой белый дом
На земле под семью ветрами.

Королева мастерка

В запыленных куртках, в комбинезонах,
С озорными искрами в глазах,
Я встречал их, девушек влюбленных
В белый город на семи ветрах.
Пусть тогда он был еще в тумане,
Как корабль, идущий к берегам.
Но покорно стены вырастали,
Молодым покорные рукам.
Я ее увидел не случайно
В голубом мерцании опор.
Как зовут? Наташа или Таня?
Не могу припомнить до сих пор.
Под косыночкой золотые пряди.
До такой, попробуй, дотянись.
Тонет небо у нее во взгляде,
Солнца струны на руках сплелись.
Я люблю настойчивых и смелых,
Тех, что сами утверждают жизнь.
И возводят зданий строгих стены,
С высоты оглядывая высь.
Весь простор открыт им, а не дверца,

И строенья новые ясны.
Мастерок в руке – подобье сердца,
А в глазах сияние весны.
Потому завидую украдкой
Королевам милым мастера.
Мне стихи творить бы так, чтоб кладка
Слов была надежна и крепка.

Крановщица

Над заводом, металлом грохочущим,
Там, где рядышком солнце плывет,
Крановщица – девчонка рабочая,
Кран огромный по рельсам ведет.
Он послушен движению верному
Ее чутких в царапинах рук.
И она, улыбаясь, наверное,
Слышит в грохоте музыки звук.
Ловит гимны рабочей симфонии,
Одержимая сутью труда.
А с земли командами бодрыми
«Майна», «Вира» звучат всегда.
Ей к лицу спецовка обычная,
Поясок, обнимающий стан.
Крановщица – девчонка отличная,
Коль товарищ ей кран-великан.

Я за этих девчонок смелых,
Не за «маменькиных сынков»,
Щеголяющих в джинсах белых,
Полюбивших бокалов звон.
Вот идет она дочка класса,
Утвердившего правды свет,
На ладонях ее прекрасных
Мозолей огрубевших след.
Ты не прячь свои руки красивые
И улыбку в лице не таи,
Обращаюсь к нежной и сильной
Я с признанием в первой любви.

В юности

Опять, как много лет назад,
Весна очей коснулась.
Кольшет белой веткой сад,
Напомнив сердцу юность.
И вновь поют в лучах ручьи,
Встречая землю новую.
И сердце трепетно стучит,
Согретое любовью.
Я к ней единственной приду,
Любя и веря свято.
Зеленую зажгу звезду

На белоснежном платье.
Пусть для нее горит в ночи
Звезда любви и детства.
Ее хрустальные лучи
Пусть согревают сердце.
Опять, как много лет назад,
Весна очей коснулась.
Колышет белой веткой сад,
Мою волнуя юность...

* * *

Явись же детство! Я опять
Хочу мальчишкой босоногим
По травам утренним бежать
Все напрямик, все без дороги.
И за околицей села,
Где тишина неповторима,
Увидеть ту, что мне была
Тогда, как свет необходима.
Чтоб нам кричала детвора:
«Жених идет, мол, и невеста!»
И распевали во дворах
Звонкоголосо бабы песни.
Былое не вернуть назад.
Но мне сейчас хотелось б снова,

Увидеть милой нежный взгляд,
Услышать ласковое слово.
Чтоб засыпая, повторял
Я в полутьме родное имя.
Мне в отдалении от тебя
Все это так необходимо.

Сыну Юрию

Расти, сынок мой, светлое чело
Твое, пусть добрый разум осеняет.
Мир познавай пытливо и светло.
В нем много тайн и новых знаний.
Живи на свете, не боясь преград,
Ведь жизнь, тогда подобна озаренью,
Когда превыше славы и наград
Труд и любовь под солнцем вдохновенья.
Расти, сынок мой, набирайся сил.
В делах полезных скромно и светло.
Умом будь ясен и душой красив.
Твори добро и не приемли зло.
Не ведай бед, печали и ненастий,
Высокой целью одержим, будь счастлив!

Бахчисарай

Город тих. На склонах остывают
Вековые камни на заре.
Звезды то рождаются, то тают,
Излучая серебристый свет.
Опустился ночи синий полог
На дома, проулки, Чурук-Су.
Каждый звук таинственен и тонок,
Как струна, запевшая в лесу.
Золотыми гроздьями струится
Блеск огней у ханского дворца,
Но ему в полночи не спится.
Там легенды льются без конца.
И фонтан любви и слез струится,
Красотой чарующий сердца.
Плачут, стонут полонянок души,
И Марии тень бредет в ночи.
Их увидел и услышал Пушкин.
И с тех пор поэзия звучит.
И текут из чаши в чашу слезы
На холодный мрамор столько лет,
И лежат две ароматных розы,
Не теряя первозданный цвет...
А когда роса на камни рано
Упадет, от холода дрожа,
Изумрудно, сине и багряно
Заиграет солнце в витражах.

Цемент и роза

В долине воздух розами пропах,
В долине воздух от росы прозрачен.
И лепестки у сборщицы в руках
Сияют словно звезды, не иначе.
В них воплощенье света и добра,
Трудов и сил, что назовут дарами.
В лиловой дымке с раннего утра
Цветут долины дивными коврами.
А рядом индустрии четкий ритм,
В печах бушует пламень яркий.
За труд горячий мастерам дарит
Завод цемент высокой марки.
Когда бы герб я города писал,
То отразил бы непременно
Цемент и розу – символ двух начал.
Знак прочности и красоты нетленной.

Чуфут – кале

Крутой тропой стремлюсь в Чуфут-кале,
В жилище древних – гулкие пещеры,
Где чуть заметны фрески на стене
С времен, быть может, самого Гомера.

Убогий скарб, орудия труда —
Плоды исканий, атрибуты быта.
Сурова жизнь и как гранит тверда,
Следами войн, столетьями сокрыта.
Здесь тишина, лишь ветра робкий стон
И ящериц желто-зеленых шорох.
Нерасторжима связь времен,
Где в изваяньях стражи — горы.
Крутой тропой стремлюсь в Чуфут-кале.
Мысль обретает плоть и форму слова.
Тропа людей из прошлого в наш век,
Куда намного круче и суровой.

* * *

Приятное свидание,
Левадки и Сирень—
Красивые названия,
Певучи, как свирель.
Средь перелесков лентою
Течет издалека
Альма—речушка светлая,
Прозрачна и легка.
Вдоль берегов задумчива
Садов и сел краса.
Поет о них в излучинах

Зеленая лоза.

Зимние цветы

Морозом первым тронуло окно,
На стеклах пальм тропических цветенье.
Минули дни и кажется давно
Не слышит сердце шелеста сирени.

Не слышит голос нежный и родной.
Стоят угрюмо в комнате предметы.
Мне не хватает лишь тебя одной,
Одной тебя на этом белом свете.

А хризантемы в вазе на столе,
Сродни снегам, сияющим, недолгим,
Вдруг милый облик воскресят во мгле,
И снова скроют в сумраке тревоги.

Мне жаль цветов, что так завяли рано.
Мне жаль любви, которая ушла,
Но сердце не смиряется с обманом,
Когда душа надеждою светла.

Русский язык

Родная речь! Родной язык —
Хранитель жизни поколений.
Он, как броня и острый штык
В дни испытаний и сражений.

Великодушен, благороден
К тому, кто честен и открыт,
Но пред угрозой народу
Набатом бронзовым звенит.

Коль льется музыкой певучей,
То замолкают соловьи.
И мир не знает песни лучше
Во славу жизни и любви.

В твореньях Пушкина, Толстого
Крылат, прекрасен и велик.
Из самородка золотого
Могучий русский наш язык.

В нем вечны Шолохов, Есенин.
Душа художника-творца.
Глубок, поистине безмерен,
Соединяет он сердца.

Родной язык! Родную речь

Судьбой завещано беречь.
Не дрогнем, твердо отстоим.
На том стояли и стоим!

Э Т Ю Д Ы

В СЕРДЦЕ ЛАНДЫШИ

Зима на юге чаще всего бесснежная, с нередкими оттепелями, поэтому первый снег – праздник, откровение природы. Его ждут все: и взрослые, и особенно, дети. Кажется, сама земля, тронутая утренними заморозками, прозрачной наледью, заждалась снега. Лежит за околицей села, пустынная и холодная. В палисаднике зябко вздрагивают тонкие ветки деревьев под блестящим панцирем инея.

Заснула яблонька за окном. Что снится ей? Конечно же, звонкий хрустальный апрель в белом, розоватом и желтом кипении соцветий. Долгий, но чуткий к животворящим лучам солнца сон у деревьев. За ночь серая, бесприютная земля преобразилась. Вышел я ранним утром на крыльцо и ахнул. Все вокруг пушистым снегом запорошило, ослепительно белым и невесомым. Яблоня – невеста опушена сверкающими снежинками, словно действительно апрель наступил.

Стоит она торжественная и гордая в искрах-блестках. Пошевелиться боится, чтобы не обронить хрупкое кружево. Все в белом: и крыша дома, и калитка, и скамья, на которой еще

недавно желтели разлапистые листья клена – дань золотого листопада. Следы осени, надписи – метки о нежных свиданиях замела зимушка-зима.

Жаль потревожить белизну снега, его первозданность. Но я прокладываю до калитки первую цепочку следов. Юркие воробьи серыми комочками жмутся к теплым оттаявшим трубам.

Яркое солнце золотым бубном плывет над отдаленной лесополосой, над тихой, окрашенной в пестрые цвета равниной.

Выхожу на улицу по нетронутой дороге. Крепкий морозец обжигает лицо, бодрит, и в памяти всплывают есенинские мотивы:

Я по первому снегу бреду.

В сердце ландыши вспыхнувших сил.

Синей свечкою вечер звезду

Над дорогой моей засветил...

Да, в сердце ландыши, от которых тепло и на морозе. Я словно вижу тончайшие контуры этих великолепных цветов, вдыхаю их аромат, и становится нетленной связь времен года.

Первому снегу все рады, но скоро к нему привыкнут. А мне хочется, чтобы каждый снежный день зимы воспринимался, как первый. Тогда в сердце постоянно будут цвести ландыши...

РОДНИК В ЛЕСУ

Довелось как-то в студеную пору побывать в лесу. Пересек небольшую поляну и словно в сказочный дворец попал. Стройными колоннами устремились в выцветшее блеклое небо сосны. Стоят величавые. Изредка сбросит охапку снега и выпрямится ветка. Мягко поскрипывает снежок.

В лесу светлое очарование и затишье. Я поднялся на пригорок. Внизу – небольшая ложбина, поросшая кизилом и шиповником. Когда я осторожно раздвинул усеянные красными светляками ягод и шипами лозинки, перед взором предстала родниковая заводь. Она была похожа на огромную серьгу, скованную ледяным обручем оправы. Сквозь колеблющую толщу воды увидел, как из глубины бьют струи и кольцами разбегаются на поверхности, ломая тонкую корочку льда у края заводи. Я наклонился к роднику, и в лицо повеяло теплыню. Зачерпнул сложенными лодочкой ладонями воду, пригубил. Она была удивительно хороша. Какое это прекрасное творение природы – родник!

Человек, сам того не замечая, низко склоняется перед ним, прежде чем напиться, утолить жажду. Снег у заводи сплошь усеян следами. Они цепочками тянутся из разных сторон леса. Видно, не одного меня поманил, очаровал родник. Может, побывал здесь красавец – гордый крымский олень или прибежали напиться пугливые тонконогие косули,

другие лесные питомцы. Всех щедро одарил родник.

Ночью, когда чутко спит лес, в глубине родника купаются серебряные звезды. Вот поэтому они зимой такие чистые и яркие.

Расставаясь с родником, я даю себе слово, что непременно вернусь к нему весной, когда под лучами солнца сойдет снег и тысячи ручейков устремятся в готовое русло.

По его краям шелковисто зазеленеет трава-мурава, ярко вспыхнут сотканые из лучей сначала подснежники, а затем и ландыши, закипят над заводью лилово-белые соцветия шиповника среди резных клейких листочков. В предчувствии столь дивной поры и родились эти строки:

*А мне любить, а мне жалеть до слез
Лиловый цвет шиповника и роз...*

Одаренное родниковой водой, все оживет и потянется к солнцу, радуя и восхищая своей красотой. На лоне природы я думаю, как порой, человеку не хватает родниковой чистоты, глубины и щедрости, чтобы, соприкасаясь с людьми, оставлять о себе добрую и светлую память.

ХРУСТАЛЬНЫЙ ЗВОН

В любую пору года красиво, живописно окаймленное камышами озеро, расположенное поблизости керченского жи-

лого микрорайона Марат. Оно отражает: то бирюзовое в солнечную, то свинцово-серое в непогоду, небо.

После оттепели и тумана в дневное время ударил мороз. Желтовато-бурые сухие стебли камыша оказались в прозрачном панцире, водную поверхность сковал тонкий лед. Лишь в середине оставалась широкая полоса незамерзшей воды, облюбованная несколькими дикими утками, выводок которых появился еще летом и к зиме подрос.

С моря налетел ветер и зазвенели, словно воспроизводя звуки органной музыки, стебли камыша, соприкасаясь друг с другом. Озеро – огромная сверкающая люстра, сквозь призму которой преломились лучи яркого, но холодного солнца. Нынче на его берегах пустынно, а летом с ранней до вечерней зорьки они были усыпаны ребяташками с удочками. Да и взрослые нередко коротали здесь время.

Увлекло и меня это занятие. Глядя на озеро, вспомнил забавный случай. Вечером, расположившись в укромном месте, забросил леску с приманкой на крючке. Поплавок замер на тихой малиновой от всполохов заката воде и, вдруг заплясал, ушел вглубь. Я подсек и ощутил, как под тяжестью зазвенела леска, выгнулось бамбуковое удилище.

«Коряга или крупная рыбина», – предположил, медленно подводя леску к берегу. Вот на мелководе показался темный панцирь, и, упорно упираясь лапками, на берег выползла попавшаяся на крючок черепаха.

– Этого мне еще не хватало, – произнес я, отцепил и от-

пустил «улов» в воду. Тортилла исчезла в глубине, а я продолжил рыбалку. Опять после недолгого ожидания поплавок скользнул вниз. История повторилась. Видно, очень понравилась черепахе приманка – скатанная в шарик мякоть хлеба. Не которые гурманы обожают суп из черепахи, я, не поддавшись искушению, отпустил ее в родную стихию, а сам переместился на другое место. И вскоре был вознагражден – несколько отливающих серебристой чешуей карасей оказались в моем садке.

...Застыло озеро в ожидании летней поры, когда окаймленные зеленой стеной камыша, берега огласятся звонкими голосами. Нынче же лишь ветер звенит хрупким и недолговечным хрусталем.

СКВОРЦЫ ПРИЛЕТЕЛИ

Неустойчивая крымская зима: то мороз сковывает льдом озера и пруды, то наступит оттепель, звеня капелью. По низкому небу наплзут тучи, пролившись на землю, улицы, скверы и крыши домов мелким дождем. Теплая зима сбила с толку и перелетных птиц, мигрирующих не по календарю, а по инстинкту, чуткому к температурному режиму. Раньше срока, – впрочем, это происходит часто – прилетели скворцы, огласив голые кроны высоких акаций и тополей. Их прилет – первая примета приближающейся весны. Именно скворец, а не ласточка, как утверждает народная молва,

является вестником весны.

После обильных дождей, согретые лучами по-весеннему яркого и щедрого солнца, покрылись изумрудной зеленью склоны возвышающейся над Керчью Митридатской гряды.

Еще неделя – и проклюнулись бы первоцветы, анютины глазки и другие нежно – хрупкие создания природы.

Но крымские весенние месяцы горазды на сюрпризы. За ночь земля покрылась пушистым снежным ковром и все приобрело сказочный вид. Ветер намел сугробы, по которым пролегли первые цепочки следов. Возвышенности и склоны облюбовали ребятишки с санками, лыжами. Кое-кто из них попытался слепить снежную бабу, но тщетно.

... Издали я услышал щебет птиц и всплески воды. Подошел поближе и увидел десятка два скворцов. Несколько птичек, взмахивая крылышками, купались в озерце – промоине над трубой теплотрассы, другие, взъерошенные ходили по кромке наста.

«Скворцы-моржи – необычное явление», – подумал, наблюдая за участниками купания. Рядом на проталине из почвы пробилась сочная зеленая трава. Скворцы, приняв ванну, старательно почистив перья, успели полакомиться стебельками. Часть из них устроились на дереве.

Подошел и опустил ладонь в воду. Она была теплая и слегка парила словно из гейзера. «Смышленные все же братья наши меньшие, устроили себе по прилете в родные края банный день», – улыбнулся я их находчивости. Решил было про-

должить путь, как из квадратного оконца подвала высотного жилого здания выпрыгнули два кота: оранжево-рыжий и пепельно-серый. Привлеченные птичьими голосами шумом, они, крадучись по снежному насту, осторожно приблизились к теплой купели.

Их янтарные и зеленые зрачки заблестели азартом хищников в расчете на легкую добычу.

–Прочь! – замахал я на них руками. – Так то вы, неблагодарные встречаете первых вестников весны. Они, нехотя, нырнули в оконце к теплым трубам своего пристанища. А с неба опять стали планировать снежинки, вспушивая белый покров, заматывая следы. Подумалось о скворцах, синичках и других пернатых, которым нелегко раздобыть корм в снежную студеную пору. Чтобы весеннее небо, кроны деревьев наполнялись певчими голосами, щебетом, радующим слух, необходимо подкормить этих отважных посланцев весны.

«МЫШАТА» В БОРУ

В начале февраля после обильного снегопада наступила типичная для крымской зимы оттепель, солнце за сутки съело снежный покров. Лишь в затененных местах, в ложбинах и рытвинах сохранились, словно заплатки на прогалинах с изумрудно-нежной зеленью белые лоскутки.

В полдень я наведаясь в урочище, что в окрестностях старой крепости. Сосны с зелеными иглами и молодые дубки

потерявшие лиственный наряд, пьянили смолисто-хвойным воздухом. И сюда сквозь кроны, устремленные в низкое синее небо, проникли лучи солнца.

Но снега на сухой некошенной траве сохранилось больше, чем на полянах и других открытых местах. Под ногами мягко пружинит скопившийся годами наст из сухих сосновых иголок, листьев, веток валежника. Разбросаны шишки и глянцево-желуди. Тишь и благодать в урочище. Я заметил, что у стволов сосен наст разворошен.

«Неужто дикий кабан в поисках желудей или сладких корней разрыл почву? – предположил я, но взгляд зацепился за несколько затаившихся грибов с пепельно-серыми круглыми шляпками. – Никак «мышата»? Очень похожи на серых живых существ, давших им название и столь же неуловимых».

Чтобы их обнаружить под влажным слоем из иголок, листьев, нужен глаз-алмаз. Так вот почему разворошена почва возле стволов сосен, где предпочитают в своеобразных парниках (даже в зимнюю стужу) прятаться «мышата». Версия о диком кабане отпала. Срезав десятка два грибов на белых хрупких ножках, я набрел на грибника с ведерком и палкой – клюкой. Вооружившись ею, он ворошил листву и иголки, разыскивая грибы.

– Удачной охоты – сказал он.

Я тоже не остался в долгу, пожелав богатого «улова», заметив, что его корзина почти до краев полна. Тихая охота удалась. Короткий зимний день угасал, и солнце колесом

скатывалось за цепь древних курганов.

ПРИСИВАШСКАЯ СТЕПЬ

Невдалеке от села, где кончаются окаймленные старыми лесополосами поля, открывается присивашская степь. Просторная и безмолвная. Снег растаял и открылись замысловатые чабанские тропы. По одной из них иду к подернутой синеватой дымкой глади озера Сиваш. Ветер приносит йодистые запахи воды. Уткнувшись кормой в берег, в желтоватых зарослях камыша дремлет полузатонувшая лодка. Спадает в воду ржавая цепь. Вода плещется в покрытый зелено-бурой тиной борт.

Вдали, насколько хватает глаз, расстилается мелководье. С узкой отмели взлетают чайки и, поблескивая серебристыми крыльями, летят над степью в поисках корма к отдаленной кошаре. Над ее постройками белым шлейфом стелется дым. Желтыми бурунами вблизи огороженной плетнем кошары перекачивается отара, очевидно, в первый раз после зимовки выпущенная на волю. Овцы приблизились и вскоре я познакомился с коренастым чабаном Евсеем.

–Цигейской породы овцы, но есть несколько и романовской, очень плодовитой, – не без гордости сообщил он.– Вишь, разбрелись после окота. Наскучило им сено, подавай отаву, травку. Пьянит свежий воздух... Им, как и человеку, нужны простор и свобода...

Чабан делает паузу, оглядывая беспокойное хозяйство и, опершись на герлыгу словно на посох, командует большому псу:

–Вулкан!

Пес подгоняет отбившихся от отары овец и они проворно пощипывают лилово-розовыми губами едва пробившуюся траву.

– Ничего особенного в этой степи вроде и нет, – вслух размышляет чабан. – Солончаки, перекасти-поле, стужа зимой, ветер, глушь, а летом – солнцепек и жажда. А вот не могу от нее оторваться. Сколько раз собирался уехать в город. Дочь кличет, чтобы за внуком смотрел.

– Что же вас держит?

– Простор, этот серебристый плес Сиваша, особый аромат воздуха, да и овцы. Хоть их и много, но есть шельмы с характером и капризами. Ошибаются те, кто считает овцу послушной. У каждой свой норов.

Наступит апрель и красновато-сиреневым цветом у сверкающей равнины Сиваша покроются берега, распахнется горизонт.

Неброская красота степи. Нерасторжима с ней связь человека, познавшего ее глубинную суть.

СТАРЫЕ УЛОЧКИ

Круто взбираются по склонам горы Митридат старые ули-

цы и улочки. Цепко росли в каменную землю дома, построенные еще в начале минувшего века.

Двадцать шесть столетий смотрит город, после войны увенчанный обелиском Славы, в распахнутый до самого горизонта простор. Его легендарная гора Митридат первой встречает возвращающиеся из дальних промыслов, пропахшие рыбой, исхлестанные штормами траулеры. Дорог этот символ героической Керчи каждому рыбаку, корабелу, металлургу, каждому ее жителю.

Вечером в загустевшее небо по краям Митридатской лестницы взбегают вверх цепочка огней. Там рдеет звезда на обелиске, а чуть поодаль некогда маяком полыхало пламя Вечного огня.

*И он в ночи над городом пылает,
Как воинов бессмертные сердца...*

Увы, пламя погасло. Возможно, 11 апреля, ко дню освобождения Керчи от немецко-фашистских захватчиков, оно вспыхнет вновь в дань светлой памяти погибшим воинам, как луч надежды на хорошие перемены. Очень дороги керчанам и старые улочки с каменной кладкой оград и арками кованых ворот. Сохранились ажурное литье и кованые орнаменты ворот, козырьков и другие элементы зодчества. Кое-где стены старых домов в отметилах осколков – следы минувшей войны. Немногие строения уцелели. Слева от Митридатской лестницы, где на одном из ярусов горы находился

Тезейон, спускаюсь по брусчатке вниз к улице Свердлова. На гребнях каменных оград, отделяющих уютные, тесные дворики, зеленое пламя весны – ползучий мох. Он норовит забраться даже на крыши построек, живуч и ярко-изумруден. Есть особое, невыразимое словами, естество в этих ,повторяющих складки ландшафта, улицах.

Вижу старую кладку ограды, щедро увитую плющом. Улица Митридатская, переулки Боспорские... и древние городища Пантикапей, Мирмекий, Нимфей, Тиритака, склеп Деметры, Царский, Золотой и Мелек-Чесменский курганы ... – все вместила в себя многовековая история древнего и молодого города.

За грядой холмов и курганов в ложбине надстройками огромного белого корабля возвышаются девяти и десяти-этажные здания микрорайона Марат. Органично соседствуют старое и новое, представляя каменную книгу города, каждая страница которой исполнена тайны и красоты.

БЕЛЫЕ КРУЖЕВА

Пошли на убыль прохладные вечера и туманные рассветы. Серая невыразительная палитра парков и палисадников стала приобретать торжествующе зеленые краски. Сквозь прошлогоднюю бурю листву из прогретой почвы пробились стебли травы и анютины глазки. И даже в расщелине треснувшего асфальта пробежал зеленый ручеек. Прохожие пе-

реступают через него, боясь потревожить хрупкие побеги.

Апрель – пора всевластия весны, пора добрых надежд и светлых ожиданий. В каждом дереве, в каждой былинке неудержим ток жизни. Совсем недавно я видел, как в палисаднике зябли абрикосовые и персиковые деревья. Туман цеплялся за голые ветки, превращаясь в стеклярус, и капельками падал на землю, И вот запенились на дикой алыче белые кружева, розовым факелом вспыхнул миндаль. Это солнце своими лучами – спицами искусно сплело удивительные узоры.

Первая проба акварели. И чем ближе к маю, тем ярче гаммой нежных красок распустятся цветы, дымчатые созвездия душистой сирени.

Отпылет пора цветения. Расплетет ветер кружева, но останется добрая завязь плодов. И, глядя на хрупкие соцветия, думаю о том, как важно, чтобы жизнь человека не оказалась пустоцветом...

НА СЕМИ ВЕТРАХ

Пустынная в зимнюю пору набережная с блюдцами скованных льдом лужиц отогрелась на солнце, оттаяла и теперь манит к себе керчан. Если прежде редко, кто отваживался, кутаясь в пальто и пряча лицо от морозно – колкого норд-оста, пройти от Генуэзского мола до бухты морского рыбного порта, то сейчас встреча с морским ветром, насыщенным

запахами йода и водорослей, приятно бодрит.

Иду по самой кромке набережной. Волны гулко разбиваются о бетонную преграду, взрываясь каплей сверкающих на солнце брызг. В пронизанной лучами россыпи на миг вспыхивает семицветие радуги.

Время от времени по фарватеру, обозначенному сигнальными буйками, разрезая свинцовые волны, проплывают в бухту морского рыбного порта сейнеры и траулеры, снуют буксиры – трудяги. Над белыми надстройками траулеров в голубом небе скользят стрелы порталных кранов. Пока еще безлюдна, заполненная в летние знойные дни бронзовыми телами пловцов, водная станция. Отдыхают аккуратно сложенные на причале лодки, катамараны, блестит свежей краской корпус катера. Несколько рыболовов поглядывают на поплавок удочек в надежде на первую удачу. На рынках рядом с серебристой тюлькой уже появились свежие бычки, очевидно, выловленные в Азовском море, в акваториях Борзовки или других рыбацких поселков.

Прислушиваюсь к голосу моря, к его то тихой, то грозной музыке. В памяти всплывает прекрасный рассказ Константина Паустовского «Умолкнувший звук» с его гипотезой о совпадении ритма величавых стихов Гомера с ритмом морских волн. Море и ныне слагает свои песни о древней столице Боспора Киммерийского, стоящей на суровой каменистой земле, на семи ветрах. Свежее дыхание розы ветров овеивает ее прекрасное лицо – лицо богини плодородия Деметры.

ПОДСНЕЖНИКИ В ОВРАГЕ

Поросший мелколесьем овраг за ночь продрог. Но вот мартовское солнце щедро разлило яркие лучи, распахнуло холмистые дали Старокрымского леса. Я у самой его границы, где начало уходящих под сень деревьев тропинок. На прогретых склонах снег сошел, лишь в глухих рытвинах в тени белея лоскутами. Через неделю-другую проклюнутся крохотные пестрые цветочки, словно нежные крапинки на сочном изумрудном холсте. Осторожно по каменистым, покрытым мшистой празеленью выступам, спускаюсь на дно оврага.

В лицо веет прохладой. Под кустами орешника, шиповника, тамариска и диких яблонек лежит потемневший снег. Влажный и льдистый. И вдруг чудо – у самой кромки я вижу два зеленые стреловидные листочка и белые еще плотно сомкнутые хрупкие лепестки подснежника. Он словно замер, раздумывая: не рано ли проснулся? Может еще возвратится стужа? Но вечный закон природы твердит ему: пора!

«Странное дело? – размышляю я.– Почему первые подснежники появляются в самых затененных местах, куда и солнечный луч проникает с трудом, а не на прогретых склонах? Наверное, разгадка в названии».

Еще задолго до прихода весны он вызревает из луковицы под ковром снега, вбирая всю его белизну и чистоту и потом

в благодарность за это вспыхивает белой звездочкой. Раздвигая ветки орешника, я набрел на целое семейство отважных, пробившихся из почвы цветов. Почудилось, что их лепестки вызывают самую первую песнь весны. И ее мелодия радуется сердцу, окрыляет на добрые дела. Покидая овраг, с болью и грустью подумал, что чья-то рука сорвет подснежник и цикламен Кузнецова – эти прекрасные творения природы, занесенные в Красную книгу, чтобы на этом сделать бизнес. Красота природы, ее флора и фауна несовместимы с корыстью и алчностью дельцов.

ПОД ЗЕЛЕННОЙ ВУАЛЬЮ

Весна, как это нередко происходит в Крыму, наступила стремительно, широко распахнув посветлевшие дали до самого горизонта. На пригорках, обласканных солнцем, словно волшебница изящной рукой щедро рассыпала сверкающий бисер, появились мелкие соцветия – белые, синие, фиолетовые, пурпурные.

На нетронутых плугом и сохранивших свое природное естество полянах потянулось к солнцу разнотравье – тысячелистник, цикорий, подорожник и другие полезные травы, тысячами маленьких солнц зацвели желтые одуванчики. На ухоженных клумбах, словно соперничая с одуванчиками, вспыхнули оранжевые цветки календулы.

Весна царствует и на земле, и в воздухе, наполняя его ароматом цветения, звонким пением и щебетом птиц, купаю-

щихся, словно в молоке, в белопенных кронах алычи, абрикосов, в розовато-лиловом нежном кипении миндаля и персиков. А солнце лучами, будто тонкими спицами, продолжает плести великолепные кружева.

Плакучие ивы, заглядевшись, как невесты, в зеркало озера, предпочли белой фате зеленую в желтовато-нежном обрамлении вуаль. Издалека серебряной мелодией звучат великолепные стихи Александра Блока:

*О, весна, без конца и без краю,
Без конца и без краю мечта!
Узнаю тебя, жизнь! Принимаю!
И приветствую звоном щита!*

Весна – время светлых надежд, любви и ожиданий.

МИНДАЛЬ В ЛАБИРИНТЕ

Лет шесть назад возле уже возведенного пятиэтажного жилого дома строители намеревались поднять еще один. Успели вырыть котлован и залить на уровне подвала железобетонный фундамент. В этот лабиринт зачастили школьники, превратив его в место игр. Очевидно, в одну из таких игр кто-то из ребятишек обронил косточку миндаля. Она попала во влажную почву. Зернышко проклюнулось и росток потянулся к солнцу. В этом «гнезде», защищенный от ветра, он с каждым годом креп и превратился в дерево. Поднялся над фундаментом и в нынешнем году вспыхнул лилово-ро-

зовым факелом. Над его соцветиями закружились пчелы, собирая желтую пыльцу. Значит, будет завязь и, возможно, тот же самый, но повзрослевший школьник, отведаст с друзьями миндалевые плоды.

Котлован по краям осыпался, зарос сухостоем, сквозь который зеленеет молодая поросль. Видимо, нескоро будет возобновлена стройка. И поэтому есть надежда, что острое лезвие топора не срубит миндаль, выживший в лабиринте фундамента.

ДЖАРДЖАВА

В окрестностях Керчи, в районах Солдатской слободки, микрорайона Нижний Солнечный и Цементной слободки, течет в низине по извилистому руслу река Джарджав, впадая Керченскую бухту. Более полутора столетий назад она называлась Черчав илгасы, что в переводе с тюркского означает Джарджавская балка. Впоследствии в обиходе керчан это название трансформировалось в Джарджаву.

В разное время года мне доводилось бывать на пологих, а в некоторых местах и крутых, размываемых потоками талой и дождевой воды берегах этой речки. В середине минувшего столетия, когда в летнюю знойную пору ручеек пересыхал, река могла обрести имя Сухая.

Ныне такое предположение ни у кого не возникает, потому как Джарджав постоянно в движении и не мелеет. Наполня-

ется не только водой, стекающей с возвышенностей в балку, но и днепровской из-за частых утечек в водопроводной сети.

В летнюю пору ее берега почти на всем протяжении обрамлены зеленой стеной камышей, где находят приют дикие утки, птицы, а в глубине водятся караси и пескари. Ныне из воды, словно на рисовых чеках, проклевываются среди желтых сухих стеблей с метелками зеленые побеги. К реке забредают на водопой небольшие стада животных, отары овец и коз. А вблизи Солдатской слободки и в районе завода «Альбатрос» от огородных участков проторены тропы. Владельцы земельных наделов с ведрами и лейками направляются за живительной влагой, чтобы осенью быть с урожаем овощей и фруктов.

В период половодья, таяния снегов или ливневых дождей Джарджава бурлива и своенравна. Оставляя часть воды в живописном озере у Солдатской слободки, выходит из берегов. О силе реки, укромные места которой в летне-осеннюю пору облюбованы рыбаками с удочками, до сих пор напоминает размытая полтора года назад насыпь железнодорожной ветки. Унесена потоком щебенка, и над промоиной провисли шпалы и рельсы. Этой железнодорожной веткой давно не пользуются, поэтому с ремонтом и не торопятся.

Журчит прозрачная в безветренную погоду вода на перекатах, словно напевая: Джарджава-а-а , Джарджава-а-а ...

ПЛАМЕНЕЮТ ПИОНЫ

В русле и на склонах неглубокой балки вблизи проселочной дороги, разделяющей сосновый бор и ореховую рощу, еще в начале апреля подметил темно-зеленые густые, будто войлок, кустики. По контурам листьев и слегка набухшим бутонам с признаками скрытых алых лепестков определил, что пионы. Очевидно, прохладные ночи и зябкие молочно-розовые туманные рассветы замедлили развитие этого теплолюбивого растений. Но еще в марте среди сосен и на склонах балки, обдуваемые ветерком, всюду полыхали видимые издали золотисто-огненные адонисы-горицветы, а на сухой хвое сосновых иголок из сердцевидных листочков расцвели скромные лесные фиалки с тонким ароматом.

Уже в середине апреля весна-кудесница развесила белопенные кружева на колючих ветках терновника, абрикосах и миндале, а розовые – на персиках. Затем зацвели черешня, алыча. Пришел черед облачиться в подвенечные платья яблоням и вишням. Трудитесь пчелы, носите пыльцу с цветка на цветок, чтобы была завязь плодов, летом и осень. Деревья и кусты одарили фруктами и ягодами... На солнечных полянках весна раскинула пестрые ковры, сотканные из белых, розовых, голубых, сиреневых, желтых, синих, красных соцветий... Гамма ярких акварелей.

«Пора бы и пионам предстать во всей красе, ведь солнце к полдню жаркое, как летом», – решил я, отправляясь на прогулку через сосновый бор к балке. В других местах, ес-

ли раньше и встречались мне пионы, то очень редко и в гордом одиночестве, а в балке их небольшие колонии. И вот метрах в двадцати-тридцати увидел несколько алых «фонариков» в обрамлении темно-зеленых листьев. Сразу понял, проклюнулись пионы, подоспели к Первомайским праздникам, ко Дню Великой Победы.

Раскрыли навстречу щедрым лучам солнца бархати-сто-алые лепестки с золотыми сердечками. Зажглись вечными огоньками в память о павших смертью храбрых воинах.. Чуть позже, на исходе мая, в июне эту эстафету подхватят полевые маки, особенно обильно растущие, словно из капелек пролитой крови, на местах былых сражений.

Пионы столь же древнее растение, как и горицвет, и тоже обладают лечебными свойствами.

С каждым днем, лишь вечером и ночью смыкая лепестки, как веки, в русле балки и на ее склонах раскрываются бутоны и пламенеют все новые и новые соцветия. А те, что отцвели алыми капельками с золотистой пылью, опадают на землю. В их чашечках хлопочут шмели и другие насекомые.

Коротка пора цветения, но сколько радости, умиротворения, эстетического удовольствия доставляет человеку, способному тонко чувствовать ток пробуждения, животворящую силу природы, богатство, гамму ее красок, всепобеждающую поступь волшебницы весны.

ТАМАРИКС

В пойме реки Джарджава, что в окрестностях Керчи, в мае зацветает тамарикс. Среди изумрудно-зеленого, еще не тронутого острой косой, разнотравья пурпурно-розовыми островками радуют взор небольшие кустарники красивого растения. Тонкие и гибкие верхушки ветвей усыпаны бисером соцветий, а в средней части – мелкими чешуйчатыми листочками. Я приблизился к одному из кустов в тот момент, когда налетевший с близкого моря ветер разметал метелки соцветий, словно розовую гриву сказочного коня.

Вспомнились прекрасные есенинские стихи о быстротечности жизни: «...словно я весенней, гулкой ранью проскакал на розовом коне».

Очень яркий, пронзительно грустный поэтический образ. Не знаю, растет ли тамарикс в среднерусской полосе России – на родине замечательного поэта, в «стране березового ситца»? Но на солнечной крымской земле это растение хорошо прижилось и даже, без помощи человека расширяет свое жизненное пространство. У тамарикса множество названий, отражающих его свойства, красоту и целебные ценности: бисерный куст, гребенщик, божье дерево, бисерник, калмыцкий ладан...

Судя по последнему названию, он облюбовал и знойные калмыцкие степи. Это удивительное растение по живучести, неприхотливости не уступает вербе. Поэтому часто заросли тамариска встречаются на прибрежных участках Азовского

и Черного морей, на берегах озер, рек и прудов, вдоль шоссе-сейных проселочных дорог и железнодорожных магистралей, в парках и скверах, а также на скудных почвах, где обычно выживают красноватые солончаки на выпаренных солнцем солевых отложениях.

За долгий период своей эволюции тамарикс приобрел свойство с помощью листьев избавляться от лишних солей, добываемых сильными корнями. Благодаря спартанским условиям, он отличается завидной стойкостью. Знаатоки-ботаники утверждают, что если куст накрыть толстым слоем почвы или песка, то тамариск прорастет навстречу солнечным лучам. Успешно он выдерживает и другое испытание на живучесть. Если черенок / часть ветки/ бросить в озеро, реку, либо в любой другой водоем, то, зацепившись за почву или ил на дне или у берега, растение пустит корни, прорастет и пышно зацветет.

А вот огонь для тамарикса очень опасен и губителен, ибо даже зеленые ветки сгорают, будто сухие поленья. Зная это свойство, не следует туристам, любителям пикников и шашлыков, ради сиюминутных потребностей сжигать в кострах и мангалах красоту.

Шествие тамарикса по Крыму, а затем и по Украине, началось с 1921 года, когда его семена впервые были высеяны в Никитском ботаническом саду. Вскоре это красивое и полезное растение распространилось по полуострову, где в качестве дикоросов произрастают такие виды: четырехтычин-

ковый, ветвистый и Гогенакера. Ученые-селекционеры для декоративного украшения парков, садов и скверов вывели гибриды тамарикса Гогенакера с белыми и тамариска Карелина с пурпурными цветками. В народной, тибетской медицине тамарикс используется в качестве лечебного профилактического средства от многих недугов.

Из его веточек заваривают чай, подслащивая тамариксовым медом. А еще раньше человека целебность растения оценили животные, охотно поедаящие сочные ветки. Умельцы из гибких лоз изготавливают ажурную мебель, столики, кресла, плетут корзины и другие изделия, а из желтовато-белой древесины – изящные поделки.

Поэтому тамарикс может разделить печальную участь можжевельника и других ценных пород крымского леса, ставших источниками сомнительного бизнеса. Грех поднимать топор на эту красоту, дарованную и ныне живущим и будущим поколениям, природой.

Я прикоснулся к цветущей ветке, над которой трудились несколько пчел. Невольно возникло желание сорвать несколько унизанных розовым бисером веточек для букета, но вспомнил, что на Синайском полуострове и в странах Средней Азии это растение справедливо называют священным, и отвел руку. Под налетевшим порывом ветра гибкие ветви, словно в знак благодарности, склонили свои цветущие метелки. Свернув на узенькую тропу, я оглянулся – розовые гривы тамарикса стелились над зеленою уютной поляны,

окаймленной белоснежно цветущим боярышником, листвою серебристого лоха и желтыми гроздьями акации.

СИРЕНЕВАЯ ПОГОДА

Каждому цвету – свое время, каждой ягоде – свой срок. Отпылали ярко красные тюльпаны и угасли, рассыпавшись на почве густо-алыми лепестками в накрапах желтой пыльцы. Будто замер костер, тлеющий последними угольками.

Печально склонив стебли, завяли желтые лепестки нарциссов. В палисаднике раскидистая ива сменила светло-зеленую прозрачную вуаль на густой, стекающий к земле, словно струи водопада, наряд...

Настал черед сирени. Заждавшись тепла, зрели под солнцем гроздь с фиолетовым отливом, вбирая в себя его энергию. И вот однажды под блеском утренней звезды распустились сиреневые хрупкие звездочки. В каждой из них еще до прилета первых пчел застыла сверкающая капля росы. И без усилий рождались строки, будто дарованные природой:

*Размыты очертания и тени,
Дрожит, мерцая в утреннем саду,
Зеленый куст нечаянной сирени
В отчаянно сиреновом цвету...*

Словно маленькое облачко заночевало в зарослях, первый луч солнца застал его врасплох... Иду по усыпанной желтым

влажным песком тропинке, подмечая то один, то другой куст сирени. Согревают взор белопенные соцветия, распушившиеся на ветках кружевами. В свежее дыхание близкого моря пробивается тонкий аромат.

Она выстояла в студеную пору, выдержала обжигающие норд-осты и вот нежно полыхнула соцветьями. «Сиреневая погода сиренью обрызгала тишь», – строка из есенинской «Анны Снегиной», как в далекой юности, волнует сердце, навеивает воспоминания о первой любви, о свиданиях. И каждая встреча с ней рождает теплое солнечное чувство.

Ветка сирени на согретом лучами граните обелиска, ветка сирени в тонких девичьих руках – символ торжества жизни, дань памяти воинам, знак величия и нетленной красоты.

«Имеющий в руках цветы плохого совершить не может», – в этом был убежден замечательный русский писатель Владимир Солоухин, автор лирических и эпических произведений «Владимировские проселки», «Созерцание чуда», «Время собирать камни», «Камешки на ладони», сонетов и других творений. И надо не только согласиться с этим философским и этическим высказыванием, но и постоянно следовать ему.

ГРОЗДЬЯ СИРЕНИ

В мае, когда отцвели абрикосы, миндаль, алыча, а за ними персик, вишня, черешня и яблоня, наступает пора цветения

сирени. Растущая во дворах и палисадниках, она особенно на утренней зорьке или после дождя, блестя капельками росы и воды, сверкая звездочками соцветий, одаривая взоры людей, благоухает тонким ароматом.

Селекционеры позаботились о разновидностях и цветовой гамме этого удивительного растения, восхищавшего ни одно поколение поэтов, художников, музыкантов, создавших лирические строки, живописные полотна и рисунки, прекрасные мелодии

Проходя по одной из улиц на окраине города с одно и двухэтажными домами, с палисадниками под окнами, блистающими в лучах солнца. Среди цветущих кустарников смородины, жасмина увидел гроздь сирени белого, пурпурного и фиолетового цветов. Если бы они были в отдалении друг от друга, то это не заставило бы остановиться. Но разноцветные гроздья соприкасались.

«Наверное, какой-нибудь цветовод-мичуринец постарался и на одном подвое создал букет?» – предположил я. Но когда внимательно пригляделся, то увидел, что из почвы поднимаются три ствола, а вверху переплетаются ветвями, превратившись в единое творение человеческих рук и природы. Хотя версия об умельце-селекционере отпала, однако очарование от увиденной композиции не угасло. Наверняка, садовод поставил эксперимент, посадив рядом черенки разноцветной сирени, и эта задумка ему удалась. Я подметил, что при виде такой необычной композиции, словно букет в

огромной вазе, прохожие замедляли шаг и их лица озарялись улыбками.

Мне припомнились строки из юности, когда под окном родного дома в одном из степных крымских сел в мае зацвела сирень:

*Зацвела под окошком сирень
Распустила душистые гроздья.
И скользнула лиловая тень
По дымящимся звездам.
И припомнилось сердцу в тот час,
Что давно не могло позабыться,
Сквозь цветенье сияние глаз
Снова в душу сумело пробиться.*

ЗА ОКОЛИЦЕЙ – МАКИ

Ранним утром, только первый луч солнца разбудил землю, я вышел за околицу села. Еще вчера, проходя по узенькой тропинке среди голубого овса, даже не подозревал, что поле преподнесет сюрприз. В дымящемся разливе овса кое-где густо вспыхнули угольками красные маки. В одном месте их было больше, в другом – поменьше. Словно еще осенью или ранней весной кто-то невидимый вытряхнул из сухих маковок черные семена. Это, наверняка, был ветер. Но даже в беспорядочном их цветении чувствовалась гармония красоты.

Над полем пылало лилово-сиреневое зарево рассвета. Поле подступало к домам крайней улицы.

Из калитки одного из дворов выбежала девочка. Она остановилась, взмахнула ручонками. На светлой с льняными волосами ее голове трепетал розовый бант. Она, сама похожая на цветок, побежала к макам, расцветшим у края поля. В ее руке цветок к цветку увеличивался букет. Затем смело вошла в голубой разлив и метелки овса, касались ее плеч, а над поверхностью плыл ее бант. Понимая, что со всеми маками ей не управиться, девочка, держа букет головой словно факел, вышла на тропинку. В ее руке полыхало, переливалось от легкого дуновения ветерка, пламя. И нежный, розоватый отсвет ложился на милое детское лицо.

– Смотри, пальчики обожжешь, – предостерег я, но девочка озорно рассмеялась:

– Они не горячие...

В ее глазах отразилась синь неба, восторг, присущий только детям, впервые открывающим для себя прекрасный и удивительный мир в гамме красок и звуков. Она побежала домой, чтобы поделиться своей радостью с матерью и подарить ей букет. На тропинку опустились несколько красных лепестков с черными пятнышками.

Из рассказов старожилков я знаю, что на этом поле более полувека назад шли ожесточенные бои наших воинов с захватчиками и земля была изрыта окопами, воронками от снарядов и мин. Мне на миг представилось, что капли про-

литой крови проросли маками в память о тех, кто не вернулся с горячих полей сражений, кто отстоял родную землю. Благодаря им, мы живем, любим, радуемся солнцу, созерцаем красоту, трудимся и творим. А солнце своими лучами-спицами вышивало на голубом холсте овса яркие маков.

РОМАШКИ

В лазоревом небе, причудливыми грудами мрамора, остановились белые облака. В знойной высоте над зеленым колющимся полем пшеницы заливались звонкоголосые жаворонки. По проселочной дороге, мимо поля шла девушка. Она беспечно глядела вдаль веселыми глазами, держа в руке букет васильков. Вдруг остановилась и, мимолетная тень грусти отразилась на ее лице. Она о чем-то размышляла, советуясь с сердцем. Потом сошла на обочину дороги, где среди зеленых стеблей травы росли белые ромашки. Осторожно сорвала цветок. Загадочно улыбаясь, тонкими пальцами принялась обрывать лепестки.

– Любит, не любит? – шептали ее капризные губы.

– Любит не любит?– слетали на ее светлое платье и загорелые колени невесомые лепестки. Она огорченно вздохнула и сорвала очередной цветок. Снова, затаив дыхание, продолжила гадать. Не обмани ее нежные чувства, подскажи ее сердцу, полевой цветок.

Сколько раз тебя брали ласковые девичьи руки, загадывая

свое счастье, прося ответить на вечный вопрос: любит или не любит? Падали снежинками на траву лепестки, жёлтыми монетками светились головки смятых цветов, заронивших сомнения.

Девушка подняла сиротливый букет васильков, которые оробели перед трепетной красотой ромашек. Пройдя несколько шагов обернулась, глядя на разбежавшиеся в траве ромашки. Они показались ей маленькими балеринами из «Лебединого озера» Чайковского.

Вот, взявшись за руки, они плывут под звуки чарующей музыки. Она посмотрела на чистую, словно озерная гладь, синеву неба с изваяниями белых облаков и ей захотелось, чтобы эти облака, словно большие лебеди поплыли в дальние страны.

Вновь возвратилась к ромашкам. Бережно провела пальцами по лепесткам, но срывать не стала. Ей не хотелось нарушать картину, нарисованную воображением: белые лебеди и вечная музыка. Лицо озарила улыбка и она подумала: какое это великое счастье жить на земле, дышать прозрачным воздухом, настоянном на аромате цветов и трав, трогать руками ромашки. А любовь? Она придет как праздник, как награда за чистоту и красоту нерастраченных чувств.

Шла по дороге, неся букет васильков, девушка. Кто теперь скажет, что ромашка – цветок сомнения.

ТРОПИНКА

За околицей села, где вечером догорают алые закаты, вьется узенькая тропинка. Зимой она прячется под снегом, но люди все равно торят по ней цепочку следов. И весной, в пору таяния снегов, тропинка еще не приметна. А когда после оттепели пробьется к солнцу первая шелковистая трава, тропинка, как ручеек, входит, в свое привычное русло и бежит, маня в прозрачную даль. Неподалеку легла проселочная дорога, широкая и прямая, но сельчане чаще всего ходят по тропинке.

И она, благодарная за их признательность, зацветает по краям синеголовыми васильками и белопенными ромашками, а то вдруг нежданно-негаданно восхитит розовыми соцветиями дикого горошка.

Я и сам предпочитаю ходить по тропинке. Годы текут, а она остается неизменной. Каждое свидание с ней, как память о детстве, то светлой радостью, то щемящей грустью отзывается в сердце.

Чем притягивает к себе тропинка? Может, неброской красотой, что с давних времен придает очарование русским пейзажам, а может, желанием человека уйти от асфальта шумных городов поближе к природе.

Для многих сельских ребяташек тропинка, манящая за порог родного дома, стала первым притоком в полноводную реку, имя которой – Жизнь. Она уводила от дома и вновь через долгие годы разлуки возвращала к нему. Сколько она

помнит встреч и расставаний!

Недавно я снова, после долгой разлуки, побывал на тропинке. Вечерело. После теплого летнего дождя капли поблескивали на стеблях поникшей и тронутой желтизной травы.

В каждой росинке пылало и тут же угасало пламя заката. Я искал следы той, чей ласковый облик и нежное имя не смогли стереть ни время, ни пространство. И это трепетное воспоминание согревало сердце.

Вдруг на фоне небосклона увидел двоих. Это были Он и Она. Сейчас и тропинка, и мерцающие в небе крупные звезды принадлежали им. Все повторяется в подлунном мире: и любовь, и счастье, и разлука...

СЛАДКА ЯГОДА

Середина звонкого быстротечного лета. Не за горами тот день, когда наступит осень – золотоволосая девочка с плетеным лукошком в руке. А пока лето еще напоминает о себе терпким привкусом смородины на губах, воскрешая картины детства.

Ранним утром, когда солнце медленно поднималось в золотистой дымке над горизонтом, я с друзьями отправлялся за смородиной. Малиновый свет струился на черепичных крышах села. Над ним огромной чашей было опрокинуто бирюзовое небо. В нем, радуясь простору, парили, щебетали и

пели птицы.

Мы шли по лесополосе. Буйно цвела желтая акация. Ее сладковатый запах плыл в воздухе. Травы и цветы купались в чистой росе. Резали воздух прозрачными крылышками стрекозы, кружились над поздними соцветьями пчелы. Дикая роза огненно-красными лепестками пила росу. По соседству с ней разрослась кудрявая смородина. Зеленые ветки усыпаны тысячами сочных красных и черных ягод. В каждой бусинке отражается солнце. С щебетом и чириканьем лакомятся ягодами птицы.

До самого знойного полудня бродим в зарослях смородины. Горсть в лукошко, две – в рот, пока не появится оскоми-на.

Сладка ягода. Ее привкус и сейчас напоминает о родном доме, о звенящей мелодии крымского лета.

КОЛОКОЛ НЕБА

Посветлели, отодвинулись ранее дымчато-туманные дали. На востоке занялся рассвет. Горизонт и небосклон озарились малиновым заревом. Потом краски слегка посветлели, словно разбавленные художником на палитре. Солнце, красное, как созревшая мякоть арбуза, медленно поднимаясь, оторвалось от земной тверди. Яркие лучи полоснули по крышам домов, отразились от стекол окон, засияли на глади тихого пруда, застывшего светлым оком на околице села.

В это раннее утро слышу, как со стороны кузницы доносятся гулкие удары молота о наковальню. Потом разливаются перезвоны молоточка. Звуки переплетаются, образуя музыку кузнечного дела. Кажется, что торжественный звон исходит от высокого и огромного колокола неба. Словно тысячи серебряных колокольчиков запели от прикосновения солнечных лучей. И в унисон этой мелодии запело сердце.

Вхожу в раскрытые настежь двери кузницы. Горн пышет жаром, пылают красновато-лиловые угли. Вижу сосредоточенные лица кузнецов. Они увлечены работой – отковывают красную полоску металла. Под их точными ударами она обретает форму детали. Прошу одного из кузнецов:

– Откуй мне подкову на счастье. Мастер кузнечного дела дружелюбно улыбается, и я слышу в ответ:

– Запомни, каждый человек – кузнец своего счастья. Я благодарно киваю и выхожу на простор. Запрокидываю голову вверх, где, разрезая лучи солнца, парят гордые и сильные птицы. Наверное, для счастья нужны доброе сердце и сильные крылья.

СЕРЕБРИТСЯ КОВЫЛЬ

Вдоль откосов железнодорожного полотна, натянуты, как струны стальных рельсов, столько долгих лет живет в полосе отчуждения не тронутая плугом земля. Ранней весной, едва сойдет снег, зарождаются, а летом благоухают, раскинув-

шись пестрым ковром, цветы и травы.

Осенью полыхают багряно-желтым костром, сгорая, чтобы со звоном капли возродиться вновь. Извечный круговорот жизни, подобный восходу и закату солнца. Но всегда неповторим, ярк, многолик и неожиданно радостен...

И снова ясноликий июнь бредет по проселкам и травам. В открытые окна вагона поезда-тихохода на участке от Семи Колодезей до Керчи ветер приносит пряные запахи степи. В пологие склоны косогора вросли, словно разбросанные рукой Геракла, мшисто-зеленоватые и серые камни. Они похожи на овечью отару, прилегшую отдохнуть. И вдруг впереди... Озеро? Нет, не озеро – засеребрилась поляна. Ковыль – верный спутник степи – низко стелется, блестящей ртутью растекается по земле. Ветер словно гребенкой приглаживает струящиеся нити. Все другие травы и цветы отступили перед ковылем, не дерзнув яркими красками нарушить его разлив. И поэтому поляна светится, как зеркало озера, окаймленного разнотравьем. Ветер ласкает седые пряди.

То там, то здесь, словно исполняя танец маленьких лебедей, рассыпались на лугу хрупкие ромашки – балерины. Плетется, цепляясь усиками за колючие ветки шиповника с лиловыми цветками, розовый душистый горошек. Вижу, как пчеловод обкашивает траву в зарослях дикой смородины и шиповника. Трава веером рассыпается под узким лезвием косы.

Возле коновязи у белопенной акации, утонув оглоблями

в траве, приткнулась двуколка с намотанной на втулки колес травой. Чуть поодаль пасется лошадь, рядом, вскидывая тонкие ноги, резвится красногрудый жеребенок. Редкая для нынешнего индустриального времени картина, хотя нет куда без добра. Из-за изношенности машин, тракторов и комбайнов и отсутствия средств на приобретение новой техники и горючего, крестьяне все чаще обзаводятся гужевым транспортом.

Лошадь на подворье фермеров, крестьян нынче не является большой редкостью. В одном селе, мне сказывали земляки, живут несколько осликов – трудяг. Так один из них горластый Орфей раньше петухов устраивает односельчанам утреннюю побудку своим громким, как Иерихонская труба, голосом. Любители поспать ворчат на хозяина парнокопытных, но ослу не прикажешь, у него свой режим.

Наблюдая за сельскими ребятами, оседлавшими скакунов, с теплотой в сердце вспоминаю ту далекую пору, когда с ровесниками верхом на конях уходили в ночное. В углях костра пекли картошку. Очарованные тишиной, стрекотом кузнечиков, замирали под высоким звездным небом. Тогда на полевой дороге легко было отыскать подкову на счастье.

Ощущение первозданности природы, загадочности и волшебства... Многим нынешним детям, подросткам это чувство неведомо. Чаще всего они видят пейзажи из окон вагона, автобуса или легковушки. А хорошо бы пробежаться по траве и ощутить животворящий ток земли, ласковость ее

шершавых, пахнущих цветами и травой ладоней. Серебрится ковыль. Радует взор, согревает сердце.

У ТИХОЙ ЗАВОДИ

Светлое око в зеленом обрамлении, шелестящего на ветру камыша. Таким с высоты птичьего полета видится озерко в микрорайоне Марат. В нем отражены и бело-мраморные каравеллы облаков, и розовость рассвета, и алый полог заката. Стайка вездесущих мальчишек расположилась с удочками на берегу. С десятков глаз напряженно следят за поплавками. Хитер карась, норовит с наживкой уйти в камыши. Не один зазевавшийся рыболов потерял крючки, вонзившиеся в упругие стебли. А вот и удача – мальчишка ловко вскинул удилище. На леске блеснул золотисто-оранжевый карась. Сколько восторга в ребячьих глазах!

Двое других пацанов, забравшись на деревянный плот, гребут к середине озера в надежде, что где глубже, там и рыба крупнее. Путь им пересекла выплывшая из камышей дикая утка с маленьким выводком и тут же, почуяв опасность, спряталась у противоположного берега.

Вблизи закачались в зеленоватой воде упругие стебли. Это прилетела тонкоклювая камышовка. Смотрит на рыболовов, кося бусинку глаза, готовая вот-вот вспорхнуть. Медленно, как песок в часах, течет время. Неподвижно зеркало воды. Угасла теплая летняя зоря, и как будто приблизилась

причудливым силуэтом Митридатская гряда.

Последний рыбак, лишь потому, что уже не различим поплавок, покидает берег. А в озере светляками проклюнулись звезды.

ИВУШКА ПЛАКУЧАЯ

Стояли погожие солнечные дни и теплые ночи, шедшие на убыль – ни дождя, ни тумана. С близкого моря легкой прохладой веял норд-ост, тесня знойный воздух к цепи древних курганов в окрестностях Керчи.

По едва приметной тропинке я направился к голубовато-зеленой чаше озера, окаймленной изумрудной оправой, шелестящим на ветру камышом. На стеблях сочной травы, белых соцветиях тысячелистника, синего цикория, желтой сурепки и вьющихся плетях душистого розового горошка ни одной росинки. Небо безоблачно, голубое поблекшее в жарких лучах летнего солнца и поэтому никаких признаков на дождь.

И вдруг, войдя под зеленый шатер ивы, я ощутил упавшие капельки влаги. Обратил взор вверх и несколько капель почувствовал на лице. Так это же плакучая ива, словно невеста, но не в белоснежном, а в светло-зеленом нежном наряде. И почему ей вздумалось проливать слезы? Может в оправдание своего названия или в предвестие близкой перемены погоды, с сухой и солнечной на дождливую и хмурую?

Возможно, через соцветия и листву избавляется от избытка влаги? Почва и трава под ивой были влажные.

Я приблизился к озеру. На тихом зеркале воды, в дальнем затоне, тревожа его кольцами волн, плавала дикая утка с молодым выводком— шустрými утятками. Она добывала корм, ныряя вглубь. На берегу прогалины, освобожденной от камыша, замер рыбак с удилицем в надежде на улов карасей, окуней или хотя бы пескарей.

На поплавке из гусяного пера устроилась вездесущая стрекоза, а на берегу у самой воды разрослась ива. Ее ветви зелеными длинными косами ниспадали к воде. Она загляделась в затон, любуясь своим отражением. Слезинки мелкими прозрачными бусинками падали в водоем, словно морось дождя.

В народном творчестве, сказках, песнях и сказаниях, в произведениях писателей, поэтов, художников и музыкантов, ива предстает в образе одиночества, грусти и нелегкой доли. Если березку или рябину и тополь сравнивают со стройной девушкой (поэзия С.Есенина, повесть Ч.Айтматова «Тополь мой в красной косынке» и др.), то иву с женщиной трудной судьбы. Так и хочется подойти, прикоснуться к ветвям и утешить, но не во власти человека изменить издревле отведенную ей роль.

Плачет ивушка, благоухает тонким ароматом акация, роняет пух тополь — у дерева каждого своя планида.

БОЧАРКА

Предраассветье – время, когда крупные звезды, россыпью усеявшие небосвод, не успели поблекнуть и челн луны еще не уплыл за оком, – самая лучшая пора для рыбной ловли. Вот и я, прихватив удочку, тороплюсь на камни Бочарки.

Полчаса ходьбы вдоль железнодорожного полотна, спуск к мостику в зарослях камыша, где среди тонкого журчания затаилась ночь. Вскоре – окраина города, приземистые дома Цементной слободки, постройки. За ней – защищенное грядой холмов зеркало Керченского залива. Выгнутый дугой берег сплошь усеян камнями, будто мифический Геракл разбросал их мощной рукой. Надеялся увидеть пустынный берег. Ан, нет, невдалеке показалась фигура рыбака.

Внимательно присмотревшись, замечаю на вымощенных из камней уступах второго, третьего... Неукротима рыбацкая страсть! А в трехстах метрах от берега – целая флотилия резиновых и дюралевых лодок...

Отсвечивающая ртутью гладь воды не шелохнется. Лишь изредка, всплеснет крупная рыба, да на поверхности пробежит цепочка пузырьков. Наживка на крючке, и вот поплавок замер.

Все внимание сосредоточено на нем. Мгновенье – поплавок слегка заплясал и вдруг стремительно пошел вглубь. Вскидываю удилище. Оно упруго выгибается, леска натянута, как струна, коснись смычком – и запоеет. Непередаваемое

светлое ощущение испытывает рыбак, чувствуя тяжесть добычи. Возможно, оно осталось в человеке с той незапамятной поры, когда для далеких предков охота и рыбалка составляли суть существования.

Быстро светает. В заливе, словно в зеркале, отражаются все происходящие перемены. Пурпурно-розовая полоска над горизонтом – и сразу вода повторила ее цвет. Первая приливная волна, всколыхнув застывшую до того гладь, набежала на камни, напомнила о себе звуком.

Через мгновение огненно-красный диск солнца вынырнул из воды, будто до того покоился в глубине на якоре, залил все вокруг малиновым цветом. Налетел с востока ветерок, зарябил воду. Клев ослабел, зато интереснее стало наблюдать жизнь моря.

Сквозь пронизанную лучами толщу воды видны покрытые сочным зеленым бархатом камни, зеленовато-бурые и коричневые водоросли тянутся к поверхности. На песчаных «оконцах» притаились бычки, боком-боком пробежал и скрылся в расщелине краб. Камни сплошь усеяны черными ракушками мидий. И вдруг в глубине, где видимость размыта, подмечаю золотое свечение. Это кефаль заманчиво блеснула боком, рядом вторая, третья... То уйдут вглубь кем-то вспугнутые, то возвратятся к прежнему месту, плавно обходя камни.

– Ходит кефаль, да не ловится, – сетуют заядливые рыбаки, не теряя, однако, надежд на удачу. Для нее нужна особая на-

живка – морской червь, который обитает в речке Приморской, в древние времена называемой Пантикапа, а затем и Мелек-Чесме или в лиманах.

Над поверхностью воды увидел черную головку змеи. Пригляделся – она держит небольшого бычка, за которыми эти земноводные рептилии любят охотиться. Замер, чтобы не спугнуть резким движением.

Змея упорно доплыла до берега и выбралась на торчавший из воды осклизлый камень. Раскрыла челюсти и попыталась, измочалив рыбешку, проглотить ее, но увы. Бычок оказался довольно шустрым. Встрепенувшись, он соскользнул с камня в родную стихию. Змея поздно хватилась, нырнула в воду, но его и след простыл.

«Бесплатно прокатился на рикше, хотя и не обошлось без боевых ран, – подумал я, немного сочувствуя змее, затратившей силы и на ловлю, и на доставку добычи на берег. – А ведь могла и не торопиться с трапезой, а вытянуть бычка на высохшие водоросли, подальше от воды и тогда он был бы обречен».

Подобную сцену мне уже довелось наблюдать. А вот морские рыжие крысы тоже не прочь полакомиться и бычками, что в садках или снedyю из сумок увлеченных рыбаков. Но последние несколько лет их не видно у берегов залива. Может, перевелись, а ведь обитали в расщелинах камней и норах.

Над водой с криками режут воздух острокрылые чайки,

а над холмами с желтыми обвалами склонов из-за дождей и оползней, парит ястреб, высматривая мелких грызунов – мышей, сусликов ... Вот застыл в высоте и вдруг камнем упал вниз в цветущее разнотравье.

Охотно лакомятся рыбой нырки, чайки и бакланы. Один привязался к рыбаку, сидящему в резиновой лодке. Тот набрел на удачное место и тянет рыбку за рыбкой. Не скупится, бросает мелкого бычка вверх и баклан с радостным криком хватает его на лету.

Солнце в зените пора и честь знать. Собираю удочку. Улова на уху хватает. Утешаю себя мыслью, что завтра ранним утром или на вечерней зорьке будет снова рыбалка на камнях за Цементной слободкой.

ПРЕКРАСНАЯ АССОЛЬ

Зеленые, пронизанные лучами солнца волны, набегающая одна на другую, лижут прохладный песок. С глухим вздохом откатываются назад, оставляя зеленые нити водорослей, поблескивающие ракушки и гальку. Море дышит, тысячелетиями напевает гомеровские гекзаметры. Берег чист и пустынен, но уже близки дни, когда нахлынет поток отдыхающих и тогда исчезнет очарование увиденной картины:

...Ты идешь по берегу – легкая и юная. Поясок нежно обвивает талию, смуглые ноги слегка утопают в песке, который искрится от твоего прикосновения. Ты поправляешь рукой

темные волосы и две твоих ладони, как две звезды излучают свет. Он струится на волну и покачивается, словно золотой кораблик.

– Здравствуй, моя прекрасная Ассоль!– произношу я.– У меня нет, как у капитана Грэя, яхты с алыми парусами, но я готов плыть с тобой хоть на край земли. Скажи, ты согласна?

– Я не Ассоль, я – Марина,– тихо отвечаешь ты, и я не в силах отвести взгляд от твоего милого искренне-доверчивого взора. Молчу, боясь нарушить очарование тишины.

– Да, я знаю, что ты не Ассоль. Ты – прекрасная морская женщина, розовый нежный лепесток, хрупкая лилия. Я думаю о тебе, когда произношу имя Ассоль. Скажи, ты согласна?

Соленый ветер срывает с моих губ последние слова. И я не решаюсь повторить их вновь. Ты солнечно улыбаешься, красивая и гордая в ожидании своего капитана на яхте под алыми парусами.

В ПОДМОСКОВЬЕ

Всякий раз, приезжая в Подмосковьё, я не перестаю удивляться и восхищаться красотой здешних мест. И в нынешнее лето дорога привела меня в этот очарованный лесами, озерами и реками край. Полтора часа пути на электричке от Киевского вокзала столицы до города Обнинска, я пристально вглядываюсь в вагонное окно. Припоминаю когда-то

увиденное, открываю для себя новое в неповторимых пейзажах. Проплывают березовые и сосновые перелески. Чародейка осень подожгла верхушки берез и листва отливается на солнце яркой позолотой. Листья, пока еще медленно, один за другим опадают на траву. Напротив станций и полустанков под кронами деревьев красуются бревенчатые избы, отделанные резьбой и узором. А совсем неподалеку над ними возвышаются многоэтажные белокаменные здания. В таком близком соседстве старого и нового достигается строгая гармония, радующая сердце и взор.

«Что за поселок?» – спрашиваю я себя, когда электричка, замедлив ход, останавливается у бетонной площадки перрона. В палисаднике утопающих в зелени изб густо рдеют гроздь рябин.

–Переделкино, – объявляет машинист и послушная память подсказывает, что это укромное любимое место московских писателей, их дачный поселок, над которым витает Муза творчества и вдохновения. Здесь поверял свои светлые мысли бумаге Константин Федин.

В последние дни посещала Муза Ярослава Смелякова и других прекрасных мастеров художественной прозы и поэзии. Переделкино – живой родник русского языка, источник вдохновения, хранитель истории о замечательных людях, гордости русской литературы. Потому так притягательны эти места для истинных почитателей талантов.

Далее город Наро-Фоминск. Здесь, в свою бытность неко-

торое время жил Антон Чехов. Неподалеку от города Балабаново героические места русской славы и доблести: село Тарутино, Бородинское поле, а по пути от Обнинска до Калуги город Малоярославец, также вошедший в историю Отечественной войны 1812 года.

Небольшой экскурс в прошлое и вот я в Обнинске. Иду по широким просторным улицам. Город физиков и энергетиков, ученых различных отраслей науки продолжает строиться. Улицы уходят прямо в лес, потому под окнами домов шелестят высокие белоствольные березы, пламенеют рябины, а в парках поражают своим величием корабельные сосны. Строители аккуратно вписывают город в лесной ландшафт.

– Город наш молодой, но заслуженный, – рассказывает брат Виктор.– Здесь в 1954 году построена первая в мире атомная электростанция и была создана большая сеть научно-исследовательских институтов, в том числе физико-энергетический, сооружена трехсотметровая мачта Гидрометеоцентра СССР. В открытии обелиска и вечного огня в честь погибших воинов участвовал Маршал Советского Союза, прославленный полководец Георгий Константинович Жуков.

Одна из улиц Обнинска названа его именем. Он родился недалеко в селе Стрелковка, а ныне города Жуков.

Зеленые газоны, тенистые аллеи, в клумбах догорают цветы. Последние дни августа, но осень уже разводит кистью

свои акварели, золотит листву, красит деревья и кусты в багрянец и пурпур.

ЗА ГРИБАМИ

За окном идет дождь, мелкий, словно просеянный через решето. Мокнут березки-сестры во дворе. Из приоткрытой половины окна тянет прохладой, пряными запахами близкого леса.

–Грибной дождь, – говорит Виктор. – Готовься в лес за грибами.

Знаю, что среди коллег – сотрудников института, он самый заядлый и опытный грибник. Брат снимает с полки несколько иллюстрированных книжек и протягивает их мне:

– Почитай пока о грибах, полагаю, что мухомор ты, наверняка, сможешь отличить от съедобных грибов?

Утвердительно киваю головой, хотя мухомор видел разве что на картинке. Изучаю грибы, а их ни мало, ни много... двести видов.

На следующий день мы встали задолго до рассвета и вышли из дома. Прохладные сумерки окутывали город. Лес темной стеной проявлялся на небосклоне, где едва не касаясь верхушек деревьев, блистала голубая звезда. Совсем рассветло, когда мы, неся в руках плетеные корзинки, вышли на окраину города.

По узенькой тропинке, над которой смыкались кроны берез и сосен, мы пересекли лесной массив и попали на зеленую сочную полянку. Тут и солнце выглянуло, засеребрилась роса на траве, среди которой проклюнулись ромашки. Все норовил забраться поглубже в лес в надежде, что там и грибов побольше, но Виктор остановил меня:

– Грибы, они ведь тоже солнышко любят. Чаще всего на полянках и прогалинках растут...

Вскоре я убедился в правоте брата. Пока я пробирался сквозь чащобу, натываясь на сухой валежник, он срезал несколько подберезовиков. Тогда и я решил искать грибы на поляне. Повезло, взгляд натолкнулся на светло – коричневую шляпку подберезовика. Он прятался под стебельками скошенной травы. Срезал один подберезовик, а рядом второй, третий... Постепенно я стал постигать тайны семейства грибов. Уверенно различал сыроежки, моховики, подосиновики, грузди, чернушки...

Узнал, что грузди и маслята любят тенистые места, а подосиновики, подосиновики и белые грибы предпочитают солнечные полянки. Свинушки целыми семействами растут в рытвинах и канавах.

– Осторожнее, не повреди грибницу, – советует мне Виктор, когда я срезаю очередной гриб. Переходим от одной полянки к другой. Прислушиваюсь.

– Тук-тук, – разносится по лесу. Это дятел, примостившись на высокой осине, занимается своим привычным де-

лом. Стараются лесной доктор. Издали замечаю под березой большой красный гриб. Конечно же, это мухомор-красавец. Сам просится в корзину, да только никто его не берет. Подхожу ближе: да их здесь целая семья. Из травы поднимаются красные шляпки с белыми пятнышками. Польстишься и сразу полная корзина будет, но я прохожу – пусть красуются. Они тоже необходимы в экологических нишах, в сложном организме природы.

Рядом прозрачными бусинками краснеет волчья ягода. На сырой земле, запятнанной желтыми и багряными листьями, резные листочки земляники. Душистые ягоды ее уже отошли. Возле ствола сосны горка земли – муравейник. Светло-коричневые трудяги снуют по стволу, перетаскивал былинки. Наблюдая за жизнью леса, я не забываю и о грибах, постепенно наполняя ими корзинку.

– Нашел, нашел, – послышался голос Виктора. Он поднимает над головой два белых гриба-крепыша. Находка белого гриба, особенно приятна, ведь в нынешнее лето они большая редкость.

У края поля, с которого еще в июле скосили рожь, я нашел десятка два шампиньонов и шаровидных белых словно из гипса, дождевиков.

– Для начинающего грибника неплохо, – оценил мое усердие брат. Вечером он колдовал над грибами, готовя их по какой-то только ему известной технологии.

– Скоро опята пойдут, – говорит он. – Тогда наведаемся

на вырубку. Они на пеньках гнездятся.

В субботу грибников было больше, чем грибов. С корзинами, кошелками и сумками они осадили электричку. Мы поехали в Суходрев.

Грибов собрали мало, там не было дождей. Зато лес там такой прекрасный, березняк прозрачный и звонкий, как, музыка. Зеленый смолистый ельник. Здорово отдохнули.

НА РЕКЕ ПРОТВЕ

Небольшая река Протва, но красива. Она – младшая сестрица полноводной и знатной Оки. Подмосковье славится небольшими речушками, в которых отражается синь небес. Вот только некоторые из этих рек – Нара, Суходрев... В дождливые и снежные годы они выходят из берегов, а в бесснежную зиму и знойное лето обмелели. Вместе с Виктором идем проведать Протву. Минуем городской парк культуры и отдыха, в котором высятся могучие сосны в два, а то и в три обхвата.

Река протекает чуть в стороне, в старом районе Обнинска, где сохранились ветхие дома с яблоневыми садами и палисадниками в цветах. От них струится густой ароматов. Зеленая лужайка упирается в пологий берег Протвы. Она течет плавно с достоинством.

Возле лодочной станции с одного берега на другой пере-

кинут мост. У причала отдыхают зеленые, голубые лодки. Ласково светит солнце. На противоположном, поросшем кустарниками и березняком берегу, купаются ребяташки, поднимая сверкающей цветами радуги брызги воды. Из-за поворота реки вынырнула лодка. На корме сидит девушка в белом платье и широкополой шляпке. Парень старательно налегает на весла.

Под сенью высокой березы, шелестящей листвою, как золотым монистом, встречаем рыбака, следящего за поплавком.

– Рыба есть?

– Есть, – улыбается парнишка с веснушками на лице, и хитро подмигивает. – В реке, отдыхает.

– Тяни! – воскликнул Виктор, увидев, что поплавок удочки ушел под воду. Удилище упруго выгибается в руках рыбака. Блеснув зеленовато-оранжевой чешуей на солнце, в траву плюхается большой карп.

– Во-о! – радостно восклицает парнишка.

– А говорил, что в реке отдыхает, – пожурил его Виктор.

На воде колеблются лиловые тени берез. Нет, нет да и упадет сверху золотой листок и поплывет корабликом по течению. Это осень отправляет в рейс свои визитные карточки.

– Я на Протве зимой рыбачу, – признается брат. – Что за прелесть подледная ловля. Тянешь из лунки рыбку за рыбкой. А выпадет удача – щука подцепится на крючок.

Виктор умолчал о том, что это занятие для него однажды

чуть не кончилось трагически. Спасая незадачливого рыбака, опрометчиво ступившего на тонкий лед, он сам оказался в ледяной воде.

И только благодаря самообладанию и смекалке, самостоятельно выбрался из полыньи. Вечером мы с братом едем на его скромную загородную дачу, где буйно разросся малинник. Я, словно мальчишка, лакоплюсь алыми ягодами и их привкус напоминает о детстве.

ЗОЛОТОЙ ДОЖДЬ

Осень подохла клены и они стоят торжественные и праздничные. Их листва истаивает, как пламя свечей. Следами диковинного зверя ложатся резные листья на пожухлую траву, на брусчатку садовой аллеи, на скамью, на которой ты сидишь, прислушиваясь к музыке карнавала.

Планируют листья – предвестники туманов и дождей. Но еще четки очертания Крымских гор на горизонте. Они, словно кристалл, в ореоле солнечных лучей. Несколько листьев в твоих руках отсвечивают позолотой. В упоительной тишине мне слышатся «Времена года» Чайковского, их «Осенняя песнь». И в унисон мелодии наплывают строки:

*О, возраст осени! Он мне
Дороже юности и лета,
Ты стала нравится вдвойне
Воображению поэта.*

Ты идешь сквозь золотой дождь в лучах солнца. Я гляжу вослед с горьким ощущением предстоящей разлуки, томительной и безутешной. А в сердце серебряными бубенцами, прозрачными струнами дождя звенит твое светлое имя. Имя, как музыка чистое и тонкое, словно белый черемуховый цвет под блеском утренней звезды.

ПОЛЕВАЯ ДОРОГА

Она начинается сразу за околицей родного села и уходит в распахнувшуюся даль, туда, где каждое утро встает красное солнце и в золотисто – пурпурном мареве рождается новый день. Полевая дорога, тропинка – они возвращают забытые в мирской суете и повседневности ощущения далеких детства и юности, напоминают о естестве и первозданности природы, о ее величии и вечности.

После шума городов и суеты вокзалов приятно окунуться в тишину и ранним утром, когда еще цветы, трава и крыши сельских домов, мокрые от молочно– белых туманов и выпавшей на рассвете росы, выйти в поле. Оно открывается перед взором, тихое, широкое в обрамлении желто-бурых лесополос, немного уставшее после знойного лета.

С правой и с левой сторон от проселочной и кое-где присыпанной свежей соломой дороги щетинится желтая стерня, а на почве отпечатаны узорные следы от колес.

Но недолго отдых у поля в ожидании плуга. Здесь мне уже довелось побывать в начале июня, когда щедро колосилась пшеница, в янтарных, золотистых разливах которой маленькими факелами пылали огненно-красные маки, соседствуя с синеголовыми васильками. А с левой стороны от дороги в овсах цвел плетущийся розовый душистый горошек.

Ныне на дальнем косогоре я вижу трактор. Заглубив лемеха плуга, движется на рубеже черного и желтого. Натужно рычит мотор, но сквозь его гул я неожиданно слышу запоздалую песню незнакомой птицы. В своей головокружительной высоте она тоскует о золотом жнивье, от которого исходили свет и тепло.

Эта песнь грустной нотой тревожит сердце, и я смотрю в ту сторону, откуда скоро-скоро поплывет журавлиный клин.

У этих гордых, неутомимых птиц своя извечная незримая дорога в голубом поднебесье, и она им, наверное, мила так же, как мне, эта полевая, которая уводит от родного дома и возвращает к нему.

ЦВЕТЫ ПОД ДОЖДЕМ

В палисаднике, под выходящими на улицу окнами моего дома, полыхают цветы: розовые, белые и фиолетовые астры, горделивые пунцово-пурпурные георгины и белоснежные хризантемы. Они стремятся до поры холодных дождей и колючих ветров отдать все силы цветению, а потом светло

и торжественно угаснуть. Лишь хризантема крепка и бодра, ей дарована жизнь до самых заморозков.

Печальна и прекрасна участь у цветов – дарить нам радость, грусть очарованья, свидания и улыбки милых глаз. Некоторые из цветов уже завяли и уснули до весны, другие с желтой пыльцой роняют лепестки. Все лето они изнывали от жары, но были спасены благодаря заботливым рукам человека, а нынче с утра – пасмурно.

С запада на кошачьих лапах приблизился дождь и забарабанил по крышам домов, стеклам окон, зашелестел листьями. И непонятно было: то ли это запели голубые струны дождя, то ли зашептали, склонившись друг к другу разноцветными головками, повеселевшие цветы. Они яркими лепестками, словно губами, тянули струи дождя и влажно поблескивали. И в унисон им родились стихи:

*Ходит дождь по цветам голубой,
Навеяв мне грусть о прекрасном.
Будто вновь возвратилась любовь,
О которой мечтал не напрасно ...*

А цветы о чем-то таинственно переговаривались, пойманные в тугие сети последнего, еще немного теплого дождя.

КРАСНОЕ ЛЕТО

Утром на село напал сизо-белыми облаками туман. Он гнезвился в оврагах и лощинах, прятался в яблоневом саду, омывая пыль с желто-багряной листвы. А во второй половине дня с загустевшего неба сорвался мелкий, словно просеянный через решето дождь. Собираясь на крыше, вода по жестяному желобу стекала в деревянную, опоясанную металлическими обручами бочку.

Весь урожай с огорода собран. Лишь в оставшихся капустных листьях большими каплями ртутью перекачивается под порывами ветра прозрачная вода. Всю неделю дождило, а потом небо вдруг посветлело и установилась солнечная погода.

Осень умерила свой пыл, и наступила недолгая, но очаровательная пора, которую в народе называют красным или бабьим летом.

Жаркое солнце за день подсушило землю, выпило всю воду из капустных листьев. Поплыли по легкому ветерку, словно шелковые нити, размотанные из коконов тутового шелкопряда, тонкие паутинки.

Деревья, кусты, облаченные в багряно-парчовый наряд, приготовились к своему последнему торжеству. Бабье лето – пора свадеб. Одна за другой движутся по селу разукрашенные лентами и кольцами машины. А потом до утра не смолкают песни и гармонь зазывает гостей.

– Счастливой вам жизни, любовь да совет. Горько! – звучит за свадебными столами. Отшумит и отгорит золотом и багрянцем бабье лето, и вновь после короткого антракта на-

грянет осень с белыми туманами и частыми дождями. И в память о золотом листопаде ветер приклеит к стеклу окна багряный кленовый лист.

ЛЕСНОЕ ОЗЕРО

Собирал в Старокрымском лесу, близ Грушевки, темно – вишневые ягоды кизила в плетеную корзинку и набрел на тихое озеро. Блеснула между стволов деревьев серебряная водная гладь, повеяло прохладой. И сразу спала усталость, веселее приблизился к воде, расступились деревья и кустарники. Перед взором предстало зеркало. Со всех сторон со склонов к нему спускались багряно-желтые деревья. Я несколько минут стоял на месте, околдованный неожиданной красотой, и в сердце зазвучал мотив:

*Лесное озеро – осколок неба синий,
Застыл в оправе листьев золотой.
Нет уголка светлее и красивей,
Чем Крым благословенный и родной.*

Ветер щедро набросал охапки листьев к берегам, и они заскользили по глади маленькими смолисто-золотыми корабliками осенней флотилии. Я присел на нагретый лучами, покрытый у самой воды изумрудной прозеленую камень .

Огляделся. Вокруг было необычайно тихо. Не обнаружил даже следов от костров, которые, после себя обычно остав-

ляют туристы, лишь узенькая тропка уходила в глубину леса.

Набрал горсть кизила и погрузил его в воду. Когда поднимал, одна ягода рубиновым камешком скатилась с ладони и медленно опустилась на дно. Пусть она станет монеткой – залогом возвращения к озеру, очаровавшему меня своей красотой.

В ПАНТИКАПЕЕ

Октябрь рисует акварели: от ярко-красных, багряных, пурпурных и палевых до золотисто-оранжевых и желтых... Какое богатство оттенков, плавных переходов из одного цвета в другой. Скромна палитра художника в сравнении с яркой палитрой крымской осени.

Если весной цвета в природе четко выражены: зеленый, белый, розовый, сиреневый, то осенью пылает гамма красок. Она быстро меняется под солнцем, для которого земля, как огромный мольберт, а лучи – кисти в руках невидимого художника.

*О радость красок! Снова, снова
Лазурь сквозь яркий желтый сад
Горит так дивно и лилово,
Как будто ангелы глядят...*

Эти пронзительно светлые бунинские строки пришли на память, когда с вершины одного из холмов я смотрел на

сверкающий в холодных лучах солнца город с нацеленными в зенит стрелами кранов. Он раскинулся внизу в золоте деревьев, заглядевшись в лазурь морского плеса. Вот вблизи водной станции мелькнул белый, парус, а летом их было как чаек в синем просторе, вдалеке вспенил воду катерок.

Как знать, довелось ли поэту Ивану Бунину наблюдать подобную картину и вообще побывать на легендарной керченской земле, но одна, из его строк «свежо тут дует ветер из простора сарматских диких мест», как будто родилась из воздуха Керчи.

Стоят прозрачные в янтарных лучах деньки, сгорающие в пламени красок. Но близка, близка пора обжигающе – холодных норд-остов, когда вздыбленные ветром волны разыграются даже в заливе. Солевые брызги обрушатся на берег. А каково рыбакам на путине в грозном сонме стихий моря и ветра.

Камениста земля, хранящая в недрах металл, пронизанная суровыми ветрами, во все времена рождала людей стойких, мужественных. Глубоки генетические корни нынешних керчан, прочна связь поколений. Столетия пронеслись над древним Пантикапеем и другими городищами в трудах, в сражениях, в борьбе за жизнь.

Спускаюсь с горы Митридат узкой крутой тропой между валунов. В древних развалинах, в расщелинах меж вросших в землю камней, где есть хоть малость скудной почвы на жестких, как проволока, стеблях кипень иссиня – сирене-

вых крохотных соцветий. Удивляюсь откуда столько выносливости, жажды жизни, ведь все лето и начало осени были сухими. Желтыми лепестками, словно опустился золотистый рой ос, осыпана сурепка. Тишь витает над Пантикапеем— маленьким островком в центре бурной стремительной жизни.

Лишь заплутавший среди домов близкой улицы, задорный ветер залетел сюда и перешептывается с сухими травинками. Сколько их смешалось с почвой, с камнями, укрывая слой за слоем предметы прошлого. Трепещет на ветру серебристый лох с желтоватыми бусинками плодов. Залетевшая откуда-то стрекоза стрижет прозрачными крылышками над синими соцветия, радуясь последнему теплу.

У выложенного серыми камнями желоба-водостока обрядился оранжевыми плодами шиповник. А у каменных кладок, где по предположению археологов, находились дома ремесленников, желтым пламенем взметнулись кусты кленовой поросли. А вот и древний колодец с ржавой решеткой, прикрывшей его ствол. Разве что осенние дожди одарят влагой. Сколько сил затратили землекопы, чтобы в камнях пробить ствол. На вес золота ценилась пресная вода.

Правее причудливыми изваяниями громоздятся огромные глыбы. Поднимаю несколько черепков с потускневшей поверхностью. Когда-то весело вертелся в мастерской гончарный круг, и умелые руки мастера подчиняли себе глину.

Цепь моих размышлений оборвалась, когда неподалеку от входа в городище я увидел художника. Он лишь на миг вски-

дывал свой пристальный взгляд на две колонны с перекрытием, а затем на мольберт, чтобы коротким мазком запечатлеть подмеченную деталь.

– Время безжалостно. Оно разрушает даже камень,– говорит он. – Пусть хоть на картинах останутся лики прошлого. Люди должны знать свои истоки.

Лазурью отсвечивает высокое небо. Но скоро оно загустеет, словно выстиранное дождями в синьке. Улетят, наполняя сердце щемящей грустью, перелетные птицы. Первые заморозки посеребрят землю. А пока я читаю книгу осени, полную грусти и очарования.

В САДУ

Осень подкрадывается незаметно, словно рыжая лисица, вначале невидимая для глаза, а затем полыхнувшая огненно-оранжевым хвостом. В первые дни властвует лето, и листва на деревьях и кустарниках зеленая, но нет-нет и блеснет на солнце желтый листок, напоминая о том, что наступает золотая пора увядания и скоро все вокруг затрепещет в богатом разноцветном убранстве. И, отдавая дань земле-матушке, звонкими монетами станут падать вниз листья багряных кленов, желтых акаций и тополей. Деревьям, кустарникам, цветам жалко расставаться с листвой, но таков суровый закон природы.

Удивительно, благодатно в эту пору в саду. Далеко разли-

ваются серебряными бубенцами смех и голоса сборщиц урожая. В воздухе плывет пряный запах краснобоких и желтых, медовых яблок. Плетеные корзины, ведра в загоревших руках быстро наполняются сочными плодами, вобравшими в себя благодать крымской земли и энергию солнца. Вот перезревшее яблоко с самой верхушки дерева, где оно столько дней нежилось в солнечных лучах, глухо упало в пожелтевшую траву. И следом за ним наклонилась девушка.

Из-под голубой косынки с лукавым озорством блеснули черные, как маслины, глаза. А ее подруга очаровала васильковой синью взгляда. С затаенной улыбкой гляжу на них, юных и чарующих своими взорами.

Яблони, словно руки, выпрямляют свои ветви, отягощенные крупными плодами. Их розово– лиловая кора матово светится в лучах еще теплого солнца. А я думаю о том времени, когда налетит холодный ветер листопада, просторно, прозрачно и неуютно станет в саду. Деревья, словно на гравиоре художника, безмолвно и грустно застынут в просини неба. Лишь кое-где долго будут светляками пламенеть оставшиеся яблоки и багряные листья, пока налетевший ветер не собьет их.

«ЗМЕЕЛОВ»

В ласковую пору золотого бабьего лета я вышел на берег залива, ощутив свежее дыхание розы ветров. В ярких бли-

ках солнца на мелководье, шевеля зеленовато-бурыми плетями водорослей, набегала легкая волна. И тут же откатывалась назад, чтобы возвратиться снова. Я окинул взором бирюзовый простор. Вдалеке по проливу у темной полосы косы Тузла проходили в Азовское море и в обратном направлении суда: танкеры, сухогрузы, изредка рыболовецкие сейнеры.

В заливе скользили яхты, виндсерфинги, вспарывали воду гребными винтами прогулочные катера. В двухстах метрах от берега, то появляясь на поверхности, то уходя вглубь, выгнув черные блестящие тела, два дельфина, охотились за кефалью, любимым лакомством.

Я тоже, охваченный азартом охотника, решил заняться древним промыслом. Наладил удочку, насадил на крючок креветку и забросил леску со свинцовым грузилом в воду. Сфокусировал взгляд на поплавке из гусиного пера. Вскоре поплавок стремительно ушел вглубь и в тот же миг я взметнул бамбуковое удилище. На крючке, сверкая серебром, извивалось какое-то непонятное существо. Длинное и по форме не похожее на рыбу. Неужто змея? Перехватив леску, я оглядел добычу и пришел к выводу: это не змея, ведь обличье рыбе, плавники и рыбий хвост.

Так это ж сарган!— вспомнил я иллюстрации об обитателях Азовского моря. Обычно этот вид рыбы, очень вкусной в вяленом, копченом и жареном качестве, водится в определенных, известных лишь бывалым рыбакам, местах. А это

какой – то приبلудный и попался на креветку-рачка, которого обожают и другие его собратья. После этого случая сарган мне больше на мелководье Бочарки не попадался.

Однажды зацепилась камбала-глосса, наверное, мигрировавшая из Сиваша и акватории Арабатской стрелки. Чаще всего клюет бычок во всех своих разновидностях, а в отдельные периоды, с изумрудно-желтыми переливами зеленуха.

Но змею мне все же удалось поймать на удочку. Не верите ? Я бы и сам не поверил, если бы не убедился в этом воочию. Обитающие в прибрежной зоне эти земноводные пресмыкающиеся, в летне-осеннюю пору любят охотиться на бычков в теплом, пронизанном лучами солнца, мелководье. Я забросил леску с наживкой и закрепил удилище в камнях, а сам занялся добычей деликатеса мидии, очень богатой белком.

Забравшись по грудь в воду, на ощупь, сдирал с камней черные ракушки с желтыми моллюсками внутри. Наполнял ими садок из мелкоячеистой сети. Увлёкся занятием, словно охотой за грибами.

Вдруг услышал за спиной громкий плеск воды. Обернулся – бамбуковое удилище, выгибаясь, трепетало от туго натянутой лески, которая, того и гляди, лопнет, как струна. Поплавок то уходил на дно, то пробкой выпрыгивал на поверхность. Наверняка, крупный пиленгас или кефаль попалась, подумал я, предвкушая сюрприз. Быстро выбрался на берег.

Потянул на себя удилище. Увидел голову змеи. Она изви-

валась на леске. Я вытянул ее на сухую из водорослей подстилку. Как это ее угораздило клюнуть наживку? Пригляделся – из ее рта торчит голова маленького бычка и представил себе ситуацию, которая возникла в воде. Бычок первым попался на крючок, а когда его выследила и атаковала змея, он, удерживаемый леской, не смог от нее спрятаться под камнем. Поэтому бычку суждено было стать живцом.

Оказавшись на суше и, обуреваемая инстинктом самосохранения, змея, изловчившись, выплюнула едва живого бычка. Быстро скользнула в расщелину между выбеленных солнцем камней и через минуту я увидел над поверхностью воды ее черную головку. Надо сказать, что змеи, увлеченные охотой, очень чутко реагируют на движение на берегу.

Стоит только наклониться, чтобы поднять камешек, или взмахнуть рукой, как она исчезает в глубине и нескоро появляется в нескольких десятках метрах от прежнего места. Поднял, как мне показалось печально взирающего фиолетовыми зрачками бычка в награду за его стойкость, пережитый стресс и дарованный мне сюжет, выпустил его в воду. Шевельнув хвостом и плавниками, он спрятался под поросшим зелеными водорослями камнем, над которым промелькнула шустрая рыбешка – игла. Так по воле случая я из рыболова превратился в «змеелова».

Забросил удочку и на его поплавке устроилась стрекоза, решившая, что он предназначен для посадки в воде, нечто вроде микро-буйка для насекомых. Вовремя снялась, когда

поплавок ушел под воду.

ТОПОЛИНАЯ ГРУСТЬ

«Закрывается тополь взъерошенный серебристой изнанкой листа», – эта строка из стихов Николая Заболоцкого, точно передающая детали, всплывает памяти, когда я вижу, как налетевший с моря ветер —норд-ост, раскачивает верхушки растущих у берега тополей, треплет листву. Но в эту пору она не серебристая, а золотая, как сверкающий бисер, нанизанный на тонкие нити. Вдали белые буруны на ультрамарине воды с шумом обрушиваются на прибрежные, выбеленные солнцем и солью камни и разбиваются на тысячи ярких осколков.

Время от времени к причалу, что за Бочаркой, подходят сейнеры за очередной порцией горючего. Иной раз включенная на полную громкость радиостанция, доносит в обрывках кратких рапортов и фраз накал осенней путины, когда в сетях и трюмах трепещет живое серебро – хамса, килька, тюлька и другие дары Азовского и Черного морей.

Пустынен некогда оживленный берег. Выгнутой подковой с цепью поросших с выгоревшей желтой травой холмов, он спускается к голубой чаше бухты. На ближних склонах видны сиреневые и иссиня—фиолетовые соцветия. В небе тонут печальные крики чаек и бакланов, планирующих вниз и на гребни волн, накатывающих от таманского берега словно

вестники милой России.

Иду вдоль стройной шеренги тополей. Осень разводит акварели. Солнце подожгло лучами листву и она вспыхнула оранжевым пламенем. Порывистый ветер срывает и кружит в воздухе, бросает на дорогу словно горсть отчеканенных монет. В выцветшем ситце неба потянул караван перистых будто высеченных из мрамора облаков.

Тополь словно ракета на стартовой площадке, устремлен ввысь. Трогаю ладонью его шершавый ствол, прислушиваюсь. Ему жаль расставаться со своим парчовым нарядом. Он вздрагивает и шумит натужно в предчувствии листопада. Но ветер-забияка не может понять тополиной печали. И подобно тому, как весной в воздухе кружил тополиный пух, так нынче осыпает землю листьями.

Тишиной окутана улица Цемслободки, а прежде здесь по дороге к живописному берегу шли любители рыбной ловли и морской купели. Тогда морской плес манил теплыню и даже не смущал усыпанный камнями берег, где на мелководье среди бархатистых водорослей угрожающе чернели приросшие к камням ракушки мидий.

Я увидел идущих к морю ребятишек. В руках у них удочки. Рядом юная рыбачка в красной косынке, словно посланница щедрой осени.

ПОДСОЛНУХ

В небольшом палисаднике под окнами многоцветие, как на палитре художника. Розовые, белые и фиолетовые астры, бордово-красные георгины, оранжевые календулы, белые хризантемы....

Есть тонкие властительные связи

Меж контуром и запахом цветка.

Как бриллиант невидим нам! Пока

Под гранями не оживет в алмазе,

– философски стремился осмыслить связь явлений и суть вещей поэт Валерий Брюсов. Большинство цветов своей формой повторяют солнце. Может, поэтому их щедро согревают лучи и фотосинтез творит свое дело, как живописец щедро раздаривая акварели.

Какая гамма красок, тонов, полутонов, тонкие переливы цвета. Вот среди сплетения стеблей и цветов из оброненного кем-то семени на прочной ножке горделиво стоит подсолнух. Все его собратья на полях отцвели и одарили земледельцев урожаем. А этот, заблудившийся среди городских многоэтажек, радуется взору раскачивающейся на ветру головой, жадно вбирает в себя последнее тепло. Да не дано ему нынче взреть. Рядом растущий шиповник с пунцовыми светляками плодов колючей веткой зацепился за корону подсолнуха.

Желтый лепесток тягучей каплей меда упал на землю и замер осколком на пожухлой траве. Едва я отошел на несколько шагов, как налетела стайка смышленных воробьев и принялась клевать недозревшие семечки. Не суждено долго по-

лыхать под солнцем.

Уже и поздние цветы – дубки, которым и первый морозец не страшен, заявили о себе. Теплится жизнь в палисаднике до той поры, пока его не запорошит снегом, не остудит морозом. Но и тогда плоды шиповника яркими огоньками будут поблескивать среди холодного безмолвия.

НА РЫБАЛКЕ

Ранним утром, когда еще молочно-сизый туман гнездился в пойме поросшей камышами речки Джарджава, что в окрестностях Керчи, я пришел на побережье залива – в укромное место за Цементной слободкой, больше известное керчанам как Бочарка. Утро выдалось тихое. Штиль, и на мелководье у берега с большими и мелкими камнями -валунами, за лето выбеленными солнцем, словно сквозь прозрачную призму, видно дно. Камни под водой поросли зеленовато-бурыми водорослями, черными ракушками мидии, прочно прицепившимися ворсинками – бисусами.

Вижу, как на песчаной отмели боком прополз крохотный краб, а над ним проскользнула рыбешка-игла. В сотне метрах от берега на резиновой лодке с веслами заядлый рыбак, еще раньше меня прибывший на Бочарку, выуживает удочкой рыбешку за рыбешкой.

Наверняка, бычков, хотя если запасся с лиманов морским червем, то есть шанс поймать кефаль, пиленгаса, либо сар-

гана. Улов он кладет в садок, но вот одну из мелких рыбешек бросает в воздух. И тут же десятка два чаек, расположившихся поблизости, поднимаются следом. И лишь одной из них, самой шустрой, удается полакомиться. С криком они опускаются на воду поодаль, зорко наблюдая за движениями рыбака.

В отличие от них неутомимый нырок, пропадаая в глубине на две -три минуты, сам добывает себе пропитание. Вынырнет в нескольких десятках метров от прежнего места и снова погружается в воду. Нырок, точнее и не назовешь эту птицу.

Я тоже приготовил удочку. Достал из воды ракушку мидии, разбил ее и желтую мякоть нацепил на крючок. Для бычков – это лучшее лакомство. Взмахнул бамбуковым удилищем и забросил леску с грузилом в воду, в светлое оконце с песчаным дном. Минуты через две-три поплавок заплесал на поверхности, а потом резко ушел под воду.

Потянул удилище, ощущая, как упругой тетивой, натянувшись леска. В лучах солнца серебристо сверкнула рыбешка – бычок кругляк. Через час-полтора в моем садке – мелкоячеистой сети – уже было десятка три бычков – кругляков, ротанов, каменщиков...

Опустил садок в воду, закрепив его у берега. Увлеченный ловлей, отошел метров на пятнадцать и неожиданно услышал за спиной громкий всплеск. «Неужто бычки в садке разгулялись, пытаясь вырваться на свободу, в родную стихию?» – подумал я.

Возвратился к садку и увидел змею, застрявшую в узкой ячейке. Она, изгибаясь, тщетно пыталась выбраться из западни. Очевидно, успела заглотнуть одного из бычков, ее тело увеличилось в диаметре, вот и оказалась в ловушке. Надрезал ножом ячейку, и змея, лавируя между подводных камней, ушла вглубь. Безобидное существо, почему-то вызывающее неприязнь и страх у людей. На побережье Азовского моря, где их особенно много, есть мыс Змеиный.

Огляделся, вдалеке в направлении Минного причала, что у мыса Ак-Бурун, увидел одинокого рыбака со спиннингом. Вспомнил, как в июле и августе здесь с розового рассвета и до малинового заката царило оживление. Звенели голоса детишек, резвившихся в теплой, как парное молоко, воде на песчаной отмели.

Абориген из Цементной слободки с большим прямоугольным садком усердно бороздил воду у побережья, добывая деликатес – рачков-креветок. Нырятьщики из глубины доставали ракушки мидии и рапана. Пловец в ластах и маске с ружьем в руках охотился на крупную рыбу.

На берегу курились дымки над таганками, сложенными из камней, на которых гурманы поджаривали мидии – богатый белками моллюск. В акватории залива белели паруса яхт и виндсерфингов.

Нынче пустынно. Прозрачная вода обжигающе холодна. Камни оплетены высохшими на солнце водорослями. Я взвесил на руке улов – достаточно. Хватит и на уху, и коту Мар-

кизу полакомиться.

Каждый на море охотник – рыбак, нырок, чайка, мартын, змея, и всех оно кормит. С этой мыслью, собрав удочки, поднялся мимо полуразрушенного дождями и ветром старинного грота на холм к озеру и далее по тропинке в урочище.

КРАСНЫЙ ЛИСТ

Красный смородиновый лист затрепетал на гибкой ветке, словно сигналив о приближении буйной поры листопада. А рядом загорелось еще несколько светляков с небрежными мазками багряной акварели. Я прикоснулся к влажному от утренней росы листку с ощущением, что вдруг обожгу ладонь, как о раскаленные угли. Но вместо ожидаемого ожога, ощутил прохладу остывшего за ночь листка. Он хрупко отделился от ветки и диковинной бабочкой, промелькнув среди упругих прутьев, опустился на почву. Легко и отрешенно.

Мне довелось побывать на этой уютной, поросшей по краям кустами смородины, шиповника и боярышника, поляне в ту пору, когда склонившись к сочной траве, ветки были усыпаны красно-черными ягодами. Палило знойное солнце и в каждой бусинке отражался его лик.

Как в далеком детстве, я до оскомины лакомился терпко-сладким соком. И в какие потом дали не уводила меня дорога, думая о родном доме, я ощущал привкус смородины на губах.

И вот я снова на поляне. Осыпались в срок не собранные ягоды, посветлели, стали прозрачнее смородиновые кусты, а шиповник облеплен оранжевыми плодами. Завяли пестрые дикие цветы и распался, растворился в этой сухой траве их некогда веселый хоровод.

Печально-упоительная пора увядания, последний праздник красок, очаровывающий своей грустью. Здесь, вдали от шума и суеты больших городов особенно остро ощущается нерасторжимая связь человека с природой, его колыбелью. И наша жизнь сродни жизни цветов, деревьев недолговечна. Утешает мысль, что повторится в будущих поколениях.

Я поднимаю красный лист и как талисман прячу его в записную книжку. В один из долгих зимних вечеров, когда отшумит листопад и угаснут краски, он воскресит в памяти осенний пейзаж и теплая волна согреет сердце. Словно шелк в лучах серебрятся паутинки и мягко планируют листья, отсчитывая золотое время.

ЩЕДРЫЕ ДАРЫ

Урочище раскинулось от Бочарки по изрезанному оврагами ландшафту до крепости Керчь с уникальным фортом высотой 110 метров над уровнем моря знаменитого военного инженера Эдуарда Тотлебена.

Здесь царствует златокудрая осень, не жалеющая ярких красок. некогда высаженные людьми кустарники и деревья

разрослись, одичали. Под ногами мягко пружинит влажная листва, а ветки оплетены серебристыми нитями паутины, ажурными кружевами, в центре которых затаившиеся пауки поджидают добычу. Некошенная трава разрослась по пояс. В ней фиолетово-сиреневые соцветия, запоздавшие, с синими очами стебли цикория. Еще недели три-четыре назад цикорий обильно цвел и на побережье, и на полянках в урочище, а ночью складывал синие лепестки, чтобы с первым прикосновением лучей открыть их.

Благодаря знойному лету щедро нынче осень на дары. Ветки боярышника с желтыми, похожие на смородиновые листья, усыпаны черными, темно-вишневыми, ярко-красными с белым налетом сахара плодами. Шиповник тоже уродил обильно, поблескивает многоточием своих плодов в холодных лучах солнца.

Месяц назад низкорослые кусты терновника тоже были усыпаны иссиня-черными плодами, но осыпались. Кроме них здесь одаривала своими желтыми душистыми ягодами алыча и жесткими плодами – дикая айва. Настоящая кладовая витаминов.

В том же боярышнике содержится более сорока полезных для человека компонентов – органические кислоты (аскорбиновая кислота), полисахариды, жирные и эфирные масла, каротин, витамины. Желтая мякоть плодов боярышника сладковато-вяжущая. Из них готовят целебные настойки и отвары. Столь же полезны плоды шиповника, тер-

на. Вкус этих плодов напомнил о далеком детстве. Живя в одном из сел степного Крыма, когда вокруг не было ни садов, ни виноградников и осенний ветер гонял перекаати-поле, мы, подростки, с большим нетерпением ждали поездки со взрослыми в Старокрымский лес. Усердно помогали собирать кизил, терн, боярышник, шиповник, лещину и хмель. И долго потом, до следующей поездки, жили впечатлениями от посещения леса.

«Ничего в жизни я так не любил, как лес с его грибами и дикими ягодами, с его букашками и птичками, ежиками и белками, с его столь любимым мною запахом перепревших листьев», – искренне признавался великий русский писатель-психолог Федор Достоевский. «Отраден вид густого леса в знойный полдень, освежителен его чистый воздух, упительна его внутренняя тишина и приятен шелест листьев, когда ветер порой пробегает по его вершинам», – делился своими ощущениями замечательный русский писатель, сказочник и натуралист Сергей Аксаков. Мне близки и дороги мысли этих великих людей.

Нынче, собирая плоды, подметил одну закономерность. Как и роза, боярышник, шиповник, крыжовник, а также терновник, облепиха и ежевика наделены острыми щипами и колючками. Рачительна хозяйка-природа. Все, что представляет большую ценность и красоту, обеспечила защитой. Впрочем, в природе нет бесполезных растений и животных, просто порой их виды еще до конца не познаны человеком.

С ВЫСОТЫ ПТИЧЬЕГО ПОЛЕТА

Из урочища я вышел в сосновый бор. Над головой сомкнулись высокие кроны в чистой просини неба. Запахло смолистой хвоей, а внизу, на влажной земле, увидел разбросанные шишки. По соседству с соснами растет молодой дуб. Увы, и сюда докатились волны цивилизации: пепел костра, пластиковые бутылки и стаканы – следы недавнего пикника, нарушившие гармонию бора.

Слышу переключку, и щелканье, и пение незнакомых птиц, нашедших здесь для себя приют. Небольшой бор обрывается поляной с дикорастущими кустами шиповника. Я поднимаюсь на холм. Отсюда открывается прекрасная панорама древнего города, Керченского залива и Керчь-Еникальского канала. От мыса Еникале со старинной турецкой крепостью до мыса Ак-Бурун с крепостью Тотлебена блистает в лучах солнца бирюзово-голубая чаша залива. В его излучине подковой расположился город с белыми, как океанский лайнер жилыми кварталами на противоположном берегу, стрелами порталных кранов в районе морского торгового порта, плавучим доком судоремонтного завода, с колесом обозрения на набережной.

И над всем этим возвышается символ города – гора Митридат с обелиском Славы. Ночью город представляется огромным фантастическим кораблем с обилием разноцвет-

ных огней, над которым сияют звезды, отражающиеся в темном бархате залива. По акватории Керчь – Еникальского канала, мимо косы Тузла денно и ночью следуют суда торгового и рыбного флотов: танкеры, сухогрузы, сейнеры во время пугины. Бесконечен этот поток – тысячи судов.

Стоят последние благодатные дни золотой осени. Через неделю-другую задует резкий норд-ост и волны на море и в заливе взбунтуются. Накатят тяжелыми свинцово-серыми бочками на берег, разбиваясь о камни на мириады брызг. Выбросят зелено-бурые плети водорослей. И тогда не всякий рыбак рискнет выйти в море или отправиться с удочкой или спиннингом на камни Бочарки. А холодные струи дождей погасят багряно-красные, желтые и пунцово-пурпурные кусты благодатной осени, подарившей красоту и очарование.

ЧЕРНАЯ ЯГОДА

Еще весной, прибыв на каменистый берег залива, что у холмистого мыса Ак-Бурун, я на зеленой поверхности склонов увидел белые островки, как будто ночью локально выпал снег. Но этого не могло быть, потому, что последний снег, обильно увлажнивший почву и давший вместе с теплыми лучами солнца жизнь тысячам стебельков трав и полевых цветов, истончился и сошел еще полтора месяца назад.

Тогда я по крутой, едва приметной козьей тропинке (домашние козы здесь нередко пасутся), поднялся на склон. По-

дошел поближе к островкам. Не низких колючих кустах терновника закипало белопенное цветение. Это весна— рукодельница сплела прекрасные, замысловатые кружева из белых шелковых нитей. Среди беспорядочно растущих веток с острыми шипами колючек в голубое небо взирали маленькие изящные цветки. Над ними, тонко звеня, трудились пчелы, собиравшие нектар.

— Терновый куст никогда не бывает пуст,— вспомнил я народную присказку и, действительно, это древнее растение, которое часто упоминается в произведениях классиков литературы, поэзии «терновый венец», «тернистый путь» и другие словосочетания, очень стойкое к морозам и другим испытаниям капризной погоды.

Не бывает года, чтобы осенью терновник не одарил человека, животных или птиц. Наши братья меньшие тоже оценили целебность, иссиня — черных с сизым налетом терпких ягод. Подобно ягодам рябины после первых морозов они становятся сладкими.

В минувшем году терновник, боярышник и шиповник щедро уродили и на сей раз, судя по буйному цветению, усердию пчел и собирающих нектар и опыляющих цветки, урожай обещался обильный. Я не ошибся в своих прогнозах. В середине лета наведаясь на знакомый склон и увидел, что ветки усеяны круглыми, но еще зелеными плодами. Знойный август с кратковременными теплыми дождями, после которых пышно разрослась трава и полевые цветы, особен-

но, синееокий цикорий с целебными цветками и корнями, способствовал быстрому созреванию плодов.

В октябре перед тем, как отправиться за экологически чистыми дарами природы в урочище в окрестностях города, выяснил, что плоды терна очень богаты витаминами и являются универсальными врачевателями от многих недугов. Они нормализуют работу желчи, печени, почек, обмен веществ, противодействуют авитаминозам и являются жаропонижающим средством. В домашних условиях из созревших плодов приготавливают варенье, компоты, кисели, маринады и наливку – терновку с тонким ароматом и приятным вкусом.

Плоды являются отличным заменителем оливок.

Терн в селекции с алычой – прародитель многих сортов сливы, в том числе мичуринского сорта Ренклод терновый. Поскольку цены на фрукты и ягоды на рынке высоки, то любители и знатоки природы могут воспользоваться щедрыми дарами.

Умельцы из твердой древесины терна издавна наловчились, подобно тому, как из можжевельника, изготавливать изящные поделки, сувениры, бусы, четки, пользующиеся спросом у туристов. Хотелось, чтобы во всем было чувство меры и сугубо коммерческий интерес не довлел над разумом, бережливым отношением к сокровищам природы, которые мы обязаны сохранить для будущих поколений. Неразумно переводить живые кусты терна, одаривающего человека, животных и птиц богатством витаминов и других по-

лезных компонентов, на мертвые игрушки, какими бы красивыми они не были.

Пусть вместо терновых венков люди лакомятся ягодами. С этими мыслями я отправился в урочище. Терновник встретил меня не острыми шипами, а обилием ягод, кое-где уже завядших и осыпавшихся в сухую траву. Мне почудилось, что они сами просятся в корзинку, сетуя на то, что люди предпочитают садовые ягоды. Дикие более богатые витаминами.

ЯБЛОНЯ И ВИНОГРАД

В жаркий полдень, чтобы сократить путь, я пошел по тропинке через седловину Митридатской гряды. Эту петляющую среди выжженной лучами солнца травы, с давних пор облюбовали и другие пешеходы. Она поднимается вверх и, перевалив через хребет выводит на улицу Чернышевского. С левой стороны расположено уютное тенистое урочище, а с правой – за живыми изгородями из колючих кустов шиповника, ежевики с красными и черными ягодами – дачные участки. Ныне на их зеленом фоне, словно на огромном мольберте волшебница осень уже старательно разводит акварели, в которых преобладают золотые, багряные и бурые краски.

Вдруг в пяти метрах от тропинки, где тоже когда-то существовал участок, теперь заброшенный с деревьями грецкого

ореха, вишен, айвы и миндаля, мое внимание привлекла высокая, метров пяти яблоня. И замер от неожиданности – с ветвей дерева свисали гроздья мелких, но покрупнее, чем у смородины и паслена, ягод.

«Неужто местный самородок, мичуринец-селекционер, объявился и привил виноградные почки к подвоям яблони? – подумал я.– Однако не слышал, чтобы подобный эксперимент существовал на практике».

Подошел поближе и только тогда заметил в нескольких сантиметра над землей толстую виноградную лозу. У самого ствола яблони она взметнулась вверх и оплела ее ветви своими руками– лозами, достигнув верхушки. Но самое удивительное: как виноградный черенок, посаженный в двух метрах от яблони, безошибочно выбрал направление роста к ближайшему от него дереву?

Ведь айва, грецкий орех и вишня находятся от него в трех-пяти метрах. Но лоза изначально избрала самый короткий путь по каким-то неведомым признакам. Возможно, обладая сенсорными способностями, чувствительные усики находят опору и по ней устремляются к солнцу. Не случайно виноград с древних времен называют солнечной ягодой, лозы которой, затеняя беседки и террасы в парках и палисадниках, оплетая балконы и лоджии, забираются до последних этажей высотных зданий.

Наверняка, несостоявшийся дачник планировал установить шпалеру для лозы, но по неизвестным мне причинам

этого не произошло и поэтому функции надежной опоры приходится выполнять яблоне.

Оказавшись без хозяйского ухода: обрезки, чеканки и подвязки, лоза одичала, а ягоды обмельчали. Даже сложно определить сорт, но больше похоже на Кокур. Сверкают пронизанные лучами грозди, отливаясь зеленовато-янтарным блеском. Они, словно самоцветы-подвески большой люстры под синим сводом осеннего неба. Не то, что лисице из известной басни, но и человеку нелегко без стремянки дотянуться до соблазнительных ягод. Только благодаря своему росту, я подпрыгнул и сорвал одну гроздь. На моей ладони ягоды засветились, словно фосфорящиеся бусы.

Конечно, тот виноград, янтарно-золотистый, изумрудный, розовый, черный и иссиня-фиолетовый, таких сортов, как Чауш, Мускат гамбургский, Изабелла или Саперави, имеет более привлекательный товарный вид, чем этот давно лишенный заботы рук человека. Но по вкусовым качествам, во-брав в себя силу земли и энергию солнца, он не уступает этим сортам. В этом я убедился, отведав сочные сладкие ягоды.

А вот на яблоне, несмотря на то, что в нынешнем году выдался богатый урожай на ранние семечковые, обилия плодов я не увидел. Лишь на самой ее верхушке красной звездой светилось одинокое яблоко.

Долго ему придется, особенно, когда осыплется листва, привлекать взоры пешеходов. До того момента, когда холодный ветер не собьет своим резким порывом. Возможно, яб-

лоня, давшая приют виноградным лозам, ради этого пожертвовала своим урожаем, но зато обрела роскошный наряд из сверкающих тысячами бусинок гроздей. Пусть путник, идущий по тропинке, утолит жажду виноградным соком, и поблагодарит садовода и яблоню, ставшую надежной опорой для лозы. Царит благодатная, щедрая на дары пора золотого бабьего лета.

ФАЗАН В УРОЧИЩЕ

С утра рыбалка на каменистом берегу залива, что в районе Бочарки, не заладилась. Оно и не удивительно, ведь нынче немало охотников не только на красную рыбу, кефаль и пиленгаса, но и на бычка. Если бы еще промышляли, как рыболовы-любители спиннингами и удочками, а то ведь тралами, сетями и драгами тонны живого серебра выгребают со дна Азовского моря и его заливов.

Рыбацкая удача от меня и приятеля Сергея с шестилетним сынишкой Мишей, явно отвернулась. К тому же со стороны крепости Еникале и пролива задул резкий норд-ост. Набежавшие крутые волны выбрасывали на камни зеленовато-бурые плети водорослей и разбивались на мириады сверкающих в ярких лучах осеннего солнца брызг. Бычки, если и водились на мелководье, то спрятались под камни в ожидании тихой погоды. Мы собрали удочки и, миновав старый полуразрушенный дождями и ветрами грот, поднялись по ко-

зье́й тропке на холмы, кое-где со стороны залива обрушенные оползнями.

По узкой тропинке, с левой стороны которой блистало море в белых гребешках, накатывающихся бочками волн, направились к темнеющему массиву сосново-дубового бора. Справа шелестела на ветру нетронутая косой высокая сухая трава, среди которой редкими островками догорали цветы: желтые, синие и фиолетовые...

В трехстах метрах начинался кустарник, переходящий в бор с высокими деревьями. Тропинка, вывела нас на старую дорогу, ведущую вдоль глубокого, заросшего колючими кустарниками шиповника и терновника рва, за которым таились невидимые отсюда казематы и подземные сооружения крепости – форта Тотлебена. С кустов шиповника уже облетели листья и среди веток с острыми шипами поблескивали красные плоды. Столь же щедро уродил боярышник и серебристый лох, осыпанный кистями мелких плодов, словно бисером.

Мишка-непоседа с тросточкой в руке бежал впереди нас, радуясь простору и возможности порезвиться. Вдруг из густой травы выскочила испугнутая им птица и через дорогу устремилась в заросли. Мальчишка остановился, с удивлением взирая на диковинную птицу.

– Смотрите, смотрите, какая цветная курица! – с восторгом прозвучал его голос. Мы тоже успели, до того, как птица спряталась, увидеть ее переливающееся цветами радуги

оперение.

– Миша, это не та курица, что у бабушки в селе ходит по подворью, а фазан, – пояснил сынишке Сергей. – Это вольная птица, которая, как кот, гуляет сама по себе. А мне вспомнилась, услышанная еще из уст учителя физики, фраза: «каждый охотник желает знать, где сидит фазан». Таким способом он учил нас запоминанию цветов спектра: красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий и фиолетовый.

В этом урочище и его окрестностях мне и прежде доводилось встречать фазанов, зайцев и пернатых. Однажды увидел, как косарь, подсекая острым лезвием, тогда еще сочную траву, вспугнул целый выводок. Неказистая фазаниха тревожно кричала и металась, оберегая своих беспомощных птенцов. Они живо разбежались в разные стороны, а она отвлекала на себя косаря, чтобы потом, когда опасность минует, призывным криком собрать свое семейство.

Косарь был без собаки и поэтому выводок не пострадал. Вот и сосновый бор, манящий своей таинственностью и прохладой, запахами хвои, трав и пожухлой слежавшейся листвы, иголок и истлевшей коры. Деревьям тесно: рядом с соснами растут дубы с молодой порослью. Среди резных продолговатых листочков свисают зеленовато-бурые желуди. Изредка, прошелестев листьями, они падают на землю, где уже отдыхают их собратья, поблескивая лакированной овальной поверхностью. Первое лакомство для диких кабанов, но они

здесь не обитают.

Зато в древние времена из желудей мололи муку и пекли лепешки. Сейчас желуди, так и просятся на низку для бус или четок. Это, пожалуй, лучше, чем варварски переводит можжевельник, бук и другие ценные породы кустарников и деревьев крымских лесов на разные поделки. Держа на ладони приятно ощущать их теплоту и изящную форму, сотворенную природой. Поблизости разбросаны коричневые сосновые шишки, а среди зеленой хвои в смолистой окалине вызревают молодые.

– Эх, упустил ты фазана, Мишка, – пожурил мальчишку отец и велел, – Теперь собирай желуди и сосновые шишки. У них нет ни ног, ни крыльев, поэтому не убегут и не улетят.

Мишка с радостью собрал несколько шишек и горсть желудей, чтобы пополнить коллекцию домашних игрушек. И в эту чащу проник шиповник и боярышник с красными светляками своих плодов.

Мне нравятся, в отличие от окультуренных, такие естественные уголки природы, где в гармонии, в переплетении ветвей, давая плоды, живут разные деревья и кустарники, выдерживая испытания и холодом и зноем, дождями и ветрами...

В благодарность за стойкость в весеннюю пору цветения, в благодатное лето и щедрую осень, певчие птицы выводят в тишине свои волшебные мелодии. К сожалению, и этот бор у мыса Ак-Бурун, где расположена крепость Керчь, не из-

бежал набегов любителей пикников и развлечений, оставивших после себя следы от костров, бутылки из-под горячительных напитков и воды, консервные банки и пакеты. Эти чужеродные детали, явно нарушают красоту и величие сосново-дубового бора.

ВЕНОК СОЦВЕТИЙ

Не только крокусы, но и одуванчики раньше срока зацвели от прикосновения волшебных лучей солнца. Их желтые фонарики зажглись среди сухой, пожухлой травы на небольших полянах, прогалинах и под кронами невозмутимо зеленых сосен, где рассыпан изумруд резных листочков земляники, готовой вот-вот вспыхнуть белой кипенью цветов. Здесь же раскинул свои продолговатые листья подорожник, а чуть в сторонке – колючий куст росторопши с тугими розетками красновато-пушистых цветков. У основания засохших стеблей крапивы появились ростки со свежими резными листочками. Я прикоснулся рукой и ощутил жжение – крапива всегда в своем репертуаре.

Одуванчики успели расцвести и превратиться в белые ажурные шарики. От легкого дуновения ветра они отправляют в полет парашютики с семенами, истончаются, растворявшись в сухостое. Ранней весной, там, где приземлятся семена, янтарными осколками жаркого солнца прорастут одуванчики. И другие растения, которые принято считать сор-

няками, приноровились для распространения своих семян использовать не только ветер, но и людей, птиц, животных. Колючки цепляются за одежду, шерсть животных и таким способом перемещаются, часть из них попадает в почву. А перекасти-поле рассчитывает на свои способности – колесом катится по равнине, засевая ее «наследниками».

В природе все гармонично и разумно. Она заботится о том, чтобы разные виды растений, животных, птиц, насекомых продолжали свой род. Этому помогают и бабочки, которые в эту пору поздней осени, тоже увлечены цветами. А вот пчел и ос не видать, наверное, перебрались на «зимние квартиры». В полдень ожил муравейник. На буро-коричневую горку, конусом возвышающую над сухотравьем, выползли, засуетились неутомные трудяги, греясь в лучах солнца.

Похоже, на короткий период межсезонья, весна подарила осени цветы из своего апрельского венка. Лишь золотистые, багряные, пурпурные и красные листья, украсившие кроны деревьев и ветви кустарников и тихо планирующие на шуршащий разноцветный ковер, созревшие плоды шиповника и боярышника, не дают усомниться в том, что хоть весна и внесла свои тона в палитру пейзажей, но повсюду властвует золотая осень – пора листопада, ранних молочно-белых туманов.

С легким шелестом, драгоценными монетками падают листья. Последние теплые погожие дни, напомнившие о весне, радуют обилием света, тепла и ярких красок.

ФИАЛОК ЦВЕТ И АРОМАТ

Месяц назад в бору среди заиндевевших стволов и веток сосен в затененных местах лежал снег, а на освещенных полянках и прогалинах таяли его лоскуты. Из-под них упорно прорастала зеленая трава. А нынче здесь царствует весна. Тысячами золотых нитей из поднебесья обрушились на землю живительные лучи солнца. От их прикосновения согрелась почва, и ожили растения.

На каменисто-мшистой почве, усыпанной сухими сосновыми иглами, расцвели фиалки. Их фиолетовые россыпи радуют взор. Больше всего цветов не в тени, среди мелколеся, кустов шиповника и боярышника с набухшими на колючих ветках почками, а на открытых пригорках. В отличие от окультуренных с крупными соцветиями и листочками, лесные фиалки – мелкие и неприхотливые, наделены нежным ароматом. Он ощущается в местах скопления.

Вблизи бисером загляделись в небо синие «анютины глазки» и лилово-сиреневые крокусы, еще в погожие февральские дни, ставшие первыми предвестниками весны. На живописных островках, таких, как сосновый бор, сохранившихся в окрестностях города, ощущается гармония природы.

Некогда безмолвное свинцово-серое зимнее небо, теперь просторно, наполнено пением птиц. Их трели и щебет нераз-

рывны с жизнью обитателей земной микрофлоры.

Я присел на выбеленный дождями и солнцем, вросший в землю дикий камень и в тот же миг услышал шорох. Обернулся и увидел, как серая ящерица юркнула в траву и скрылась в расщелине. Вокруг фиолетовые россыпи хрупких соцветий. Они навеяли эти лирические строки:

*Фиалок цвет и аромат
я ощущать и видеть рад.
На полотне ковров лесных –
в чудесной магии весны.*

Гамма яркой акварели в гармонии с тонкими запахами восхищает и радуется торжеством, силой и красотой возрождения природы.

АДОНИС– ГОРИЦВЕТ

Вышел на опушку соснового бора и восхитился ярко сияющими лепестками адониса. Недаром его еще называют горицветом. На малахитовом ковре разнотравья его крупные оранжево-солнечные цветы видны издалека. Они, словно лучи маяка, притягивают и очаровывают. Приблизился и увидел, что рядом с раскрывшимися розетками несколько набухших бутонов, вот-вот готовых проклюнуться нежными лепестками.

С древних пор адонис, о котором сложено немало краси-

вых мифов и легенд, травники ценят за лечебные свойства, благотворное влияющие на функции сердца. Подметил одну закономерность, соцветия адониса, также как и крокусов и других первоцветов обращены к солнцу и в течение дня сопровождают его. А когда смеркается, закрывают лепестки, готовясь к ночному сну. С первыми лучами солнца, словно его небесные посланники, просыпаются. Подснежники, цикламены, фиалки, крокусы, адонис – эндемики крымской природы. Отношение к ним должно быть трепетно-бережливым.

В низине, где после таяния снега и дождей влажно, у основания сухих стеблей зазеленели узорчатые листья крапивы. Почва, солнце, вода творят чудеса, даруя энергию жизни.

ЗЕМЛЯНИКА И ПИОНЫ

После засушливого апреля первые дни мая пролились с хмурых небес благодатными дождями. Под их живительными струями воспрянули было поникшие от зноя и жажды травы и цветы. В заброшенном, одичавшем саду, через который пролегла тропинка в сосновый бор, буйно цветут яблони, груши и айва. А на почве, давно не тронутой лемехами плуга и культиватора, вольготно разрослось разнотравье.

На стеблях, листьях и лепестках изумрудно-зеленых и цветущих деревьев и кустов, высоких трав драгоценными ожерельями засверкали стекляруссы из низок прозрачных ка-

пель воды. От дуновения ветра или нечаянного прикосновения они хрустальными звездочками падают вниз...

И на острых кончиках сосновых игл после мелкого, словно просеянного через решето дождя, тоже застыли светлячки влаги. Светло-бурыми свечками проросли клейкие почки с налетом желтоватой пыли. На небольшой полянке среди разнотравья с золотистыми и уже распушившимися головками одуванчиков я увидел несколько белых островков, похожих на сохранившиеся лоскуты снега. Приблизился и остановился очарованный – в купели резных овальных листьев зацвела земляника. На каждом стебле цветок с пятью белоснежными лепестками и золотой сердцевиной в капельках росы.

Вспомнил, что минувшим летом побывал на этой поляне, восхитившей рубиновым блеском ягод. Словно волшебник щедрой рукой разбросал по зеленому ковру драгоценные камешки. Собрал на ладони мелкие, но изящные по форме ягоды. Попробовал и ощутил аромат и сладкий привкус лесных плодов. И на сей раз, если ничто не помешает, судя по обилию цветов, жаль пчел-опылителей не видно, должен быть урожай.

По траве рассыпаны цветы, желтые лепестки чистотела, голубые – барвинка, багряно вспыхнули первые маки.

Вскоре я замечаю красные факела тонколистных пионов. Одни расцвели в полную силу, раскрылись, другие – притаились в набухших бутонах и в полдень, когда пригреет солн-

це, проклюнутся алыми лепестками. Как и уже отцветший адонис, пион – редкий цветок и поэтому их следует трепетно ценить и беречь.

Солнце, почва и влага дают энергию, всему живому, не только растениями, но и людям, одухотворяя их своей первозданностью и естеством. Радуюсь лучам и простору птицы своими звонкими певучими голосами, щебетом, свистом и трелями слагают гимн весне.

ВКУСНЫХ ЯГОД РУБИНЫ

В погожий солнечный день наведаясь в небольшое урочище в русле оврага, заросшего кустами шиповника, терна и боярышника среди редких деревьев алычи. Еще в апреле заметил на их ветках белопенные кружева обильного цветения. Над их розетками и лепестками хлопотали неутомимыми пчелы, гудел бархатисто-золотой шмель. словно весна-кудесница сплела их спицами-лучами из тонких шелковых нитей.

«Быть урожаю плодов, – решил я и вот наступила благодатная пора. Если колючий шиповник, выстоявший во время поздних заморозков и с засуху, густо облеплен ярко-красными плодами, то терновник и боярышник не порадовали урожаем. Иссиня-черных и красных плодов немного и очень мелкие из-за недостатка влаги, листву сожгло знойное солнце. Но память подсказала, что у пруда, расположенного

вблизи села Белоглинка, и на берегах протекающего Салгира, растут вымахавшие до шестиметровой высоты из-за постоянного обилия влаги боярышник и терновник, превратившиеся в настоящие деревья с крепким стволом и упругими ветвями. Возможно, они сберегли урожай?

По низине оврага прошел к урочищу в пойме Салгира, журчащего струями на перекатах. Плодов терна на дереве с корявыми, кряжистыми ветками и желтоватой празеленью на стволах оказалось немного, а вот боярышник порадовал. Гибкие плети веток, ниспадающие к самой воде, облеплены крупными рубинового цвета плодами. На тех, что свисали на берег, плодов немного, потому что их успели собрать.

Поэтому пришлось по воде перебраться на отмель, густо поросшую зеленой крапивой, цикорием и другими травами в этом оазисе лета при обилии влаги, еще недоступном для красок осени. Сорвал несколько ягод, с белым налетом сахара, попробовал и ощутил кисловато-сладкий вяжущий привкус.

Шелестя листвой, привлек внимание двоих подростков, проходивших по берегу. Один из них приблизился к дереву, поздоровался.

– Что за плоды, наверное, ядовитые волчьи ягоды? – решил я проверить его познания.

– Нет, это боярышник, – невозмутимо произнес мальчуган. – Мне бабушка рассказала, что его ягоды очень полезны. Недаром их животные и птицы употребляют.

– Молодец! – похвалил я, поняв, что сельского аборигена не проведешь. Это для некоторых городских ребят, ни разу не побывавших в лесу или урочищах, боярышник, терновник, кизил, лещина и другие дикорастущие кусты и деревья в диковинку. Подросток ловко, минуя острые шипы, взобрался на дерево и тут же принялся дегустировать плоды. Обронил несколько ягод и они рубиновыми бусинками упали в воду и поплыли, подхваченные струями.

*Плоды-бусинки
с капелькой росинки
Сладки и чудесны,
для сердца полезны.*

С древних времен цветы и плоды боярышника, богатые кислотами и витаминами, используют в качестве лечебного средства по улучшению работы сердца и других органов, в пищевой промышленности (варенья, компоты, кисели и т.д.), а также в зеленом строительстве – в парках, скверах. В Крыму произрастают 15 видов боярышника, в т. ч. крупноплодный – боярышник Поярковой. Это замечательное растение, название которого *Crataegus* с латыни переводится, как «сильный», «крепкий», еще по достоинству не оценено современниками, зато птицы и звери в зимнюю стужу лакомятся его целебными плодами.

Проходя по тропинке, вдоль крутого русла Салгира, увидел, что осень властвует, раскрашивая листья деревьев и ку-

старников в желтые, пурпурные, оранжевые и багряные с гаммой оттенков цвета.

Утренние туманы и нечастные дожди неспособны загасить все более разгорающийся костер художницы-осени.

ПЫЛАЮТ ОСЕНИ КОСТРЫ

Жаркими выдались лето и осень. До ноября – месяца обильного листопада еще две недели, а некоторые из деревьев и кустов, обожженные лучами солнца уже сбросили свой наряд из шелестевших, как медные стружки багряных, пурпурных и золотых листьев. Этот природой сотканный ковер шелестит под ногами в яблонево-грушевом саду.

В его укромных уголках затаилась живность, спасаясь от полуденного зноя и жажды. Однажды неволью согнал фазана, а с лежки зайца и он, петляя, устремился к сосновому бору, темнеющему на взгорке.

Сухостой в междурядьях сада и на небольших полянках, где почва уже давно не знает плуга, облеплен белыми улитками, а земля расколота зигзагами трещин. Заждалась влаги, дождей. Раньше срока отцвели изнывавшие от зноя сурепка, цикорий и другие растения.

Лишь сосновый бор, расположенный на террасах крутых склонов за поселком Грэсовским и уходящий до Аэрофлотского, круглый год в своем темно-зеленом убранстве.

На фоне пожелтевших и пурпурных листьев яблонь, груш

и грецкого ореха в заброшенном и одичавшем саду особенно резко контрастен. Хотя в самом бору, судя по насту из сухих желто-бурых игл, разбросанным кремневого цвета шишкам, происходит внешне невидимый для глаза процесс обновления хвои.

Молодые шишки взамен упавших выделяются среди изумрудных игл желтоватыми свечками. Изредка тишину нарушает прошелестевший в кронах ветер, прыгающая с ветки на ветку, с сосны на сосну шустрая в оранжево- бурой шубке белка в вечном поиске пропитания.

Да прошелестит в своем полете к земле оторвавшаяся от родной ветви старая шишка. Благодать бора со смолистым настоем воздуха настраивает на лирический лад:

*Острее время чувствую с годами,
Тревогу и величие в лесах.
Дым от костров, как голубая память
Плывет к нерасторжимым небесам...*

Пожалуй, ни одно из других времен года не обладает таким богатством красок, полутонов и оттенков, как осень. Она, подобно щедрой художнице, старательно разводит акварели, одаривая природу, людей великолепием своих пейзажей, гармонией красок, вдохновляющих на добрые дела и поступки. Такова магия красоты.

КАЛИНА ВЫЗРЕЛА...

На дачных участках, еще с той поры, когда счастливицов наделили на пустырях пятью-шестью сотками (это нынче скупают, а то и бесплатно прихватывают на побережье десятки гектаров земли), садоводы-любители умудряются возделывать и лелеять растения в надежде на урожай. Нижние склоны Митридатской гряды, возвышающейся над Керчью, примыкающие к улицам, нисходящим к заливу, усердные горожане-земледельцы превратили в настоящий оазис.

Даже сейчас, когда трава в заросших воронках на горе Митридат, выжженная солнцем пожелтела, на дачных участках еще торжествуют с проблесками желтых листьев зеленые краски акварели. На ландшафте, изрезанном балками и оврагами, участки подобны сотам-ячейкам в рамках пчелиных ульев. Участки разделены изгородями из буйно разросшихся кустов ежевики и шиповника.

Лишь узенькие стежки-дорожки среди сухостоя ведут к калиткам и скромным садовым домикам с кое-где сохранившимися от набегов «охотников за металлом», емкостями для воды.

Заполучив долгожданный крохотный участок, каждый из садоводов-любителей попытался рационально разместить на нем: овощные грядки, клумбы для цветов и обязательно фруктовые деревья. Преобладают яблони, груши, персик, вишни, черешни, абрикос, грецкий орех, айва, миндаль, а из кустарников: малина, крыжовник, смородина и, обвивший

шпалеру и террасы, виноград...

Но на некоторых участках довелось увидеть и аборигенов из среднерусской полосы: белоствольные березки, пихту в темно-изумрудном наряде хвои, рябину с созревающими гроздьями ягод. А недавно меня восхитила своей неожиданной красотой, огненно-красными кистями ягод калина, растущая за пределами участка у изгороди из ежевики со светляками пурпурных и черных плодов, охраняемых острыми шипами.

Сердце наполнилось благодарностью к людям, в своих земледельческих заботах движимых не только корыстью, ради получения урожая овощей, фруктов и ягод, но и чувствами красоты, гармонии с миром живой природы. Хотя та же береза щедро одарит весной целебным соком или веничками для бани, а пихта смолистой хвоей (фитотерапия).

Из ягод калины, по вкусу схожих с клюквой, получается прекрасное варенье к чаю. А уж ягоды после первых заморозков – кладезь витаминов. На мой взгляд, у природы – рачительной и мудрой хозяйки, нет бесполезных растений. Просто их ценные свойствами нами еще глубоко не изучены. Поэтому, пожалуй.

Верно утверждение Алишера Навои: «Недуг нередко сахаром целят, но иногда приносит пользу яд».

Не случайно в благодарность за пользу и красоту о деревьях, цветах и других растениях так много сложено народных песен, сказаний и сказок, создано великолепных пейза-

жей и лирических мелодий.

Зеленые жители планеты одаривают нас не только своими плодами, но и радуют сердце и взор, воспитывая чувства красоты, единства с окружающим миром, вдохновляют на добрые дела.

Не следует забывать, что природа хрупка и ранима перед человеком, вооруженным достижениями науки и техники, арсеналами средств разрушения. Мы охотно наделяем растения, также. Как и «братьев наших меньших» человеческими чувствами, осознавая родство всего живого и растущего на земле.

... Ощущаю теплоту согретых лучами ягод калины. Они сверкают на ладони, словно рубиновые бусы, на груди красавицы-осени.

Калина красная,

Калина вызрела.

Я у залеточки

Характер вызнала.

Припомнилась мне эта песня из пронзительно-светлой и печальной киноповести Василия Шукшина «Калина красная». Он, как и Сергей Есенин, тонко чувствовал суть, красоту и боль родной природы, неразрывную связь человека с ней. Следуя примеру этих замечательных мастеров слова, будем бережно и трепетно относиться ко всему живому. Под порывом ветерка калина приветливо в знак согласия, качнула веткой, словно косынкой, ярко-красными кистями ягод.

ЯБЛОНЯ В ЦВЕТУ

На ближних подступах к дачным участкам, расположенным на нижних склонах Митридатской гряды, увидел черную, обугленную полосу выжженной травы с ощетилившимися остатками стерни у самой поверхности потрескавшейся от зноя и жара почвы. Лето и первый месяц осени были знойными и сухими, без дождей и поэтому трава подобна пороху. Сухостой загорелся толи от непогашенного костра или оброненного окурка, а возможно, и сознательно был подожжен.

Некоторые почитатели огня из-за своего невежества таким способом освобождают почву от сухой травы и опавшей листвы. Разгулявшееся на ветру пламя уничтожает не только сорняки, но и полезные растения, насекомых, гнезда пернатых птиц, микроорганизмы, тем самым, обедняя плодородный слой почвы – гумус.

Порой пламя невозможно обуздать и оно перекидывается на садовые участки и постройки, тогда без помощи пожарных не обойтись. На мой взгляд, необходимо запретить выжигать стерню после жатвы, траву и опавшую листву, которые перегнив, станут полезным удобрением. Однако каждую осень картина повторяется: дымятся костры в садах и парках, гуляет пламя на сохранившихся от плугов и культиваторов островках крымской степи, нанося невосполнимый

ущерб животному и растительному миру, разрушая экологические ниши – биоценозы. Вот и до садовых участков добрался какой-то поджигатель.

Приблизившись к одному из крайних садовых участков, я увидел, что пламя повредило несколько деревьев, раньше времени потерявших с обугленных веток листву. Пострадала айва, превратившись в красновато-медный остов. Языки пламени коснулись и одной стороны яблони, а вот на другой я увидел... хрупкие бело-лиловые соцветия.

На соседней с ней яблоньке, куда не дотянулось пламя, но наверняка, полыхнуло жаром, завязь маленьких зеленых плодов. Октябрь на исходе. Вечера и ночи прохладны, а утром в лощинах гнездится сизый туман, а там и заморозки не за горами, поэтому плодам не суждено вызреть. Крым ведь не Китай, где в год с одной площади снимают по два-три урожая. Почему яблоня вдруг зацвела в октябре?

Может быть несколько объяснений: очень жаркий сезон, спровоцировавший аномалию цветения, либо особая жизнестойкость дерева, опаленного огнем. Чтобы не погибнуть, яблоня, мобилизовав все силы, зацвела, вопреки угрозе. Таковую же стойкость проявила и облепиха. Среди темно-серебристых листочков на колючих ветвях я увидел мелкие, словно бисер, желтые плоды. Мало было влаги, поэтому и плоды обмельчали, но сохранили свои целебные свойства. А вот для ежевики сухая погода – благодать. Она все оплела своими лозами с колючими шипами, обильно усеянными черны-

ми и красными ягодами... Глядя на эти растения накануне листопада и зимней стужи, я размышляю о том, как иногда человеку не хватает жизнестойкости наших зеленых собратьев, для преодоления невзгод и достижения целей.

Осень не случайно называют золотой за щедрость даров земли и солнца, за буйство красок с доминирующими желтым и багряными цветами. А на дачных участках торжествует пурпурный цвет осенней ежевики. Особенно отчетливо он видел издавлекa при взгляде на обращенные к ультрамаринoвому заливу, склоны легендарной горы.

В ПОЙМЕ САЛГИРА

Осень с каждым днем все усерднее разводит на палитре свои яркие акварели. В ветвях кленов, грецкого ореха, каштанов, яблoк, вишен, акации появляются багряные, золотистые, пурпурные и бурые вкрапления, напоминая о том, что грядет пора листопада и затяжных холодных дождей, а по утрам туманов и заморозков. А пока стоят на редкость, чудесные погожие солнечные дни бабьего лета.

В пойме реки Салгир, непрерывно несущей по извилистому руслу живительную влагу, все еще в роскошной зелени плакучих ив, опустивших косы к воде и могучих тополей, устремленных ввысь, царствует лето. Возможно, потому здесь, даже в засушливую погоду избыток влаги, уто-

ляющей жажду деревьев и кустарников. Своеобразный оазис, вблизи шумной трассы, идущей параллельно руслу реки, в центральный аэропорт. Солнце после прохладной ночи вновь одаривает летним теплом, но усыпанный красными плодами шиповник уже сигналил о приближении золотой поры увядания в яркой гамме красок и сказочных полутонов...

Взмахнула осень огненным платочком.

Чтоб все на свете грустью излечить,

Шиповник отражает многоточьем

Своих плодов янтарные лучи.

Из-за отсутствия дождей и мутных потоков, вода в Салгире прозрачна. Проходя по набережной, вижу, как в стороне от сверкающей серебром стремнины, у песчаной отмели резвятся стайки мелкой рыбешки. Под сенью боярышника с оранжево-красными светляками плодов, у тихой заводи — одинокий рыбака. В руках — бамбуковое удилице с тонкой блестящей нитью лески и поплавок-пером на поверхности воды. Понимаю, что для рыбака не столь важен улов, а сама суть действия, ибо заведомо известно, что улова хватит разве, что коту на ужин. Главное — азарт охотника и прекрасный отдых, позволяющий отрешиться от суеты и забот быстротечной будничной жизни.

На участке между трассой и рекой расположились скромные дачные наделы, старательно ухоженные руками садово-

дов и огородников. Урожай почти собран и теперь они готовят почву к весенним посадкам. Благо, что и в знойную пору, чтобы сберечь деревья, кустарники и овощные грядки от засухи, они черпают воду ведрами из реки и расположенного близости озера, берега которого тоже облюбовали мальчишки с удочками.

Течет, журчит на перекатах Салгир. Скоро-скоро в его водах маленькими челнами на север вестниками осени поплывут золотые, багряные, оранжевые и пурпурные листья.

В СОСНОВОМ БОРУ

Жители поселка Грэсовский часто совершают прогулки не только по тенистой ореховой аллее и набережной Салгира, но и в сосновый бор, зеленеющий на холмах, изрезанных оврагами. Сосны темно-зеленой полосой протянулись до поселка Аэрофлотский. При приближении к бору, особенно в жаркий полдень, ощущается смолистый запах.

По тропинке от окраины поселка поднимаюсь под кроны стройных сосен. Мягко пружинят слежавшиеся иглы, вокруг рассыпаны сухие коричневые шишки. Вверху на ветках светло-зелеными свечками проросли новые. Сказывают, что прежде их семенами лакомились белки. Но нынче не видно этих шустрых с пушистыми хвостами зверьков. Наверное, перевелись, перекечевали в более тихие места.

Среди постройившихся, как на плацу, сосен изредка по-

падают широколистые деревья грецкого ореха, кусты боярышника, шиповника, терновника и хмеля. Сосны, высаженные на террасах, скрепляют корнями почву, сохраняя ее от эрозии и оползней. На небольших лужайках и прогалинах, щедро согретых солнцем, буйно растет трава. Среди выжженных лучами стеблей на бледно-сером фоне отчетливо видны синие соцветия цикория и желтые — сурепки.

Здесь давно не пела, не гуляла острая коса молодца и разнотравье переплелось в плотный ковер из цветов и листьев.

Повсюду видны очаги активного отдыха, недавних пикников: обугленные камни таганков с золою, стеклянные и полиэтиленовые бутылки, стаканы, пакеты... Отдохнув на лоне благодатной природы: любители пикников и горячительных напитков, увы, не позаботились о культуре общения и бережливом отношении к природе, к сосновому бору.

Не исключено, что рядом со взрослыми без лирики и романтики, были детишки подростки. Они, как губка впитывают не только добрые, но и негативные поступки. Может из-за нашествия шумных любителей отдыха на природе, живущих по принципу: после нас хоть потоп, в сосновом бору, в отличие от Гагаринского парка, не прижились белки. Хотя птицы еще поют, услаждая слух тех, кто не ценит красоту, не осознает ранимости и хрупкости окружающей нас природы.

«Умиление и восторг, который мы испытываем от созерцания природы, это воспоминания о том времени, когда мы были животными, деревьями, цветами, землей. Точнее – это

сознание единства во всем. . .

Такую гуманистическую гипотезу исповедовал великий русский писатель Лев Толстой. Подтвердится ли она в перспективе в достижениях ученых, покажет время. Но ее суть имеет воспитательное и познавательное значение для человека, для осознания им своего места и роли в природе, и в первую очередь, как хранителя, защитника природы, а не алчного потребителя ее богатств и разрушителя ее экологического единства и взаимозависимости.

Утешением может служить и тот факт, что человек после смерти может существовать в иной субстанции, т.е. в образе животных, птиц, растений, земли, так это уж точно.

Но это пока версия, гипотеза, не подтвержденная практикой. Однако тот факт, что в отношении с природой мы не должны быть временщиками, действующими по принципу: после нас хоть потоп, бесспорный. Ведь «уничтожая лес, люди подрезают основу своего существования», – предостерегал от варварского отношения к лесу, и в целом к природе, мастер художественного слова Константин Паустовский.

А ему довелось побывать в самых разных живописных уголках Отечества и воспеть Мещеру, Кара-Богаз и другие уникальные места и конечно же, Крым с его великолепными ландшафтами, Черным и Азовским морями и озерами, скаечно-величавыми горными вершинами.

ВЕСНА-КРУЖЕВНИЦА

Торжественно и звонко, обновляя все вокруг себя, шествует по крымской земле, по ее степям и горам, лесам и долинам волшебница весна. Она мне представляется искусной кружевницей с тонкими спицами-лучами в руках, вышивающая белоснежные, розовые, изумрудно-зеленые, желтые наряды, сарафаны, накидки на ветвях согретых апрельским солнцем деревьев и кустарников.

Сомнения специалистов, прогнозировавших после лютых крещенских морозов скудность цветения плодовых деревьев и недобор урожая, в какой-то степени и подтвердятся. Но все же и в экстремальных неблагоприятных условиях матушка-природа, будучи рачительной хозяйкой, предусмотрела иммунитет для сохранения видов. Потревоженные жгучими морозами, деревья и растения проявили завидную жизнестойкость. В палисадниках, в урочищах, та, где деревья и кустарники были защищены от холодных зимних норд-остов видны зеленеющие и цветущие кроны.

Вот и под окнами многоэтажного дома, прикрытый его стенами буйно зацвел абрикос и с некоторых веток уже осыпались снежинками на зеленую траву хрупкие лепестки и скоро будут заметны завязи плодов. А рядом в белом кипении алыча, в минувшем году одарившая урожаем. Радуют взор обильным цветением миндаль и вишня. Только бы пчелы не подвели с опылением и погода для переноса пыльцы отменная, погожая, солнечная без дождей. Лишь по утрам

чувствуется прохлада от выпавшей и сверкающей на стеблях трав и листьях деревьев каплями горного хрусталя росы. Угасают в лучах бусинки стекляруса. Плакучие ивы под желтовато-зелеными вуалями по утрам роняют слезы-росинки.

– Теплолюбивые субтропические растения мороз не пощадил, сильно пострадали инжир и гранат, – посетовал опытный садовод-любитель из села Глазовка поляк Ришард, взрастивший прекрасный сад. – Облепиха, крыжовник и другие ягодные растения стойко перенесли испытание холодом, а вот урожай винограда Молдова и других ранних столовых сортов будет невысок из-за того, что померзли лозы. Да еще жаль розы черного, кремового и красного цветов, выращенные из коллекции Никитского ботанического сада, сильно пострадали, ведь керченский полуостров это не Южнобережье с умеренным климатом. И мне в этот момент пришли на память строки: «Черная роза – символ печали, красная роза – символ любви».

Ришарду, охотно снабжающему односельчан саженцами, трудолюбия не занимать. Расцветут в его саду сирень, розы и другие цветы, согревающие своей красотой сердца и взоры.

– А что с сортами винограда Саперави, Кокур? – поинтересовался и он, поняв мой вопрос, улыбнулся. – Будет молодое вино, если не из винограда, то из ягод, той же малины. У меня на сей счет своя технология. Да, весной, когда все торжествует в живительных лучах солнца, не может быть уныния, ибо это время возрождения, больших надежд и ожида-

ний. «Надо любить все: зверей, птиц, растения. В этом красота жизни!» – призывал писатель Александр Куприн. И такие энтузиасты, как Ришард, следуют этому призыву, своим трудам, взлелеянными садами и саженцами украшают родную землю.

НА БЕРЕГУ РЕКИ

Истосковавшийся за зиму, сидя на подоконнике, а в лютую стужу греясь на радиаторе отопления, белый и пушистый кот-перс по кличке Маркиз, которого я вывел на прогулку на лужайку вблизи речки Джарджава, в первые минуты ошалел от обилия запахов разнотравья и цветов. Среди шелковисто-изумрудных стеблей, словно нечаянно разорванной нити бусинок, разноцветным бисером рассыпаны мелкие, едва различимые анютины глазки: белые, розовые, синие...

Зато издалека заметны оранжево-желтые посланцы солнца – одуванчики. Те, что первыми пробились к свету, уже распушились невесомо-белыми шарами. И теперь под легким дуновением ветерка маленькие фрагменты этих нерукотворных парашютиков летят по воздуху под посеребренными солью прогалинами и ржаво-медной порослью солончаков.

Маркиз, подчиняясь инстинкту самосохранения, тем более в белой шубенке, норовил спрятаться в редких кустах боярышника, терновника, в островках пожелтевшего сухостоя

или в рытвинах, пробрался к реке Джарджава, откуда доно-сился однообразное хоровое, а иногда и соло неугомонного лягушачьего племени.

Среди прошлогодних жестких стеблей камыша, журча на перекатах и в заторах, текла река, а на зеленом берегу гре-лись, замаскировавшись в траве, лягушки. Наверное, впер-вые завидев диковинного пушистого зверя с янтарными гла-зами и длинными усами, лягушки одна за другой попрыгали в воду. А кот важно, хвост трубою, повторяя изгибы русла, пошел у самой кромки воды, спугивая и заставляя очеред-ных обитателей водоема совершать прыжки. Те, из абориге-нов реки, что попрыгали в самом начале, снова заквакали, а затем выбрались на берег. Однако перс развернулся и сме-ло прошествовал в обратном направлении и вновь раздались звонкие шлепки о воду.

– Молодец, Маркиз, словно тренер взбодрил лягушек, – потрепал я его по загривку, не претендуя на славу знамени-того дрессировщика Куклачева и понимая, что в отличие от собак, кот гуляет сам по себе. Но потешный номер с трени-ровкой лягушек, кажется, получился.

Мы оставили их в покое и вскоре неугомонные вокалисты огласили округу своим хоровым пением. Маркиз нашел себе другое занятие – отыскивал в траве целебные растения, вос-полняя дефицит витаминов. Судя по резвости и игривости кота, я понял, что прогулка удалась.

РЫБАЦКАЯ УДАЧА

Вспомнив притчу о том, что Господь вместо хлеба насущного, который надо добывать, дал человеку удочку, я взял спиннинг и наведаясь на излюбленное место – каменистый берег Керченского залива за предместьем города Бочаркой.

День в канун Пасхи выдался погожим, солнечным. В высоком небе, раскрыв паруса, медленно сказочной флотилией проплывали белоснежные каравеллы. По холмистому с балками и возвышенностями в прибрежной полосе, по поверхности зеленовато-бирюзовой воды скользили их тени. Из-за мыса Ак-Бурун и минного причала, мимо косы Тузла по фарватеру Керчь-Еникальского канала один за другим проплывали суда, танкеры, сухогрузы, контейнеровозы из Черного в Азовское море, а навстречу им на параллельных курсах шли в обратном направлении.

В сиреневой дымке виднелись очертания таманского берега. По тропинке, у самой кромки берега, преодолев нагромождения грунта после оползней, я вышел на привычное для себя место и удивился: откуда столько рыбаков, вооруженных новейшими конструкциями спиннингов с японскими катушками, ведь на Бочарку приходят не ради богатых уловов, а для созерцания, красоты, отдыха. Те же, кто задался целью добыть богатый улов, отправляются на Азовское море, в районы Мамы Русской, Борзовки, Осовины или других прибрежных селений.

Выплывают на байдах и лодках, а, если нет плавсредств, с берега промышляют спиннингами пиленгаса, кефаль, камбалу-глоссу, ставриду, саргана и в крайнем случае, бычков. И вдруг на Бочарке, где лишь в сезон купания много любителей позагорать, отведать поджаренных на кострах мидий, такое столпотворение. На небольшом отрезке берега собралось более двадцати, судя по экипировке, бывалых и заядлых рыбаков. На подставках – частокол спиннингов с маленькими звоночками, подвешенными к лескам и сигнализирующих о поклевках.

Сами рыбаки молчаливы, сосредоточены, со взорами, устремленными к пляшущим на легких волнах поплавок. Часто слышны свистящиеся звуки, летящих лесок с грузилами и крючками. Затем фонтанчики на поверхности воды и шлепки. Я заметил, что некоторые мастера забрасывают крючки с наживкой на расстояния до сотни метров от берега. А рыбаки со снастями в чехлах за спинами все прибывают...

Послышались серебряные звуки колокольчиков и в руках рыбаков выгнулись гибкие и упругие спиннинги, завращались катушки, выбирающие леску из глубины и ее след взбурлил. На крючках в лучах солнца засверкали серебристо-оранжевым блеском тушки пиленгаса, каждый весом по два-три килограмма и более.

Так вот в чем причина нашествия рыбаков. Оказывает в эту пору пиленгас, в поисках корма, мигрируя вдоль берега, оказался в акватории Бочарки. Кто-то из ушлых рыбаков,

блуждающих у берегов, высмотрел стаю с высоких холмов и выудил первую рыбину. А остальные добытки набежали, словно печенег, потому, как рыбак рыбака видит издалека.

Увлеченный зрелищем, я не сразу приступил к рыбалке, заведомо зная, что придется довольствоваться лишь бычками. Для ловли пиленгаса, кефали и ее молоди чуларки необходима особая наживка – морской червь. Его добывают из илистого дна лиманов, речки Приморской (в древности Пантикапа, Мелек-Чесма), либо в почве у самого среза воды. Такой ценной наживки у меня не было и поэтому улов оказался скромным – с десятков бычков-кругляков. Хватит на уху и лакомство коту-гурману Маркизу.

Еще несколько лет назад, до того, как промысловики хищнически не выгребли бычка драгами, не заботясь о его воспроизводстве, с камней Бочарки можно было удочкой за час наловить до двух килограммов разных видов: ротана, кругляка, каменщика, и даже сарганов и камбалу-глоссу.

Пиленгас, завезенный из дальневосточных морей, отлично прижился и на юге, в Азовском и Черном морях. Вот только бы периодически промысловики расчищали гирло реки Молочной, где он нерестится, да соблюдали квоты по вылову, то запасы его пополнялись бы.

Рыбацкое пиршество продолжалось недолго, все реже слышались звуки колокольчиков, поклевка ослабла. Однако рыбаки не расходились в надежде, что владыка морей и океанов Нептун проявит щедрость и направит в бухточку оче-

редную стаю. Такой же восторг и азарт охотника мне удалось испытать несколько лет назад, когда пиленгас и кефаль вошли в акваторию морского вокзала и рыбаки со спиннингами и удочками облепили пирс. Один из добродушных рыбаков поделился со мною наживкой. Крупную рыбу тогда выловить не удалось, но десятка два чуларок подцепилось.

Когда солнце оранжевым колесом закатилось за зеленый холм, я поднял из воды садок из мелкоячеистой сети с бычками, собрал спиннинг, и по тропинке направился в город, с возвышающейся над ним легендарной горой Митридат, с обелиском Славы.

ПЕСТРЫЙ КОВЕР

Не тронутая плугом почва в пойме реки Джарджавы весной радуется густым разнотравьем и пестрыми цветами. Уже в конце февраля, начале марта, едва растают островки снега, сквозь прошлогодние сухие стебли и листья пробиваются к солнцу первые светло-изумрудные ростки. А в апреле поляна с редкими кустами боярышника, алычи и шиповника, полыхает зеленым пламенем, переливается волнами под порывами свежего ветра, доносящего с моря запахи йода.

В рытвинах и балках, где сохранилась влага, трава достигает полуметра высоты, а на пригорках и пологих участках стелется, цепляясь тонкими усиками за другие растения душистый горошек с розовыми, желтыми и фиолетовыми со-

цветиями. Первоцветы “анютины глазки”, золотисто оранжевые одуванчики уже отцвели и ветер разнес их семена по всей округе. Распушили свои соцветия белая кашка и желтовато-коричневый дикий укроп. На зеленом ковре серебрятся островки ковыля, послушные дуновению даже легкого ветерка. На согретый пригорок стайкой изящных балерин выбежали белоголовые с золотыми сердечками ромашки, а по соседству с ними – синеголовые васильки.

Чуть в стороне маленькими факелами вспыхнули маки с золотисто-черными накрапами на нежных лепестках. Солнце своими тонкими и горячими лучами, словно волшебными спицами, сплетает чудесный ковер из трав и цветов, очаровывая гаммой красок, ароматом запахов.

В это творение внес свою ленту и человек – распушились пурпурным цветом, словно нанизанные на гибкие веточки бусинки, кусты тамарикса. Белопенно зацвел боярышник, а на терновнике уже появились зеленые плоды.

Вдоль тропинок, кое-где пересекающих поляну, растет широколистный подорожник. Вот уж действительно, неизменный спутник дорог и тропинок / и тысячелистник с несчетным количеством крохотных листочков и купой белых соцветий напоминает о своих лечебных свойствах. Куда не обратишь взор, везде голубые, розовые, желтые, синие, алые накрапы цветов, колосистые стебли трав. Буйно расцвела желтая сурепка, широколистный конский щавель, а по краям поляны шелестят листьями раскидистые деревья пла-

кучей ивы и серебристого лоха. Красочна нерукотворная палитра природы.

Прежде, в пору моего детства, девчонки, да и мальчишки охотно резвились на лугу, сплетали венки и длинные гирлянды из ромашек, васильков, маков, розового горошка и других цветов. Зажмурив глаза, лежа, катались по мягкой траве-мураве. Сейчас дети и подростки, особенно, в городах, а в селах детей мало, оторваны от природы. У них другие занятия и игры: компьютерные клубы, игровые автоматы, дискотеки, пивбары и прочие развлечения, часто вредные для здоровья, неокрепшей психики. Они многое теряют, обделив себя радостью общения с природой, ее животным и растительным миром.

В равнинной степной зоне Крыма, где земля распаевана и не осталось свободных угодий для выпаса животных и заготовки сена, у владельцев коров, овец и коз возникают проблемы. Зато в окрестностях Керчи и в южной части Керченского полуострова, что в районе Узунларского и Кояшского озер и мыса Опук, расположены нетронутые степи, богатые разнотравьем, которое к августу выгорает под знойными лучами солнца. Заботливым фермерам есть, где развернуться, коси, не ленись.

Несколько рачительных хозяев в районе Бочарки создали хуторок с двумя подворьями. В хозпостройках и загонах содержат коров, овец, коз, гусей, уток и другую домашнюю живность. К подворьям со всей округи тянутся выбитые ко-

пытами животных узкие тропинки, среди густых зеленых дикоросов. Это хозяйство усердно охраняет стая собак во главе с крупным вожаком. А мелкие дворняжки несут свою вахту на дальних подступах и как только появляется поблизости чужак, сразу же своим залившимся лаем подают сигнал своим более крупным и грозным собратьям. И тогда тишина в округе взрывается разноголосым лаем.

Когда проходил мимо хуторка в сосново-дубовый бор, расположенный у старой крепости форт Тотлебена, тоже был встречен четвероногими друзьями. Поняв, что я не покушаюсь на их территорию, вскоре успокоились. В одном из дворов я увидел платформу на колесах для перевозки пчелиных ульев поближе к плантациям медоносных растений, хотя и рядом заросли цветущего боярышника, шиповника, сирени, а также диких цветов.

В сотне метров от подворья заметил косаря. Распарился мужчина, ловко действуя косой. Судя по свежим прокосам, еще до зорьки он вышел на лужайку. Работает сноровисто и умело. Сверкнув в лучах солнца стальное лезвие ложится почти у самой земли, подрезая сочные стебли, и остается аккуратный густой валок. От него и от сочащейся стерни терпко пахнет травой.

—Вжик, вжик, вжик,— толи поет коса, толи плачут скошенные цветы и приходят на память строки: «Коси коса, пока роса, роса долой и мы домой». Наверное, следуя этой примете, уставший косарь поглядывает на солнце, скользящее

в зенит. Над благоухающим разнотравьем и пестрыми цветами голубой чашей опрокинута чистое небо, наполненное песнями и щебетом свободно парящих птиц.

ПОД СЕНЬЮ СОСЕН

После первых заморозков многие грибы, среди которых маслята, лисички, шампиньоны, сыроежки.., да и их ядовитые собратья, отошли, заснули до следующего грибного сезона. А вот «мышатам» холода нипочем, даже под снежным покровом, на радость грибникам, могут прятаться. И в этом они сродни столь же стойким и хрупким подснежникам.

Но пока снега нет, «мышата» прячутся в сосновом бору под коричневыми полуистлевшими иголками, среди упавших шишек, в сухой траве и под ярко-зелеными прогалинами мха, где для них влажно и уютно.

Мягкие и погожие зимние дни с утренними бело-молочными туманами и обильными росами, увлажнили почву и грибы поспешили проклюнуться, обрести свою изящную форму. Кто-то очень точно назвал их «мышатами»— пепельно-серая шляпка и белоснежная ножка. И, как настоящие шустрые мышата, столь же неуловимы. Притаившись под иглами, в траве, рытвинах, они словно играют в прятки с грибником. Зная их повадки, подмечаю, чуть приподнятые опавшие иглы возле стволов сосен. Аккуратно разгребаю и перед взором предстает семейство «мышат», из одной грибни-

цы растут по пять-десять грибов, среди которых и мал, мала, меньше со стреловидными лишь обозначившимися шляпками. Бережно срезал крупные из них и положил в корзину.

Сосны растут рядами на террасах, возвышающихся друг над другом. По рельефу угадываю движение потоков после дождей и таяния снега. Струи воды разносят споры грибов и поэтому они растут не только на плоских участках, но и на крутых склонах, спрятавшись в траве или мху. Там, где попадется один-два гриба, обязательно затаились еще несколько. Надо лишь проявить зоркость. Малышей укрываю мхом и травой, пусть еще подрастут, а взрослым место в корзине.

Великолепно в сосновом бору. Витает смолистый и грибной дух. Тишину нарушают редкое в эту пору пение птиц, шелест веток от резвящихся белок, стук упавших сверху шишек и хруст сухих веток под ногами. В нескольких местах возвышаются муравейники. Очевидно, их обитатели отдыхают после бурной работы в летнюю и осеннюю пору. Поглядел вверх – в лучах солнца среди молодых шишек всеми цветами радуги засверкал стеклярус из ожерелья рос, повисших на зеленых иголках сосновых лап.

Два-три часа охоты за «мышатами» дают заряд бодрости. И важно не то, сколько удалось поймать «мышат», а общение с природой, ощущение единения с этим окружающим человеком миром, в который в суете повседневной жизни мы окунаемся все реже и реже.

Спасибо сосновому бору и людям, его взрастившим на

некогда пустынных склонах в пойме реки Салгир, за тихую радость, очарование зимнего, к сожалению, без снега, дня.

Распрощавшись с соснами, возвратился домой, где меня встретил персидский, белоснежный кот Маркиз. Учув лесные и грибные запахи, он провел «ревизию» корзинок. «Мышат» дегустировать не стал, а вот зеленые стебли травы в качестве витаминов отведал.

«Может в следующий раз взять его с собой на охоту. Все-таки он кот, предназначенный ловит мышей», – с иронией подумал я. – Впрочем, при обилии грибов нет нужды в четвероногом помощнике. А вот прогулка для домоседа будет полезной».

ИДУТ ВЕЛЫЕ СНЕГИ...

Выпавший на юге первый, робкий снег – всегда событие, так как чаще всего его привозят с севера на крышах вагонов. У замечательного русского советского поэта Евгения Евтушенко, что родом со станции Зима Иркутской области, есть пронзительно-грустные и столь же оптимистически-светлые стихи, ставшие песней:

Идут белые снеги,

Как по нитке скользя.

Жить и жить бы на свете.

Да, наверное, нельзя...

Они всплывают в памяти всякий раз, когда из таинствен-

ной глубины зимнего неба на сумрачную после отгоревшей гаммы ярких акварелей осени землю падают снежинки. При обильном снегопаде и безветрии эти белые кружевные звездочки не парят, а скользят вертикально вниз по невидимым нитям и пушистым ковром украшают землю. Ложатся на голые продрогшие ветви деревьев, пожухлую и ржавую листву, на зеленые иглы и лапы елей и сосен, сказочно преобразая унылые пейзажи и контуры зданий, опушенные сияющей, искрящейся на солнце бахромой. Первому и недолгому снегу, особенно, рады ребяташки. Трогают его руками, скользят по остекленным лужам, оглашая тишину звонкими голосами и смехом. Глядя на их забавы, невольно вспомнишь о детстве, когда каждый смотрит на мир восхищенными глазами художника.

Иду по набережной Салгира. На стволах и ветках высоких желтовато-бурых ивах наледь и они звенят подвесками хрустальной люстры. В тихих заводях реку за ночь сковал мороз. Но журчание прозрачной воды на быстрине и перекатах, вблизи которых обитают дикие утки, звучит серебряной музыкой, напомнившей о себе зимы.

ДЫХАНИЕ ВЕСНЫ

В последние дни февраля теплолюбивая зима порадовала крымчан, особенно ребяташек с азартом, доставших сани, лыжи и коньки из балконов и чуланов, обильным снегопа-

дом и морозами. Белое покрывало, сотканное из снежинок укрыло поля, крыши домов, повисло хлопьями на зеленых лапах сосен и елей, опушило ветви плакучих ив над шумящими струями Салгира, серебром сверкающими на уступах и перекатах, стремительных в узких местах русла.

Мороз продержался недолго, разве что вечером и ночью, еще после дневной оттепели стеклит тихие заводи и лужи. А днем уже под лучами по-весеннему ласкового солнца лед истончается и тает. Все больше горожан с детишками, молодых мам с младенцами в колясках выходит на прогулки в парки и на набережную Салгира, с ажурным черным парапетом металлической ограды.

Вижу, как они потчуют крошками хлеба диких уток, охотно принимающих угощение. Но вот женщина обращает внимание на высокую иву. Зеленовато-желтые тонкие ветви, словно девичьи косы, у самой воды. И на концах вместо бантов сверкают в форме больших капель льдинки. Ветерок раскачивает их, а солнце медленно сжигает...

– Сияет, как хрустальная люстра! – с восторгом произносит незнакомка и удивляется. — Интересно, как природа-волшебница сотворила такую красоту?

Я призадумался и нашел разгадку. Именно в тот момент, когда в Салгире был высокий уровень воды и ветви плакучих ив купались в их прохладе, ударил мороз. Вскоре вода в реке спала, в некоторых местах обнажив дно и песчаные отмели. И тогда на ветках повисли ледяные сосульки. Днем пригре-

ло солнце, и они приобрели форму хрустальных подвесок, словно на паркете зала отражаясь на тихой поверхности.

Прежний уровень воды обозначился и на бетонных стенах ледяной окантовкой. Но недолговечны, как те же замысловатые узоры на стекле, эти нерукотворные творения зимы. Из-под растаявшего снега, что у кромки воды, изумрудом пробивается трава. Ее клюют птицы, все звонче и радостнее их голоса желтогрудых синичек. Отважные вороны, возомнившие себя «моржами», устроили баню на мелководье. Встряхивают крыльями, поднимая брызги, прихорашиваются.

Вблизи одинокими лоскутами в затененных уголках парка, в кустарниках лежит потемневший снег, превращаясь в ручейки. Несколько малышей торопятся слепить крохотного снеговика.

–Весна пришла, а с ней пришла любовь, запело сердце в упоенье вновь, – услышал я девичий голосок. Обернулся и увидел юных подружек с модными рюкзаками за плечами.

Они смутились и звонко рассмеялись. Очевидно гимназистки из расположенного поблизости колледжа. Молодежь особенно чутко реагирует на приход весны, наплыв нежных чувств и обновление. Именно в такую пору надежд и ожиданий родились эти строки:

Приход весны, как юности приход

Волнует, восхищает и тревожит.

Весна все та же, только каждый год

Для сердца и милее, и дороже.

«И все равно люблю... люблю, еще сильнеей», – написал в отчаянии у самого среза воды на бетонной стене какой-то юноша с чувством неразделенной любви. И для убеждения прекрасной незнакомки в искренности своих чувств нарисовал два красных сердечка, пронзенные стрелами Купидона. Да, с приходом весны просыпаются и обостряются чувства, появляется жажда любить и быть любимым.

И человек не в силах преодолеть наплыв этих светлых чувств, да и не следует перечить законам природы, но подчиняя чувства разуму. Ибо, как заметил русский поэт Евг. Евтушенко: «Очарованья ранние прекрасны, очарованья ранними опасны».

Поэтому прекрасную девушку, даму, как к этому призывает замечательный поэт «серебряного века» Александр Блок надо боготворить, не причиняя ей тревог и страданий. Хотя, как известно, жизнь прожить – не поле перейти

Пока еще робко и умиротворенно шумит Салгир. Но когда с вершин блистающих кристаллами Крымских гор прибудет талая вода, покажет свою молодецкую силу, заполнив до краев скованное бетоном русло. Весна идет, окрыляя сердца людей светлыми надеждами и ожиданиями!

В ПОЛДЕНЬ ЗА БЕЛОГЛИНКОЙ

В один из погожих мартовских дней я наведалься в сосно-

вый бор, что расположился на террасах за селом Белоглинка. Вдоль девятиэтажных зданий направился по набережной Салгира навстречу его течению на околицу поселка Грэсовский, затем через мост, под которым шумели с белыми гребешками бурунов струи воды. Приблизился к руслу и, выйдя на каменистую тропинку, оказался в живописном месте.

С левой стороны надо мною возвышались холмы с участком сосен и тремя ажурными мачтами высоковольтной линии электропередач, звенящими на ветру струнами проводов, протянутых к расположенной через трассу Симферополь – Евпатория тепловой электростанции. О ней напоминали производственные корпуса с двумя коническими, выпускающими пар, и одной высокой трубой с выбросами газа.

Холм к руслу реки обрывался крутым склоном, поросшим кустарниками шиповника и терновниками и с обнаженными отложениями известково-меловых пород. Далее по узкой террасе проходила тропинка, края которой густо заросли ивами, боярышником, уходили к самому руслу. На еще голых черных, колченогих и колючих ветках я увидел наросты желтовато-зеленого мха, а издалека показалось, что это цветение. Зато свежие отростки вербы с прядями ветвей ниспадали в самой воде.

На противоположном берегу Салгира местные жители обустроили дачные участки, огородив их жердями, листьями шифера и железа, от потоков воды, вымывающей почву. Деревья и кустарники на участках пока голы с проклюнувши-

мися почками, но кипит работа, витают сизо-голубые дымки от сжигаемой листвы и мусора, шумит лопастями ветряк. В апреле-мае, когда все в садах и палисадниках покроется зеленой листвой и зацветет, здесь настоящий оазис.

А пока, скупая на краски гравюра межсезонья, присущая природе на рубеже зимы и весны. Иду по тропинке, с правой стороны через бурлящий поток переброшен металлический мост, а далее взору открылась серебряная чаша пруда с желтой камышовой отмелью посредине. Если на берегу Салгира я застал одного из нетерпеливых рыбаков, для которого главное не улов, а процесс, то на берегах пруда пустынно. Зато прибитого волнами хлама, пластиковых бутылок, пакетов и другого мусора с избытком. Водоем, как и русло реки, давно нуждаются в очистке.

По террасам с рядами темно-зеленых сосен, словно по ступеням гигантской лестницы, поднимаюсь вверх, где еще в начале января собирал грибы. Решил поглядеть, как поживают грибы-мышата с пепельно-серыми шляпками, очень схожие по цвету на мелких грызунов. Но, увы, там, где еще два месяца назад, а минувшая зима выдалась очень теплой, было обилие этих грибов, я не нашел ни одного из них. Верно, в народе говорят: каждому цвету, каждой ягоде свой срок. Такая же ситуация и с грибами. Для одних золотая пора весна, для других – лето, третьи предпочитают осень, а для «мышат» и зима – ни зима, особенно крымская, не отличающаяся крепкими морозами и снегопадами.

Впрочем, не обнаружив грибов, не слишком огорчился, ведь любая прогулка в лес, в рощу, в сосновый или смешанный бор, где воздух настоян на запахе хвои, перепревших листьев и разнотравья, талой воды, всегда благо. Размышляя об этом, я вспомнил изречение русского писателя Михаила Пришвина, ценителя и знатока природы: «Пусто не бывает в лесу и, если кажется, пусто – сам виноват». Ступая на мягкую подстилку из слежавшихся листьев и игл, стеблей сухой травы, стал более внимательно смотреть по сторонам, меньше обращая взор на верхушки сосен, где заплутал весенний с легкой прохладцей ветер-забияка.

ПЕРВЫЙ ГОРИЦВЕТ

Вдруг на освещенной солнцем лужайке из сухотравья с ковриками зеленовато-ржавого мха, пустыми ракушками-домиками улиток увидел несколько одиноких желтых огоньков. Похоже, что одуванчики раньше срока проснулись и зацвели?

Приблизился и понял, что это не одуванчик – розетка цветка крупная, лепестки широкие и плотно прижаты друг к другу, в сердцевине несколько тычинок с золотой пылью. Да это же горицвет – адонис весенний —эндемик, один из редких и первых, вместе с подснежником складчатым, крокусами, первоцветами, пролесками и цикламеном Кузнецова, уникальных крымских цветов с небольшим ареалом про-

израстания.

Склонился над адонисом и подметил особенность, что цветок, словно шляпка подсолнуха обращен к солнцу и, очевидно, в течение дня поворачивается на стебельке за светиллом, а вечером и ночью, подобно синим соцветиям цико-рия или разноцветным выюнам, смыкает лепестки, засыпает, чтобы утром от прикосновения первых лучей раскрыть свои глаза. Действительно, редкий цветок, на лужайке я насчитал не более пяти соцветий ярко пылающего горицвета. Растение не только красиво, но и обладает целебными свойствами, благотворно воздействует на сердце, поэтому собиратели лечебных трав не обходят его стороной.

Прошел под зеленые, смолистые кроны сосен, ощущая под ногами хруст сухих шишек и веток. На верхушке слышался шум и я увидел, как буро-серая белочка, перепрыгнула с ветки на ветку и удалилась. Это в парках и скверах города, где взрослые и дети подкармливают их лакомствами, эти потешные зверьки почти ручные, а здесь подчиняются инстинкту самосохранения. Из глубины бора донесся характерный стук. Лесной доктор Айболит – дятел занялся своим привычным делом, долбя кору и спасая деревья от древоточцев. К этим звукам ударника из лесного оркестра добавилось пение птиц. Небо было бы пустое и пугающе безжизненно без ликующих трелей соловья, прощального крика журавлей и веселого щебета ласточек...

НЕЖНЫЕ КРОКУСЫ

Увлеченный гаммой звуков, я чуть не наступил на проклюнувшийся из каменистой почвы крохотный цветок на тонком белом стебельке с шестью хрупкими фиолетово-лиловыми лепестками и золотой сердцевинкой. У основания увидел четыре тоненькие темно-зеленые стрелчатые листочка.

Огляделся: сквозь переплетения сухотравья пригретые солнцем из луковиц проклюнулись несколько десятков, где группами, где в одиночку, лиловые с темными штрихами, светло-фиолетовые и белые соцветия. Некоторые из цветков поникли, другие склонились на землю из-за прохладной ночи. К сожалению, более поздние цветы – тюльпан Шренка, ландыши и вечерницы (ночная фиалка) и другие крымские эндемики стали коммерческим товаром.

Несмотря на ежегодно проводимые экологами операции против браконьеров флоры «Первоцвет», десятки тысяч букетиков нежных, хрупких цветов, появляются на рынках Москвы, Киева и других крупных городов. Да и в крымской столице, правда, по меньшей цене, они идут нарасхват. Тем самым поощряется хищнический промысел, сужается ареал редких растений, занесенных в Красную книгу исчезающих видов.

Сорванные цветы, поврежденная при этом луковица, обречены на гибель ради сиюминутного созерцания в стенах

дома. Хотя, куда приятнее наблюдать цветы в их естественной среде обитания, связанными с родной почвой, в сочетании, в гармонии с другими цветами, травами, лесом, в ареоле солнечного света, теплого воздуха и пения птиц.

«Не только слух, но все наши чувства обостряются от общения с природой», – справедливо утверждал еще один прекрасный мастер художественного слова Константин Паустовский. Но не от такого «культурного» общения на пикниках, от которых остаются на лужайках, и это с горечью приходится видеть часто, обугленные от непогашенных костров деревья и трава, стеклянные и пластиковые бутылки из-под водки, вин, пива и воды, полиэтиленовые пакеты и прочая тара и хлам.

Но даже эти следы нашествия «цивилизации и прогресса», пока еще к счастью, не в силах затмить очарование и красоту творений природы, хотя и вызывают тревогу за ее будущее. Человеку следует научиться бережно с любовью относиться к тому, что принадлежит не только ему, но детям, будущим поколениям.

Собирая зимой впервые в этом сосновом бору «мышат», я не подозревал, что на этих прогалинах и полянках до поры до времени, покоятся луковицы крокусов, ждут своего часа. Споры грибов после рождения и роста, следуя биологическим часам, замерли, дожидаясь поздней осени. А вот крокусы зацвели, хотя и срок невелик – до середины апреля.

В этот же период радует своим золотисто-желтым цветом

крокус сузианский, растущий в горах. Но есть их собратья, зацветающие позже.

Среди них крокус прекрасный— самый крупный и красивый из всех видов, поэтому так и названный, хотя все цветы прекрасны. Он зацветает в августе-сентябре. А крокус Палласа с крупными светло-фиолетовыми соцветиями торжествует в сентябре-октябре.

Неожиданно услышал жужжание, словно кто-то тронул тонкую струну скрипки. Заметил несколько пчел, привлеченных цветом и запахом крокусов. Они садились в желтые сердечки цветов в поисках нектара и, переноса на лапках золотистую пыльцу, опыляли растения.

Месяца через два их труд увенчается душистым и самым ароматным майским медом, насыщенным целебными свойствами крокуса, адониса и других первоцветов. Присел на омытый дождями, выбеленный и нагретый солнцем большой камень, обросший по бокам изжелта-зеленым и ржавым мхом. Возле него рассыпанным бисером зацвели крохотные голубенькие цветочки.

Через две недели я наведалься в сосновый бор, но уже не обнаружил крокусов. Нежные и хрупкие цветы не смогли пережить холодных с заморозками ночей, да и время цветения минуло. Зато в полную силу расцвел адонис, а рядом с его огненно-желтыми лепестками я увидел скромные фиолетовые соцветия фиалки и изобилие мелких, как бисер белых цветочков на тоненьких стебельках. Удивительны, неповто-

римы творения, шедевры мастерицы-природы.

Дубовый и сосновый бор, ельник и березняк без белок и других зверьков, без птиц, муравейников, насекомых, трав, цветов и грибов не может быть гармоничным. Только в этом содружестве флоры и фауны лес живой, растет, цветет, плодоносит, поет и шумит.

Правы и Пришвин, и Паустовский, и другие писатели, поэты, художники и музыканты, восхищавшиеся и воспевавшие природу, призывавшие беречь ее красоту и богатства, в лесу, в горах, как впрочем, и в степи, где не бывает пусто. Каждому человеку надо быть зорче и бережливее к великолепному, нерукотворному храму природы, в котором мы живем

ПЕВЧИЙ ГАЙ

В благословенном Крыму много живописных, достойных кисти художника, поэтических строк и музыкальных рапсодий, мест, радующих глаз и согревающих сердце. Не обязательно для созерцания красот ехать на Южнобережье, к морю, в горы или лес.

При желании и в нескольких сотнях метров от жилых кварталов, гула машин, шума и разноголосицы можно найти укромные, тихие уголки для отдохновения на лоне природы, все более теснимой и угнетаемой техническим прогрессом.

Редко кому из жителей поселка Грэсовский, за которым

на крутых склонах террас возвышается сосновый бор, не довелось пройти по тропинке, ведущей вдоль Салгира к пруду, расположенному поблизости Белоглинки. С левой стороны, на пологом берегу реки расположены утопающие в яркой зелени, белопенном и розовом цветении садовые участки с небольшими домиками, а на крутом, правом – на террасах растут молодые сосенки, дикие яблоньки, алыча, шиповник и терновник.

Русло реки окаймлено буйно разросшимися кустарниками боярышника, бузины, сирени. При обилии влаги вверх и вширь раздались плакучие ивы и их светло-изумрудные пряди, водопадом спадая вниз, плещутся в прозрачных струях.

Пробираясь сквозь кустарник, я ощутил жжение и понял, что попал в плен к густо разросшейся крапиве, напомнившей о детстве. Этой народной «иглотерапией» умирляли ребят-непосед, норовящих полакомиться в чужом огороде аляющей среди резных листьев клубникой, ранней черешней, смородиной или шелковицей...

От такой воспитательной меры была лишь польза. Особенно зла крапива во время цветения. Я потянулся рукой к перламутровой кружевной завязи и тут же был ужален. Одернул руку, но жжение осталось. Усмирить крапиву можно засушив на солнце или обдав кипятком.

Разумно это делать в процессе приготовления из нее борща или приправ, поскольку растение очень богато железом, витаминами и микроэлементами. В голодные годы вместе с

лебедой она спасала людей. Поэтому хвала и слава этим и другим полезным растениям. Жгучая крапива мне напомнила о том, что она вдохновила Есенина на чудесные строки. Пользуясь тем, что рядом нет зрителей, я прочитал вслух:

... У плетня заросшая крапива

Обрядилась ярким перламутром

И, качаясь, шепчет шаловливо:

«С добрым утром».

Да, с добрым утром весело журчащий Салгир и этот рукотворный гай, дарящий красоту весеннего обновления.

Неожиданно, едва угасли последние слова, услышал птичье пение – тонкий посвист, шелканье, рулады. Огляделся, но в густых зеленых зарослях невозможно разглядеть певунью. Синица, овсянка, камышовка или иная певчая птаха? Ей ответила вторая, третья и их нежные голоса слились в трио. Опытный орнитолог, а людей этой редкой профессии, разве что в природном заповеднике можно повстречать, определил бы, кому принадлежит голос. Впрочем, пернатые живут в гармонии с природой, чего, порой, недостает человеку.

Ведь с наступлением жарких солнечных дней, а впереди традиционные маевки, люди потянулись на природу, в лес, сосновый бор, на берега Салгира или озер и прудов. Одно дело совершить прогулку, подышать хвойным воздухом, насладиться пением птиц. Но, увы, таких любителей природы, не причиняющих ей вреда, очень мало.

Для многих выезд на природу связан с пикниками, шашлыками, спиртным и кострами и, как следствие с мусором, тарой, пакетами, оставленными на зеленых лужайках, среди грустно взирающих на них, адонисов, одуванчиков, фиалок и других цветов. Пройдя вдоль русла с прозрачной водой, сквозь которую виден каждый камушек, я подметил, что к прошлогодним местам «отдыха» прибавились новые с черным пеплом от костров, пустыми бутылками. Не один раз довелось наблюдать сцену, когда возле застолья на траве резвятся дети, как губка впитывающие негатив. Ох, и дурной пример им подают молодые родители.

Наклонившись, я зачерпнул ладонью воду, ощутив ее прохладу. Это после дождей она мутно-бурого цвета, а в погожий день – прозрачна и игрива. Хотя каких-либо признаков рыбы я не обнаружил, но заядлые рыбаки уже облюбовали укромные тихие заводи. Знаю по себе, что их интересует не столько улов, сколько этот полезный вид отдыха.

Оставляя живописный гай, я еще долго, словно композицию единой мелодии, слышал журчание струй и пение птиц.

По склонам поднялся на верхнюю террасу и отсюда зеленый, певчий гай с серебристыми проблесками Салгира, переброшенным через русло мостом, предстал перед взором прекрасным амфитеатром природы под голубым куполом высокого весеннего неба.

ДОГОРАЕТ ОСЕНЬ...

Наведавшись в сосновый бор после дождя со штормовым ветром и утренних заморозков, я уже не надеялся увидеть в траве давеча неожиданно расцветшие лилово-фиолетовые крокусы. Но вскоре заметил на согретой солнцем полянке эти хрупкие весенние цветы. Благодаря необычно теплой осени, они проснулись раньше времени и теперь стойко переносят перепады температуры: почти минусовой – ночью до более-менее терпимой днем. Лежащие на росистой траве от прикосновения лучей стебельки выпрямились и вскоре раскрылись лепестки. Цветут синеглазый цикорий и желтая сурепка, дал ростки подорожник и лесная земляника. Неукротимая жажда жизни.

Под сенью темно-зеленых сосен со светлыми свечками молодых шишек, витают запахи хвои, прели и грибного духа. Под слоем игл, под зеленью мха спрятались с пепельно-серыми шляпками на белых ножках грибы, метко за внешнюю схожесть названные «мышатами». Судя по разворошенным иглам и хвое и зеленому мху, уже появились охотники за «мышатами», маслятами и другими видами грибов.

С колючих кустов шиповника облетели листья и теперь они издалека сверкают светляками красных и оранжевых плодов. С ним соперничает боярышник, обильно усыпанный ягодами, а чуть поодаль растет дикая груша. Трава у ствола щедро усыпана желтыми плодами. В бору царят тишина и покой. Лишь изредка застрекочет сорока, предупреждая

своих сородичей об опасности. Да, напомнят о себе шустрые белки, перескакивающие с ветки на ветку, с одной сосны на другую. Так и путешествуют, редко спускаясь по стволу на землю.

В затаенных местах возвышаются горки муравейников. Будь то у птиц, зверьков или насекомых, у каждого в лесу свои заботы, свое предназначение.

Пересек проселочную дорогу и по узкой тропинке вошел в неухоженный одичавший сад с сухим травостоем. С низкорослых груш облетели почти все листья и деревья стоят, словно изваяния с лампадками желтых плодов. Приблизился к одному из деревьев и, едва хотел сорвать грушу, как из нее одна за другой вылетели три-четыре золотистого цвета осы. Они угрожающе зажуужжали возле моих пальцев, он я все же сорвал плод. Увидел с тыльной стороны дупло, а сладкая мякоть внутри была выедена до жесткой кожуры. Возле ствола в траве лежали полусгнившие плоды и над ними тоже витал рой ос.

Но все же я отыскал неповрежденную сластенами грушу, вытер ее и надкусил. Ощутил терпко-вяжущий привкус. Если почти все груши потеряли свой золотистый и багряный наряд, то редкие кустарники айвы еще сохранили желтовато-зеленые кудри. Среди них я и заметил несколько золотых с легким налетом пуха плодов. От них исходил аромат. Я не стал дегустировать, зная, что айва еще более терпкая, чем груша, но варенье получается столь же ароматным и вкус-

ным. Вдруг послышался шорох и я увидел, как лопухий заяц сорвался с лежки. И не случайно, ведь открылся сезон охоты, все чаще слышатся гулкие выстрелы. Но у журналиста, как у известного ценителя природы Василия Пескова, главное оружие – фотоаппарат и перо, поэтому зверью и птицам нечего опасаться.

Погожие дни уходящей осени. Бело-молочные туманы с серебряной росой сменяются заморозками, а вскоре отзвучат и последние аккорды этой благодатной поры года.

*Цветы поникли и поблекла просинь,
Холодный ветер листья вдаль уносит,
В последних красках догорает осень...*

ЗВЕРБОЙ – ЦВЕТ ЗОЛОТОЙ

Среди летнего обилия цветов, белых ромашек с золотыми сердечками, розового душистого горошка, синих васильков и цикория, тысячелистника с розеткой мелких соцветий и других полевых растений, особенно выделяется своей статью и искристо-золотистыми лепестками звербой. Передвигаясь по едва приметной в разросшейся траве тропинке, ведущей к сосновому бору, что вблизи поселка Аэрофлотское, я издали приметил это растение.

На давно не знавшей плуга и культиватора почве в одичавшем яблонево-м саду и на поляне, благоухающей разнотравьем, серебрились тонкие нити ковыля, словно гривы вол-

шебного табуна. После обильных грозových дождей растут, тянутся к лучам солнца стебли с яркой гаммой акварелей, переплетаются в сотканном матушкой-природой дивном ковре. Вот где бы развернуться поутру, пока роса на траве и не очень жарко, косарям. Под лезвием косы ровно бы ложился душистый валок. Но, наверное, у местных жителей на подворьях нет коров и других крупных животных, поэтому нет потребности в заготовке сена. Хотя в междурядьях сада повстречал несколько маленьких копен и небольшое стадо коз.

Утопая почти по пояс в траве, словно заплутавший в ночи путник, направился к сияющему над разнотравьем оранжевым факелом зверобою. Он на упругих стеблях, соперничая с другими растениями, слегка возвысился над ними. Я увидел четко контуры соцветий в форме звездочки с пятью лепестками. Наклонился и ощутил приятно-терпкий запах. Вспомнил, что зверобой бывает в зависимости от внешних признаков трех видов: четырехгранный, жестковолосый и изящный. Стебли и листья матово-зеленого цвета.

Трудно понять, почему растение, столь полезное для здоровья (отвары, зверобойное масло используются, как антисептик) красивое, приятное для глаз нарекли угрожающим именем. Ведь ни для зверей, ни для людей оно не представляет угрозы. Правда, чрезмерное употребление зверобоя животными, теми же овцами или козами, приводит к повышенной светочувствительности. Но в окрестностях города это им не грозит, так как зверобой, несмотря на то, что является

многолетним растением, довольно редок. Возможно, из-за того, что его наряду с ромашкой, бессмертником, чистотелом, чабрецом и другими травами заготавливают в лечебных целях и это подорвало ареол произрастания. Впору заносит в Красную книгу, как исчезающий вид.

Тропинка привела меня в сосновый бор, расположенный на серпантине террас и я сразу ощутил, как аромат полевых трав, сменился смолисто-хвойным запахом сосен, а пение птиц стало более отчетливым. Но и здесь склоны террас в разноцветье ковров, над соцветиями работают трудолюбивые пчелы, жужжит золотой шмель, взлетают бабочки...

Как по ступеням, поднялся по террасам наверх и оказался на уютной, окруженной соснами поляне. Вспомнил, что в апреле, здесь среди резных листьев, стелящихся по земле, белоснежно цвела земляника. А где же плоды, ведь пора? Раздвинул листья и увидел на тонких, как нить стебельках алые ягоды. Невольно сравнил их с рубиновыми камешками или бусинками. Возможно, на полянах большого леса, где обилие влаги и солнца земляника крупная и сочная, а здесь по размеру она подобна малине или крупной смородине. Попробовал одну из ягодок и ощутил сладкий привкус и тонкий аромат.

*А на лесной полянке,
там, где солнца блики,
алеют спозаранку
созвездья земляники.*

Не стал утомлять себя сбором мелких ягод, считая, что большее право на них имеют лесные птицы, белки и другие обитатели. Метрах в пяти от земляничной прогалинки обнаружил зверобой с готовыми проклюнуться цветами. Он, наверное, перебрался сюда, подальше от глаз сборщиков, чтобы вызреть и лечь семенами в почву.

С удовольствием подметил, что каждая прогулка в сосновый бор или на поляну с ковром полевых цветов, одаривает и очаровывает своими сюрпризами. И в который раз убедился в том, что в природе нет ничего лишнего и бесполезного.

Человеческие познания еще не столь широки и глубоки, чтобы постичь хотя бы малую часть ее сокровенных и беспредельных тайн.

ЛЕЩИНА И ТЕРН

Жаркое лето ускорило созревание овощей, фруктов и ягод на плантациях, в садах, а также в лесах и урочищах. Плоды, впитав в себя соки земли, энергию солнца и теплоту человеческих рук, стали богатой кладезью витаминов и микроэлементов. Год выдался урожайным, благодатным. Сады, палисадники радуют взор обилием краснобоких и золотистых яблок, айвы, янтарных груш и фиолетовых слив, виноградные лозы – великолепными гроздьями. А урочище за Белоглинкой, куда я наведалься в полдень, приветило лесными орехами, черными ягодами бузины и краснеющими плодами ши-

повника. Вскоре и боярышник заалееет своими целебными плодами.

На гибких ветках орешника, из которого в детстве делали удилица, среди узорных листьев я увидел зеленоватые и побуревшие розетки с двумя, тремя, пятью... янтарными орешками. Они созрели там, где в марте распускались гирлянды золотистых сережек. Лещина, являясь кустарником, относится к благородному семейству березовых и с давних лет считается символом весны, любви и бессмертия.

Слегка потряс ветку и сверху на пожухлые листья упало несколько орехов. Разгреб листья, под которыми затаились ранее упавшие под порывами ветра или струями дождя созревшие орехи. Они похожи на янтарные камешки, теплые и гладкие. А под твердой скорлупой круглое, овальное, продолговатое, в зависимости от формы ореха лакомство.

Поблизости в густой чаще из орешника, бузины и сосен, выделяющихся среди побуревших крон темно-зеленой хвоей, слышались детские голоса, смех. Местные ребята забрались в чащобу и лакомятся орешками. Слышно, трясут деревья, камешками раскалывают скорлупу.

Урожай щедрый, поэтому хватит и ребятам, и белкам, облюбовавшим кроны сосен, и лесным грызунам. И домашние козы, пасущиеся на лужайке с пожухлой травой и, опекаемые пастухом, не прочь полакомиться этими полезными дарами природы. Орехами, но чаще грецкими, подняв их в воздух и уронив на камни, чтобы расколоть скорлупу любят питаться

вороны.

С лещиной сложнее, ведь при ударе клювом орешек откакивает. Плоды, полезные и для человека, и для животных, богаты жирами, крахмалом, сахаром, витамином В, каротином и микроэлементами, высококалорийны. Масло, изготовленное из лещины по своей ценности не уступает миндальному и используется для питания, а также в парфюмерии, медицине. Не менее полезны листья и кора, содержащие эфирные масла и микроэлементы. В зеленой аптеке природы лещина, как лечащее и профилактическое средство занимает достойное место.

Прекрасна она и как декоративное растение с гибкими, дугообразными ветвями, расходящимися из центра куста в стороны, с резными сердцевидными листьями. Поэтому ее охотно используют для украшения парков, садов, а крымский лес без лещины – кормилицы диких животных и зверьков – утратил бы свое очарование.

Собрав немного орехов, я по тропинке, ведущей вдоль русла Салгира, направился в поселок. Здесь у самой прозрачной, серебряно журчащей воды, еще торжествует лето. Обилие влаги, затененность замедлили процесс увядания листвы.

Привычные на суходоле кустарники терна и боярышника здесь предстают в виде высоких, ветвистых деревьев. Обычно мелкие иссиня-черные плоды терновника оказались неожиданно крупными, словно сливы. Я сорвал несколько

ягод и ощутил терпкий вкус. Помню из детства и юности, прошедших в одном из степных районов Крыма, когда в округе не было садов и виноградных плантаций.

Взрослые вместе с ребяташками осенью выезжали в Старокрымский лес за кизилом, лещиной, терновником и хмелем...

В прежние времена, когда в степном Крыму сады были редкостью, сельские женщины из ягод терна, богатых витаминами, варили варенье, джемы, компоты, делали хмельную наливку, тем самым, восполняя дефицит фруктов и овощей, ведь в засушливой степи тогда сады были редкостью. На одной ладони орехи, на другой – ягоды терна. Если нанизать их на нить, то получатся подобно янтарным или черно-коралловым, бусы или четки, подаренные щедрой осенью.

На террасе склона, спадающего к руслу Салгира я увидел яблоню и грушу с одичавшими мелкими желтыми плодами, в отличие от окультуренных, терпкими, но ароматными. Именно для стойкого аромата их добавляют в варенья, джемы. Лето плавно перетекло в осень, столь же погожую и благодатную на дары. Но уже, особенно, по утрам ощущается прохлада, а днем пауки старательно ткут на ветках свои серебряные нити, преграждая дорогу в смолистый сосновый бор и ореховое урочище.

АКВАРЕЛИ ОСЕНИ

С каждым днем все резче контраст между темно-зелеными соснами, растущими на верхних террасах бора, что в окрестностях поселков Грэс и Белоглинка, и желто-багряными кронами деревьев грецкого ореха, кленов, кустарников лещины, боярышника, хмеля, шиповника и терновника в нижней равнинной части урочища. Именно между ними проходит цветовая граница, в которую осень, приближаясь к пику листопада, постоянно добавляет новые яркие акварели, восхищая богатством тонов и полутонов на этой огромной палитре под поблекшим полуденным небом.

По тропинке, уходящей по греблю одной из террас, вхожу под тенистые кроны деревьев, облачающихся в празднично-торжественные одеяния. После ночной прохлады и утренней росы с мокрых ветвей один за другим планируют желтые, багряные и пурпурные листья, устилают пожухлую траву шуршащим ковром.

Лишь синеглазый цикорий и желтые соцветия сурепки среди сухого травостоя, да сочная зеленая отава после недавнего дождя, преждевременно проклюнувшиеся резные листочки земляники, да жаркое солнце напоминают о знойном лете. Тем осень и великолепна, что в отличие от весны и лета, когда цвета четко обозначены белый, розовый, красный, сиреневый или голубой, в осеннюю пору они предстают в смешанном, волшебном виде, играют в лучах южного солнца, приобретая под их воздействием диковинные оттенки.

БУЗИНА

«В огороде бузина, а в Киеве дядька», —многим с малых лет знакома эта присказка. Но бузина не заслужила столь ироничного отзыва. Неизвестно, кто, когда и по какому поводу приплел это красивое и полезное растение к киевскому дядьке? Да и в огороде, на приусадебных участках она редкая гостья. Наверное, потому, что, как ива плакучая, быстро разрастается, притесняя другие растения, цветы, овощи, фруктовые деревья... Неприхотливая и стойкая бузина, как и ее дикие собратья шиповник, терновник, боярышник и облепиха, обитает в урочищах, на склонах и в руслах оврагов, тем самым предохраняя почву от размыва и эрозии, сберегая естественность живописных ландшафтов.

Густые, в некоторых местах непролазные заросли бузины в соседстве с высокими деревьями грецкого ореха я увидел в урочище по дороге в поселок Аэрофлотское. На прочных и упругих ветках среди стреловидных, похожих на лавр, листочков глянцевито поблескивали, словно плоды смородины, крупные черные ягоды. Когда другие деревья, те же грецкие орехи сбросили на землю свои плоды, бузина и в зимнюю пору, потеряв листву, будет радовать ожерельем своих черных бус. А ведь есть кустарники и с красными плодами.

Поэтому с великолепными есенинскими стихами: «В саду горит костер рябины красной, но никого не может он согреть», вполне уместно обратиться и к бузине с ярко-крас-

ными плодами. Я глубоко убежден, что в природе, где изначально все сосуществовало в гармонии, нет ничего бесполезного, в том числе во флоре и фауне. Увы, на данном этапе, как впрочем, и в перспективе, ведь процесс познания окружающего мира беспределен, наши знания ограничены. Чем же полезна бузина? Лечебные свойства этого растения из семейства жимолостных высоко ценил отец научной медицины Гиппократ.

В средневековье бузину считали священным растением, дарующим долголетие. Ее цветы богаты витамином С, а также кофейной, валериановой, яблочной кислотами, рутином и эфирным маслом, а плоды аскорбиновой кислотой, каротином, аминокислотами. Причем лечебную ценность представляют корни, кора, наросты, листья, соцветия и плоды, используемые в гомеопатии и индийской медицине.

Цветы обладают дезинфицирующим эффектом, а ягоды используют для разбавления виноградного вина и придания ему мускатного вкуса. И это далеко не все достоинства бузины. Ее высаживают на подворьях для отпугивания грызунов, не переносящих запаха листьев. Но и в качестве декоративного растения бузина украшает не только леса, урочища, но парки и скверы городов, поселков и сел.

БОЯРЫШНИК

Издали в посветлевшей кудрявой шаровидной кроне де-

ревца на опушке соснового бора увидел красные бусинки ягод. Это боярышник, в марте-апреле утопавший в белом кипении соцветий, в кружении и жужжании трудолюбивых пчел, собирающих нектар и опыляющих цветы для завязи плодов. И вот результаты их совместного труда, столь мудро соединенного природой. Ветки с пожелтевшими, а кое-где и облетевшими листьями, острыми шипами, усыпаны ягодами.

Осторожно срываю несколько согретых солнцем бусинок с белым налетом сахара. Пробую, приятная вяжущая мякоть. Даже, когда опадет вся листва до следующей весны это и другие деревца и кустарники будут в студеную пору потчевать птиц и мелких зверюшек целебными плодами. Овсянки, зарянки, соловьи и другие птицы, кроме того, что кормятся в кронах боярышника, еще и выют среди его ветвей гнезда. Никакой хищник сквозь шипы не проберется к птенцам.

Отсюда и знакомая с детства загадка: «Стоит дерево кудряво, а когти волчьи». Цветы, плоды и листья очень полезны, богаты витаминами, аскорбиновой кислотой, стимулирующей работу сердца, являются одним из основных компонентов разных медпрепаратов.

Из цветов и листьев готовят отвары, а из плодов кисели, джемы, желе, компоты, наливки и мармелад. Муку, из перемолотых сухих плодов боярышника добавляют в сдобу – печенье, булки, лепешки, что придает им пикантный вкус и повышает питательные свойства.

В Крыму произрастает пятнадцать видов этого долговечного растения, живущего от 200 до 400 лет, а всего в природе более тысячи видов боярышника. Особенно ценен с густо-красными плодами, а есть с желтыми, пурпурными ягодами. Растущий в крымских лесах боярышник Поярковой занесен в Красную книгу, но и к другим его видам следует относиться бережно и рачительно.

Еще два века назад это красивое растение стало обязательным элементом классических английских садов и с той поры широко используется для украшения парков, скверов, палисадников. Отведав горсть ягод, прошел дальше. Оглянулся, в лучах солнца боярышник показался мне люстрой в ожерельях рубиновых подвесок.

ПРОСНУЛИСЬ КРОКУСЫ

Растения, особенно весенние первоцветы, да и некоторые кустарники и деревья, чутко реагируют на аномалии в погоде, обилие влаги, света и тепла. Наступившие после мелких, словно просеянных через решето, грибных дождей (в лесу появились маслята, шампиньоны и другие грибы), погожие дни золотой осени разбудили было задремавшие до ранней весны крокусы.

Навестив сосновый бор, на поляне среди осыпавшихся листьев грецкого ореха и клена я неожиданно для себя на зеленой траве-мураве увидел хрупко-нежный цветок с ли-

лово-сиреневыми лепестками. А поблизости еще несколько грелись в лучах по-летнему жаркого в полдень солнца. Конечно же, это крокусы, соцветиями которых ранней весной были усыпаны полянки и прогалины, и даже ночные заморозки не могли помешать их параду. Продрогшие от заморозков ночью, они от первых прикосновений лучей выпрямляли стебельки, повернувшись головками к светилу. И нынешним росткам с соцветиями приходится терпеть испытания, ведь ночью довольно прохладно.

Перед наступлением темноты и сна, а это типично для цикория, адониса и других цветов, крокусы закрывают лепестки, словно веки, чтобы утром обратить взор на восток, где взойдет солнце.

Обычно крокусы, подобно подснежникам, первоцветам и адонису расцветают в марте-апреле. Но на сей раз из-за теплой осени не дождались предназначенного для них срока и предстали во всей красе, благоухая тонким ароматом. Вот только пчел им, наверное, не дожидаться, а осы перекочевали в сады и на виноградники, лакомясь сладкими ягодами и плодами яблонь, груш и слив в заброшенных, одичавших среди высокого сухостоя садах. Кое-где повторно зацвели яблони и другие деревья, а в траве голубой цикорий и желтая сурепка. Теперь вот, радуя глаз, на палитре осени зацвели крокусы.

Окинул взглядом полянку, а вдруг где-то притаились и другие цветы? Но тщетно, ни огненно-оранжевого адони-

са-горицвета, ни желтого одуванчика и фиолетово-нежной фиалки я не приметил. Возможно, верны своим биологическим часам и ничто не заставит их появиться раньше срока. А вдруг через неделю-другую, если сохранится солнечная погода, и другие цветы проявят свой своеобразный характер, неукротимую жажду жизни. Природа нередко одаривает великолепными сюрпризами.

ЦВЕТЫ И ГРИБЫ

Ранним утром, когда выплывшее из-за горизонта солнце еще не выпило с трав и цветов всю росу, а в балке за Белоглинкой клубился молочный туман. Я вышел на охоту. Не с ружьем и удочкой, а с фотоаппаратом и перочинным ножом. Охота ведь предстояла тихая, и, на мой взгляд, самая гуманная, поскольку не надо лишать жизни живые существа, но не менее увлекательная. Охота за грибами, будь то степными или лесными. маслятами, лисичками или шампиньонами и «мыштатами», которые выбегают из своих «нор» поздней осенью и даже зимой из-под снежного наста. Ее потому и называют тихой, что грибники, как правило, сосредоточены, молчаливы, чтобы не отпугнуть удачу. В время охоты находкам радуются в душе, зато потом, на привале, дают волю своим чувствам.

Русский писатель-сказочник Сергей Аксаков, автор «Аленького цветочка», много написавший о грибах, считал

их живыми существами, которые перемещаются, ловко прячутся от людей и животных, желающих ими полакомиться.

Впрочем, такая версия имеет право на жизнь, ведь, действительно, грибы – великолепные конспираторы, затаившиеся в самых неожиданных местах, будь то в густых зарослях леса или на залитых солнцем полянах. Они умело камуфлируются под светло-серые и кремнисто-бурые камешки, только бы спрятаться от рук и ножа вездесущих грибников. Пожалуй, лишь для мухомора и бледной поганки в этом нет необходимости. Они сами напрашиваются в корзинки, ведра и сумки.

В крымских лесах выбор небольшой, а вот в отдаленных лесах Подмосковья и среднерусской полосы, где к тихой охоте меня приобщил старший брат Виктор, разнообразие грибов: подберезовики, опята, грузди, подосиновики, волнушки, да и белый гриб, признанный король своих собратьев, нередко радуется своим величием.

Изучая следы от недавних дождей и потоков, я решил проверить поросшую кустами шиповника и терна балку и не ошибся. Нашел и аккуратно срезал ножом, чтобы не повредить грибницу, десятка три однобочков. А потом вышел к сосновому бору. Несколько раз натыкался пальцами на светлые и кремнисто-бурые камешки, очень похожие на степные грибы и, когда понял, что степных грибов немного, переключился на поиск «мышат».

Приблизился к сосновому бору на залитую солнцем.

Вдруг на полянку вышла лесная фея – девушка с маленьким букетом лилово-сиреневых крокусов в руке. Остановилась, загадочно взирая на меня злато-кариыми глазами.

– Наверное, всех «мышат» распугали? – пошутил я, посчитав ее любительницей тихой охоты.

– Грибы мне не попались, а вот несколько крокусов удалось собрать, – ответила она и призналась. — Удивительно, что они расцвели поздней осенью, а не ранней весной вместе с подснежниками, пролесками и адонисами?

– По-летнему жаркое солнце разбудило их раньше срока. Вот они и проснулись, проклюнулись раньше срока, вопреки своим биологическим часам, – пояснил я природный феномен. Уже не впервые крымская осень восхищает любителей природы цветением не только первоцветов, но и миндаля, яблонь, персиков...

Познакомились. Девушка назвалась Ольгой, приехавшей в город из степных сел, расположенных вблизи озера Сиваш, на берега которого произрастает ржаво-медного цвета солончаки и бурунами перекатываются отары неприхотливых овец.

– Давайте меняться. Я вам цветы, а вы мне – грибы, – предложила Ольга. Чтобы ее не разочаровать, согласился на этот бартер, хотя грибы отыскать сложнее, их немного, а крокусы сами просятся в букет. Продрогшие за ночь, лишь пригрело солнце, прикоснувшись к лепестками живительными лучами, поникшие стебельки выпрямились и цветы повесе-

лели. Она вручила мне цветы, а я ей – грибы и довольная, прощально взмахнула рукой.

До полудня я охотился за «мышатами», наполнив корзинку. Они тем и хороши, что растут семействами. Бывает, что до двух, трех десятков в одном месте, прячась под сухими иглами сосен или в сухой траве. Если обнаружил один гриб, то обязательно поблизости окажутся и его собратья. Зрительная память опытного грибника, облюбовавшего те или иные участки леса или соснового бора, хранит информацию о точных местах необычных или щедрых находок, будь то белых грибов – признанного короля всех грибов, груздей, подосиновиков.

Для меня, из-за отсутствия разнообразия их видов, таковыми являются «мышата». А когда лес огласился голосами сборщиков, набежавших ребятишек, понял, что «мышата» разбежались, попрятались, удача от меня отвернется, занялся сбором плодов шиповника и боярышника.

ШУСТРЫЕ «МЫШАТА»

Нынче осень щедра на погожие дни и скупа на дожди. Но те, кратковременные, что прошли и утренняя роса дали толчок росту грибов. Маслята, шампиньоны, лисички, однобочки – дети крымских лесов, урочищ и степей радуют любителей «тихой охоты». Из ряда этих классических грибов несколько выбиваются «мышата», облюбовавшие сосновые леса и бо-

ры. Для азартных грибников, живущих вдали от лесов среднерусской полосы с белыми грибами, груздями, подберезовиками, опятами, подосиновиками..., крымские «мышата» тоже представляют интерес. И не столько для жарения, соления или маринования, сколько для своеобразной игры в прятки, требующей зоркости, смекалки и немного удачи.

Кто-то очень метко назвал эти неприхотливые грибы с пепельно-серыми шляпками и белоснежными ножками «мышатами». Они не только внешне поразительно похожи на мелких грызунов, но и отличаются мышинными повадками, можно сказать, хитростью. Хотя понятно, что не обладают способностью передвигаться, разве, что в качестве спор с потоками дождевой или талой воды.

В этом я убедился, неожиданно побывав на «тихой охоте». Вышел на прогулку, чтобы подышать воздухом, настоящим на запахе хвои, сопревших игл и шишек, рассыпанных под темно-зелеными кронами стройных деревьев. Вскоре увидел несколько грибников, усердно разгребавших изумрудно-зеленый мох и траву и понял – наступило время «мышат», неприхотливых и морозостойких. В декабре и даже в январе, когда другие грибы впадают в спячку, «мышата» еще растут. Поэтому всегда есть повод совершить прогулку.

Опытные грибники, вооружаются посохом или палкой и теребят мох, сухостой и поэтому склоны террас, почва у стволов сосен изрыты, словно рыскали кабаны в поисках желудей или кореньев. Самым удачливым гурманам попадают-

ся во мху или в траве в низинах, где стекала вода, целые семейства или выводки прижавшихся друг к другу «мышат» – мал, мала, меньше. Можно было бы сорвать крупные, оставив малышей для роста, так ведь черви не прочь полакомиться.

Непросто отделить взрослые грибы от мелюзги, растущих из одной грибницы. Этим они чем-то похожи на карликовые березки или на танцующих балерин из «Лебединого озера». Внимательно осматривая место, я по внешним признакам, рельефу и другим приметам набрел на затаившиеся в траве грибы. Аккуратно срезая хрупкие ножки, наполнил пакет.

Вблизи сосен они выдают себя по слегка приподнятым сухим иглам среди упавших шишек, а переростки выглядывают наружу. Азартное занятие – охота за «мышатами».

Видимо, проявляется инстинкт предков, промышлявших в лесах охотой на дичь, бортничеством, собиравших ягоды и грибы. Еще не утрачена связь с природой-кормилицей.

Возвращался я с прогулки через одичавшее поле с высоким сухим травостоем. Здесь некогда колосилась пшеница, а теперь раздолье для разных трав. Увидел женщину, совершавшую зигзагообразные движения, иногда склонявшуюся к земле, явно что-то искавшую. За нею по пятам следовала девочка. Как я и предполагал, бабушка и внучка.

–И сюда «мышата» прибежали? – пошутил я.

– Нет, здесь обитают шампиньоны, – сообщила она и посоветовала. – Дождей нет и поэтому урожай скудный. Внучке

такое лакомство еще рано пробовать, пусть подрастет лет до двенадцати, а пока на практике учится отличать съедобные грибы от ядовитых.

Девочка, голубоглазая Мальвина, с интересом внимала словам бабушки, как губка вбирая в сознание ее советы.

СРЕДИ ЗИМЫ ... ГРИБЫ

В выходные дни дважды наведаясь в сосновый бор, что темно-зеленым массивом возвышается террасами над селом Белоглинкой. Предчувствие грибника не обмануло – собрал в укромных местах у стволов сосен, в рытвинах, укрытых настом из пожухлых игл и травы пепельно-серые с белоснежными, словно лепестки подснежника, ножками грибы. За поразительную схожесть с мелкими грызунами, их назвали «мышатами». Зная о их повадках по прежним участиям в «тихой охоте», вскоре наполнил небольшую корзину.

На следующий день ударил мороз, выпал снег и завьюжило. «Все, кончилась «тихая охота», – с огорчением подумал я, сожалея не столько о том, что останусь без «улова», сколько о самом процессе охоты. – Вряд ли «мышата» сохранятся после двух или трехградусного мороза. Остекленеют, потом оттаяв, обмякнут и распадутся на мелкие части».

Дня через два наступила оттепель, снег растаял, побежали потоки воды. Не рассчитывая на удачу, решил совершить прогулку по бору. Вдруг не все «мышата» пострадали от сту-

жи?

И вот знакомые места. Каменистая с камешками и поросшими изумрудно-зеленым мхом, камнями-валунами почва. Под ногами мягко пружинит наст из светло-бурых игл. Вскоре отыскал первого «мышонка». Эти грибы редко растут в одиночестве, чаще всего семействами из одной грибницы – мал, мала, меньше...

Внимательно осмотрел участок в радиусе двух-трех метров и по расположению игл, указывавших на недавний поток воды, понял, что поблизости должны быть и другие их собратья. Однажды сильный дождь застал меня под кронами сосен. Увидел, как, перекатываясь с верхних террас поток воды устремился на нижние. Неся с собой семена растений, споры грибов, вода оставляет их в рытвинах и даже на склонах.

В этих местах я и обнаружил целые выводки «мышат», растущих из одной грибницы. Любят они прятаться под мягким и теплым мхом. И тогда их удастся обнаружить по приподнятой поверхности мшистого зеленого ковра. Но все же отдельные «мышата», что на открытых полянках, не устояли перед морозом. Обожженные холодом их шляпки из пепельно-серых превратились в коричнево-бурые и, конечно, непригодны для употребления. Те же, что спрятались в сухом травостое, под иглами и во мху, оказались стойкими к стуже и порадовали своим великолепным видом. Целые семейства хрупких грибов обнаружил под низко растущими

лапами молодого сосняка.

Русский писатель Сергей Аксаков считал, что грибы являются разновидностью живых существ, способных прятаться от людей, зверей и птиц. Замечательный сказочник, автор «Аленького цветочка» и других произведений о флоре и фауне, имеет право на такую версию. Она очень подходит для шустрых «мышат», затаившихся в укромных местах. Привлекательны «мышата» и тем, что внешне резко отличаются от других, в том числе и ядовитых, грибов и поэтому риск отравления сведен до минимума. Хороши они в виде маринованных, соленых, жаренных, а также в грибном супе и прочих блюдах.

В полдень настоящий на хвое воздух потеплел и бор ожил: застрекотала сорока-белобока, предупреждая своих пернатых собратьев об опасности, запели синички-сестрички с желтоватыми брюшками, прошелестела в кронах бойкая белка и вдруг...

–Тук– тук, –напомнил о себе лесной доктор. Устроившись на стволе, дятел усердно долбил клювом по коре, от которой летели вниз чешуйки. А вот позировать перед объективом, как и белка, отказался –лихо перелетел на другую сосну и там продолжил врачевать дерево. На пологих склонах и в низине оврага с глинисто-каменистой, размытой дождями почвой я собрал десятка три степных грибов. Обычно они растут на холмистых участках, внешне имитируя светло-бурые и коричневые камешки. Местные аборигены называют

эти грибы однобочками, так как часто шляпки вырастают в форме лепестка.

Невелик рукотворный сосновый бор на каскаде террас холмистого ландшафта с возвышенностями и глубокими балками, поросшими кустами алычи, шиповника, боярышника и терновника. Ранней весной одаривает первоцветами – нежно цветущими хрупкими, но стойкими к холоду лилово-сиреневыми крокусами, ярко-оранжевыми адонисами, темно-красными пионами, светло-фиолетовыми фиалками, а летом и осенью – плодами и грибами.

Но вот беда – не берегут бор любители пикников. Оставляют после себя мусор, а иногда и непогашенные костры. Ветер раздувает угли. Следы от пожаров остались на обугленной коре стволов сосен, выжженном настиле из игл, травы, мха и шишек... Следует помнить, что лес – величественный храм природы, «легкие» земли, дарующие жизнь, ягоды, грибы, цветы, птичье пение, радость и умиротворение людям.

Незаметно течет время – час, второй, третий, начинает смеркаться. В ясный полдень непросто отыскать «мышат», а уж в сумерки и подавно. Благодарю сосновый бор за щедрый дар и расстаюсь до следующего свидания. И дело не в том, сколько собрал грибов, а в приятной и полезной прогулке. Будь то погожий день, дождь или снег, сосновый бор меня встретит приветливо, одарит хорошим настроением и вдохновением.

БЕЛОСНЕЖНЫЕ ГРАЦИИ

Лебяжьи острова в Каркинитском заливе Черного моря – уникальное творение природы. Это заповедное место облюбовали перелетные птицы, среди которых преобладают лебеди-шипуну, которые, в отличие от многих своих собратьев остаются на зимовку. Издалека среди простора холодных вод, даже в бесснежные дни в лучах солнца острова предстают заснеженными полянами из-за обилия птиц. Они напоминают строки есенинских стихов: «Может, вместо зимы на полях это лебеди сели на луг». Многочисленные колонии чаек, бакланов и других водоплавающих птиц мне доводилось видеть на берегах Узунларского и Кояшского озер, что в районе заповедного мыса Опук на юго-востоке полуострова.

Хотя лебеди, ставшие символом красоты, изящества и верности, и держатся подальше от людей, однако в холодные зимы, нередко из-за бескормицы, с Лебяжьих островов прилетают в приморские города. Своими вынужденными визитами они радуют взоры жителей, особенно детишек, Ялты, Алушты, Судака, Черноморского...

В одну из суровых зим навестили и Керчь. Плавали в разводьях среди осколков льда, шуги вблизи водной станции, посещаемой в эту пору разве, что отчаянными двуногими «моржами». Почти каждый из горожан, отправляясь на за-

снеженную набережную, считал своим долгом припасти гостинец для великолепных птиц, обитавших у ледяного припая. Они, сохраняя достоинство, с благодарностью принимали крошки хлеба.

По свидетельству знатока и ценителя природы, писателя и фотохудожника Василия Пескова: «Лебеди к холодам стойки. Их гонят не столько снег и мороз, сколько голод, ведь лед на озерах и прудах не дает им кормиться. На юг, на юг!».

Но и в Крыму неглубокие озера и пруды сковывает лед и поэтому в морозную зиму для лебедей родной стихией остается море. Инстинкт самосохранения влечет их к людям, среди которых обязательно есть с чуткими и щедрыми сердцами. Лебеди притягивают взоры людей своим величавым видом и грациозными движениями. Они оживляют унылый и холодный, словно на черно-белой гравюре, пейзаж, наполняют его поэзией и очарованием

Подобно березке, лебедь, а их десять видов белого и черного окраса, является неперменным персонажем, образом поэтических, музыкально-песенных произведений, скульптурных композиций и живописных полотен. Достаточно вспомнить прекрасные сказки А. Пушкина, балет «Лебединое озеро» П. Чайковского, красочные ковры и лубки народных мастеров. Изображением плывущей лебедушки сельчане украшают фасады своих домов. С этой гордой и вольной птицей человек связывает свои надежды о счастье, любви и верности. Поэтому и слагает красивые легенды, облагоражи-

вающие души людей.

Не только лебеди, но и их крылатые собратья: дикие утки, чайки, синицы, голуби... в студеную пору нуждаются в милосердии и помощи. Поэтому отрадно видеть на набережной Салгира, в Гагаринском и Детском парках женщин с детишками, кормящими птиц и белок.

Вместе с водоплавающими, пернатыми переживем зиму и, тогда согретое солнцем небо, наполнится стаями лебедей и пением птиц.

ЛЕБЕДИНОЕ ОЗЕРО

Еще в холодную пору на озере вблизи села Белоглинки поселилась пара белоснежных лебедей. Откуда они сюда прилетели, гонимые холодом и голодом! Возможно, с Лебяжьих островов, что в Каркинитском заливе. Укромное озеро в пойме протекающего рядом Салгира и расположенного террасами на возвышенности темно-зеленого соснового бора им явно понравилось.

Несколько раз во время прогулок навевывался к этому месту и всегда замечал неразлучную пару птиц. Постоянно находятся рядышком, плывя то в одну, то в другую сторону. Не случайно эти грациозные и гордые создания с давних пор в легендах, сказках и песнях о любви были и остаются символами верности. Белыми каравеллами плывут по воде и в тихую погоду кольцами расходятся волны. Сблизившись, га-

лантно раскланиваются, беседуют на своем птичьем языке...

Наверное, продолжают обживать озеро, потому что остро-рожничают, Держатся в середине, подальше от берега у ко-сы-отмели, поросшей сухими стеблями камыша. А возможно, местные мальчишки, рыбаки не успели прикормить. Хорошо, что не отпугивают криками, иначе бы птицы покинули беспокойное место. А пока у этого укромного озера есть шанс стать лебединым.

Если этой паре понравится уютный водоем, то покличут своих сородичей с тех же Лебязьих островов, где порою от обилия обитателей яблоку негде упасть, а здесь приволье. И станет на озере белым-бело, как в снегопад. Если еще ребяташки начнут потчевать гостинцами, то лебеди точно не улетят. Своим присутствием будут украшать озеро, радовать людей, особенно малышей. Те, что постарше, уже норовят открыть плавательный сезон, а вот на прежде пустынных берегах, поросших изумрудно-зеленой травой с бисером ярких соцветий «анютиных глазок» появились первые рыбаки. Насаждали на крючки наживку, шарики хлеба или теста, закрепили удилица и бдительно взирают на красно-белые поплавки, замершие на поверхности воды.

Может, и себе достать спиннинг, привезенный из Керчи, где увлекался ловлей бычков в заливе на камнях за Бочаркой, и попытать удачу Понаблюдав несколько минут за рыбаками и неподвижными поплавками, и понял: сидят ради спортивного интереса.

– В это озеро следовало бы запустить щуку, чтобы карась не дремал, – пошутил я. – Тогда рыба, спасаясь от хищника, будет проворнее, быстрее станет набирать вес.

– Щуки здесь нет, а вот окуньки, правда, мелкие водятся, но карасю и пескарям они не угрожают, – отозвался один из аборигенов. – Для настоящего рыбака не столько важен улов, сколько азарт и сам процесс. На этом озере приятно отдыхать, а тут еще лебеди поселились, радуют своей красотой взор.

Все же рыбаку повезло – один из поплавок заплесал на воде. Он успел подсечь. Вскинул удилище, на тонкой леске в лучах солнца заблестала золотистой чешуей мелкая рыбешка. Я предложил сделать снимок, но рыбак смутился.

– Когда выловлю крупного карася или окуня, тогда охотно, – усмехнулся он и посетовал. – Но, похоже, долго ждать придется.

Осторожно снял рыбешку с крючка и, пожелав ей расти большой, отпустил в родную стихию.

Благостно у озера. Ива, уронив ветви к самой воде, обрядилась светло-зеленой вуалью. Поблизости на колючих ветках терновника проклюнулись клейкие листочки, а затем раскинутся белопенными кружевами соцветия, чтобы осенью одарить сладко-терпкими иссиня-фиолетовыми ягодами. И на гибких позах барбариса тоже появились почки. У берега, где обилие влаги, растения быстрее набирают силу и рост. К вечеру подаются робкие голоса лягушки, как признак

того, что вода в полдень прогрелась, и вскоре окрестности огласятся их неугомонной какофонией.

Смеркалось, рыбаки собрали удочки. Лишь пара лебедей осталась охранять таинственное озеро. До утренней зорьки будут скользить по синей глади среди серебряных звезд, отраженных в зеркале воды.

ЗИМНИЙ ВЕРНИСАЖ

Всю ночь, мягко планируя, ложился снег. А утром, когда на востоке взошел медно-золотой диск солнца, снежное великолепие, словно бриллиантовое ожерелье, засверкало, заискрилось блесками. Вообразив, как замечательно в сосновом бору, расположенном на возвышенностях в окрестностях поселков Грэсовский, Белоглинка и Богдановка, не мешкая, отправился на прогулку. Не забыл взять с собой несколько горстей грецких орехов, чтобы наполнить ими ранее прикрепленные к стволам сосен в качестве кормушек для белок, консервные банки.

Сосновый бор восхитил чистотой, свежестью и безмолвием. Лишь под ногами поскрипывает снег, да иногда сосновые лапы, спружинив, сбросят охапку снега. Застыли, скованные узорчатými, как тонкие кружева, снежинками, зеленые иглы и молодыми янтарно-бурыми шишками. Снежный наст прикрыл следы от недавних костров и пикников, хлама, оставленных не отличающимися культурой, бережливостью обще-

ния с природой «любителей выпить и закусить».

Настоянный на хвое воздух чист и звонок, как серебро. Вскоре, углубившись в бор, среди сосен, растущих на узких, ступеньками возвышающихся друг над другом террасах, увидел замысловатые цепочки следов: немного крупных – заячьих, и мелких – беличьих или птичьих. Мечутся «братья наши меньшие» в поисках пропитания, скрытого под снегом. Поэтому в эту пору они особенно нуждаются в помощи, в подкормке.

Весной, а тем более летом и осенью, когда все расцветает, а затем и плодоносит, всякая живность находит себе пищу. Месяца через два, а, возможно, и раньше, когда сойдет снег из прогретой лучами земли первыми проклюнутся лилово-сиреневые крокусы, а затем оранжево-огненные адонисы. Позже островками зацветут фиолетово-нежные фиалки, вспыхнут красные пионы, а пока царствует зима, широко раскинув свои праздничные холсты.

Хрустнула ветка и сверху посыпались сверкающие блески. Увидел белку. С потешной мордочкой и глазами-бусинками. Она ловко перепрыгивала с ветки на ветку, с сосны – на сосну, мелькая пушистым хвостом. На мгновение замирала, с любопытством взирая на меня. Но инстинкт самосохранения, чутье опасности заставляли ее двигаться и следом за ней падал залежавшийся на хвойных лапах снег.

Я разбил орехи на поверхности вросшего в землю камня-валуна, отделил от скорлупы и высыпал в консервную

банку, прикрепленную к стволу сосны. Из этой и других кормушек, по моим наблюдениям, лакомятся не только белки, но и вездесущие вороны. Они за долгий свой век умудрились брать целый орех в клюв и, взлетев вверх, бросать на твердые предметы, камни, бетон, асфальт дороги, пока не разобьется скорлупа, чтобы отведать вкусное ядро.

Вдруг поблизости раздался дробный стук. Лесной знахарь – дятел? Нет, к стволу сосны прижалась маленькая синица. Усердно долбит клювом по коре, в надежде отыскать червя или личинку.

В отличие от Крымского леса, этот рукотворный сосновый бор невелик и вскоре я вышел на опушку к развилке дороги, ведущей в Белоглинку. Перед взором предстало белоснежное холмистое поле с двумя древними курганами, конусами возвышающимися в отдалении – невозмутимыми стражами и свидетелями отшумевших эпох.

Под сверкающей в лучах белотканной скатертью, спасаясь от мороза, дремлет озимь. Ей бы до весны затаится под этой надежной защитой и, тогда с первой оттепелью, согретые солнцем изумрудно-малахитовые ростки раскустятся, обещая хлебобобам тугие колосья с янтарными зернами. Над стылым безмолвием иногда черной каплей пролетит птица. До песен жаворонка в знойном небе над золотым жнивьем еще далеко...

Дабы не нарушить девственную белизну, по проторенной тропке возвратился в бор и вышел к расположенному в ни-

зине, в пойме реки Салгир, пруду, на берегах которого еще недавно несли вахту рыболовы. Ныне берега с заиндедевскими под хрустальным панцирем стволами и ветками плакучей ивы, терновника, барбариса и шиповника, пустынны. Поверхность скована льдом, припорошена снегом.

На льду видны следы от полозьев санок и коньков. Очевидно, радуясь первому снегу и морозу, резвилась местная детвора. Но при первых признаках оттепели эти шалости очень опасны, лед истончится и есть риск угодить в полынью. Вместо детишек увидел черного породистого пса. Он с явным азартом и удовольствием толкал по льду старую шину от автомобиля. Затем вытащил ее на берег и, демонстрируя хозяину свою силу и умение, ловко надел ее на крепкую шею.

Если пруд в оковах льда, то в Салгире, окаймленном белыми пушистыми берегами, вода журчит на перекатах и слегка парит. На мелководье прозрачная – виден каждый камушек, но после таяния снега забурлит, устремившись к морю. Ядреный морозный полдень. В небе закружились пушистые снежинки.

ЦИКОРИЙ ДИКИЙ

Знойное лето. Едва на востоке отпылает рассвет, диск солнца оторвется от земной тверди, как навстречу его лучам раскрываются бутоны, лепестки цветов, рассыпанных на поляне, давно позабывшей о плуге. Стебли переплетены,

словно нити дивного ковра, в мозаике разноцветных трав. Самый искусный художник позавидует матушке-природе за естество и гармонию красок. Ярко-оранжевые звездочки зверобоя и розовые соцветия душистого горошка соседствуют с ромашками и васильками, желтый бессмертник с белыми розетками тысячелистника, алые маки и лилово-сиреневый чабрец – с зелеными листьями подорожника...

С высоты птичьего полета, нетронутые плугом или культиватором, луга, поляны предстают яркими коврами, сотворенными благодатной почвой, водой, сотканые лучами щедрого солнца. В балках среди кустов терновника и боярышника фонариками полыхает на высоких колючих стеблях росторопша. В этот парад цветов вступил и цикорий.

Однажды поутру забрел в заброшенный и одичавший яблоневый сад и остановился от обилия голубых соцветий в междурядьях деревьев, поросших травой. На упругих стеблях, обратив взоры к восходящему солнцу, после ночного сна раскрылись тысячи цветков.

..... *Красив на рассвете цикорий,*

полезны цветы и корни.

Бывает белой, но редко

его лепестков розетка.

Заваренные вместо чая,

бодрости прибавляют.

Цикорий, как многолетнее растение из семейства сложноцветковых, неприхотлив к условиям и достигает в росте по-

лутора метров. Обладает лечебными свойствами, содержит белок, пектин, сахар, другие полезные вещества и поэтому широко используется в фармацевтической, парфюмерной и пищевой промышленности. Культивируется в странах Средиземноморья, в Индии, Англии, Японии...

Цветы и листья собирают в период цветения с мая по август-сентябрь, а корни – осенью. Действительно, многие цветы и травы не для забавы. Кроме того, что они восхищают своей красотой, тонким ароматом, но еще и полезны в качестве лечебных средств, широко используемых в народной медицине. В величественном храме природы не существует бесполезных растений, в ней все гармонично и соразмерно. Изучайте, цените и берегите дары щедрой природы

ОРЕХИ С БЛЕСКОМ ЯНТАРЯ

Лес, роща, урочище в любую пору года одаривают человека, животных, птиц... Весной – первоцветами– подснежниками, крокусами, пролесками, адонисами... Конечно, для созерцаний, а не для промысла; летом и осенью – ягодами и грибами.

Впрочем, и зимой под снегом можно отыскать семейства хрупких и стойких с пепельно-серыми шляпками на белых ножках «мышат». Но самая благодатная пора в лесу – осень с ягодами, грибами, орехами, целебными травами. Любая прогулка по лесу, даже без охоты на его дары, одухотворяет и

умиротворяет красотой, величием этого великолепного храма природы под сводами голубого неба с солнцем в зените.

В жаркую пору посещение леса ради его безопасности от пожаров ограничено. Поэтому местом прогулок без разных там развлечений и пикников с кострами я выбрал сосновый бор, что в окрестностях поселка Грэсовский и ореховое урочище вблизи Белоглинки. Накануне подметив, что бабушки на рынке уже торгуют свежими лесными орехами – лещиной, в погожий день наведаясь в урочище. Осмотрев несколько раскидистых кустов с множеством стволов, растущих из одного гнезда, понял, что благодаря знойному лету лещина созрела раньше обычного срока.

С верхних веток плоды осыпались и лишь на нижних затененных в зеленых розетках прячутся орехи. Под кустами почва усыпана осколками скорлупы. Какие-то мелкие зверюшки успели отведать лакомство. Качнул один из упруго-гибких стволов и, прошелестев кое-где тронутыми первой позолотой листьями, на землю с дробным стуком упали несколько десятков орехов. Наклонился, чтобы собрать, но услышал за спиной шорох. обернулся – шустрая рыжевато-бурая белка с пушистым хвостом. В передних лапках держит орех. Увидела меня и с орешника прыгнула на ветку растущей поблизости сосны.

Чаще всего эти потешные зверюшки мне встречались в сосновом бору, где довольствовались шишками или гостинцами из рук добрых людей – ценителей природы, особенно в

ненастную зимнюю пору, не забывающих о «братьях наших меньших».

В ореховое урочище белку привлекли плоды. И не только белку, но и домашних коз, обгладывающих листья, охотно хрупящих орехами и «отдающих плату теплым молоком». Внешне орешки по своему золотисто-кремовому цвету похожи на янтарь, но не прозрачный. Если, не разбивая скорлупу, сделав в ней отверстия, продеть нить, то получатся красивые бусы или четки. Орехи по весу и форме разные: круглые, овальные, продолговатые и затаившиеся внутри ядрышки повторяют форму скорлупы.

Наблюдая за мною с высоты, усердно стрекочет неутомная сорока, предупреждая своих пернатых сородичей об опасности. А невидимые пауки старательно ткут нити, серебряно блестящие в лучах. Раскинув на ветках деревьев, тщетно пытаются преградить путь. Впрочем, у этих «ткачей» цель другая – поймать в липкие сети мелких насекомых.

–Тук-тук-тук, – слышались глухие удары. Неужели лесной Айболит занялся врачеванием деревьев? – предположил я и, пробиваясь сквозь густые заросли орешника, хмеля, хрустя сухим валежником, направился на звук. Вышел на освещенную солнцем полянку и увидел под зеленой кроной сосны группу местных ребяташек.

Разложив янтарно блестящие в лучах орехи на плоский камень, словно на наковальню, они усердно ударяли по ним голышами и другими твердыми предметами. Среди раско-

ловшейся скорлупы выбирали ядрышки и охотно ими лакомились. Скоро наступит черед и грецким орехам, растущим в рукотворном урочище среди сосен, хмеля, колючих кустов боярышника и шиповника, плоды которых с каждым днем обретают малиновый и ярко-красный цвета. А вот для терновника, белопенно цветущего весной, нынешний год из-за жары выдался неурожайным.

Лишь у кромки Салгира, где обилие влаги, терновник, вымахавший до четырехметровой высоты, сохранил плоды. Иссиня-фиолетового цвета они крупные, как сливы и сладковато-терпкие на вкус.

Полтора-два часа прогулки в ореховом урочище одарили не только полезными плодами, но радостью, благодатью общения с природой, зарядом бодрости для добрых дел и помыслов.

ДЛЯ БЕЛОК И ПТИЦ

После умеренно теплой первой половины зимы подморозило и запорошило белым снегом. Пейзажи стали резко контрастными, словно на черно-белой гравюре художника. Снег, блеск, сияние придали бодрости и настроения, а вездесущим ребятишкам радости и резвости от катания на санках, лыжах и коньках, лепки снеговиков и азартных игр в снежки. Вот только «братья наши меньшие», белки, птицы в парках, скверах и ближних сосновых борах и ореховых ро-

щицах приуныли – труднее стало добывать корм, да и мех, пух и перья слабо защищают от холода.

Не достать им из-под снега изумрудно-зеленых ростков травы, насекомых, не отыскать белкам оброненных воронами грецких орехов, поэтому в надежде на заботу норовят переселиться поближе к жилью человека – на подворья сел, в парки и скверы городов. Чтобы с наступлением весны в кронах деревьев резвились белки и слух своим пением услаждали птицы, человек обязан помочь им пережить суровую пору года.

Для сооружения временных кормушек затрат не потребуются. Достаточно в пластиковой бутылке из-под минеральной воды вырезать ножом или ножницами небольшое радиусом в 4-5 сантиметров оконце, а с двух сторон узкие прорезы, через которые продеть шнур и закрепить бутылку вниз горлышком с завинченной пробкой к стволу сосны или другого дерева и кормушка готова к монтажу. Остается наполнить ее зерном, крупами, грецкими или лесными орешками, другой снедью.

Таким же способом можно сделать и поилку, но в стужу вода замерзнет. Для птиц, которые с высоты полета всегда отыщут Салгир, другие речки или озера и пруды, поиск воды несложен, а вот для белок поилки не будут лишними. Дождевая или талая от снега вода после оттепели утолит жажду мелких зверьков и птиц. Пластиковых бутылок на местах недавних пикников в сосновых борах и на полянках ни

счесть. И они могли быть успешно использованы для кормушек, привязанных к деревьям.

В свободное от творчества время предпочитаю прогулки в лесу или сосновом бору, где на лоне природы царит особая аура. Находясь в этом величественном храме под нежно-голубым куполом неба с колоннами стройных сосен, вдыхая настоящий на хвое воздух, острее ощущаешь нерасторжимую связь с природой, прилив сил. Больше понимаешь и ценишь красоту и ранимость дарованного тебе Творцом мира, который каждый живущий на земле обязан сохранить и передать будущим поколениям. Особенно следует проявлять заботу о флоре и фауне, ибо человек в единой экосистеме неразрывно связан и с «братьями нашими меньшими» и с растительным миром, т. е. средой обитания. И чем она будет благоприятнее, тем радостнее и полноценней будет жизнь.

Позаботьтесь о «братьях наших меньших, обитающих в том же Гагаринском парке Симферополя, в парках и скверах крымских городов, поселков и сел, не забудьте угостить диких уток в холодных заводях Салгира и других водоемах. С приходом весны они порадуют взор и слух своим видом и пением на лоне природы в гармонии ее красоты и величия.

СТАТЬИ О ПОЭЗИИ

НЕЖНАЯ СИЛА ПОЭТА

В рязанском селе Константиново – на родине замечательного русского поэта Сергея Александровича Есенина – в дни сентября-октября традиционно проходят торжества, посвященные очередным годовщинам со дня его рождения. Праздник собирает современных поэтов, прозаиков, литературоведов, мастеров всех видов искусств, композиторов, музыкантов, художников, певцов, тысячи почитателей таланта.

Тернистым и противоречивым в бурное время революционных потрясений и социальных перемен был жизненный и творческий путь Сергея Есенина. Впрочем, они неразделимы. «Моя лирика жива одной большой любовью к Родине. Это чувство – основное в моем творчестве», – искренне признавался поэт.

Об этом убедительно свидетельствуют его произведения: ранние, преимущественно лирические, и поздние – эпические, гражданского, патриотического звучания стихи и поэмы. Есенин воспевал не только уходящую, милую его сердцу Русь, но и новую, радуясь ее индустриальной мощи.

Ранняя лирика Есенина наполнена живыми, реально осязаемыми пейзажами родной природы, явлениями окружающего мира, деталями деревенского быта и традиций.

Действительно, до Есенина и после него никто так тонко и глубоко не смог очеловечить природу, передать через нее удивительный, красочный мир человеческих чувств, волнений, боли, радости и тревоги. Точные, оригинальные сравнения, эпитеты и метафоры делают его речь живой и понят-

ной, магически волшебной, очаровывающей миллионы любителей и ценителей русской поэзии.

Отговорила роща золотая

Березовым веселым языком.

И журавли, печально пролетая,

Уж не жалеют больше ни о ком.

Или столь же, покоряющее откровением, мыслью, верой в добрые перемены и музыкой звучания, четверостишие:

Может, завтра совсем по-другому

Я уйду, исцеленный навек,

Слушать песни дождей и черемух,

Чем здоровый живет человек.

В свое время великий русский писатель Лев Николаевич Толстой писал: «Настоящий поэт сам невольно и со страданием горит и жжет других». Своей жизнью и творчеством С. Есенин подтвердил эту аксиому. В циклах стихов «Москва кабацкая», «Любовь хулигана», в поэме «Черный человек» отражены душевный кризис, мучительный поиск истины, владевшие в тот сложный послереволюционный период поэтом. Он, как истинный патриот, близко к сердцу принимал все, что происходило в России. Подтверждением тому одно из лучших произведений лирико-эпического жанра – поэма «Анна Снегина». Подлинным шедевром не только русской, но и мировой литературы, любовной лирики, стал цикл стихов «Персидские мотивы», навеянный поэзией Омара Хайяма, Саади и Фирдоуси. Великолепны строки:

*Руки милой – пара лебедей—
В золоте волос моих ныряют.
Все на этом свете из людей
Песнь любви поют и повторяют.
Пел и я когда-то далеко
И теперь пою про то же снова,
Потому и дышит глубоко
Нежностью пропитанное слово.*

Вокруг имени Сергея Есенина в разные годы бушевали политические и литературные страсти, споры по поводу ценности его творчества и сложности судьбы. Ретивые политики, среди которых был и Н. Бухарин, стремились разного рода запретами вытравить его поэзию из памяти и жизни народа. Но вопреки всему, она не только воскресала, но и одаривала людей своей красотой и силой.

Весьма сомнительна, и это подтверждено фактами, версия о самоубийстве поэта. Остается сожалеть, что судьба отмерила поэту столь короткий срок – тридцать с небольшим лет. Но и то, что он успел создать не подлежит ни тлению, ни забвению.

Через любые запреты и гонения есенинская поэзия как чистый целебный родник, пробив толщу породы, служила и продолжает служить людям, одухотворяя своей нежной магической силой. Да, действительно, поэт в России больше, чем поэт.. Пророческими стали, исполненные любви и патриотизма, стихи Есенина:

*Но и тогда,
когда во всей планете
Пройдет вражда племен,
Исчезнет ложь и грусть,
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названьем кратким «Русь».*

К сожалению, некогда единая и могучая держава Советский Союз, канула в Лету и на ее территории образовались независимые республики, но Россия, воспетая великим русским поэтом, которого М. Горький назвал человеком, созданным самой природой для ее воспевания, бережно хранит память о Есенине— творце шедевров поэзии.

Многие стихи, а они по своей природе музыкальны и ритмичны, композитором Г. Свиридовым и другими положены на музыку. Изначально певучие по своей сути, они стали народными.

Достаточно вспомнить песни: «Ты жива еще, моя старушка», «Клев ты мой опавший, клен заледенелый», «Под окошком месяц, под окошком ветер», « В чарах звездного напева» и другие. Изумительны и те прозаические произведения, которые успел создать поэт. Они отличаются богатством языка, свежи, красочны, изящны и гармоничны по содержанию, стилю и форме. Хотя поэту и был судьбой отпущен короткий срок на этой грешной, но прекрасной земле, но все же осу-

ществилась его заветная мечта, воплощенная в программном стихотворении «Стансы»:

*Хочу я быть певцом
И гражданином,
Чтоб каждому,
Как гордость и пример,
Был настоящим,
А не сводным сыном —
В великих штатах СССР!*

Несмотря на то, что штаты трансформировались в постсоветские республики, Сергей Есенин был и остается настоящим сыном Отечества. Нисколько не сомневаюсь в том, что в тех же государствах Закавказья, где у него было много друзей среди мастеров литературы и искусства, а среди современников ценителей и почитателей таланта, сочли бы за честь певца «страны березового ситца» назвать своим гражданином и сыном, ибо он человек планеты.

Не зарастает и не зарастет даже в самой отдаленной перспективе, народная тропа в дом-музей поэта в селе Константиново и в другие места, связанные с его жизнью и творчеством, ибо его поэзия на волне любви к Отечеству, его истории и культуре, объединяет сердца миллионов соотечественников, живущих в разных государствах.

Для настоящей поэзии не существует границ и барьеров, она идет от сердца к сердцу. Произведениям Сергея Есенина завещана долгая и полноценная жизнь. Каждое новое по-

коление людей с радостью постигает чарующую власть, нежную силу и красоту его неповторимых творений. Пусть же в веках святится светлое имя поэта в благодарность за бесценный дар, принесенный нынешним и будущим поколениям людей.

ПОЭЗИЯ РОЗ И ШИПОВ

В мировой плеяде выдающихся лириков особое место занимает прекрасный испанский поэт и драматург Федерико Гарсиа Лорка. Его произведения отличаются жизнеутверждающей силой, гуманизмом и оптимизмом: изысканная и страстная поэзия, по-шекспировски превосходные трагедии, среди которых «Марьяна Пинеда», «Кровавая свадьба», «Йерма» и другие.

Поэту было суждено прожить всего лишь 39 лет, оставить этот мир не по собственной воле в расцвете творческих сил. Он был расстрелян фашистами семьдесят лет назад. Не случись этого, то Федерико подарил бы человечеству немало прекрасных произведений, но и то, что им создано и удалось сохранять, обессмертило его имя, сделало символом борьбы, любви и красоты.

Для Испании Федерико Гарсиа Лорка то же, что и Сергей Есенин для России, да и судьбы поэтов во многом схожи. К тому же они были почти ровесниками, Есенин родился в 1895 году, а Лорка на два года позже и творили в эпоху кру-

тых социальных потрясений. Есенин прожил всего тридцать лет, и власть сделала все, чтобы свободолюбивый и своенравный поэт – соловьиный нежный голос России умолк. Причины насильственной гибели русского поэта у историков, искусствоведов и криминалистов, уже не вызывают сомнений.

К сожалению, многие гения страдают за свой Божий дар и раньше времени покидают, вернее им помогают покинуть этот бранный мир. Но поэты, художники, музыканты, писатели уходят, а их души, их творения навеки остаются с живущими, восхищая и очаровывая глубиной мысли, красотой и совершенством, гармонией формы и содержания. В этой сокровищнице мирового искусства – произведения Федерико Гарсиа Лорки. В них воплотились самые лучшие национальные традиции испанской культуры, горячий темперамент народа, красочность обычаев и зрелищ, удивительная природа Андалузии, Валенсии, Гранады. Каждое стихотворение – это яркий фрагмент жизни испанского народа.

Вместе с тем поэзия Лорки глубоко интернациональна и понятна людям, живущим на разных континентах. Его стихи – своеобразный театр с авторскими пьесами, служат не только источниками познания, но и как настоящее подлинное искусство представляют огромную эстетическую ценность, над которой не властно время. Они сродни старому вину, которое с годами становится все крепче и прекраснее. Лорка остается душой своего народа, выразителем его действий, дум, устремлений, ибо – через свое сердце пропустил и ра-

дось, и боль, и страдания людей. Сердце настоящего поэта никогда не бывает холодным, оно горячо, но беззащитно в своей искренности, доверчивости и доброте.

Лорка в трудные для Испании 30-е годы прошлого столетия в мрачный период разгула фашизма встал на сторону угнетенного народа. Вопреки крылатому выражению: «Когда стреляют пушки, музы молчат», его муза не молчала, как, впрочем, и музы советских фронтовых поэтов. Слово было и пулей, и штыком в бою.

Поэзия Лорки и гражданственна, и лирична, особенно его великолепные газеллы и касыды о любви, природе, передающие трепетное отношение к женщине, к красотам родного края. Эти мысли и чувства ярко отражены в «Сонете». Привожу лишь первое четверостишие:

*Я боюсь потерять
это светлое чудо,
что в глазах твоих влажных
застыло в молчанье,
Я боюсь этой ночи,
в которой не буду
прикасаться лицом
к твоей розе дыханья.*

Они созвучны произведениям других замечательных мастеров художественного слова, драматурга эпохи Возрождения Лопе де Вега, Мигеля де Сервантеса— автора всемирно знаменитого «Дон Кихота».

Преимственность идей, высокий пафос гуманизма, справедливости и свободолюбия роднят их, ибо жизнь и творчество этих патриотов едины. Убив поэта, враги бессильны были убить его поэзию, которая по-прежнему служит идеалом борьбы, любви и красоты, утверждает добро и не приемлет зло.

Известный русский поэт Николай Асеев, потрясенный гибелью Лорки, написал стихи, посвященные его памяти:

*Почему ж ты, Испания
в небо смотрела,
когда Гарсиа Лорку
увели для расстрела?
Андалузия, знала
и Валенсия знала, —
что ж земля под ногами
убийц не стонала?!
Что ж вы руки скрестили
и губы вы сжали,
когда песню родную
на смерть провозжали?!*

Поэт тонко предчувствовал трагический исход борьбы с фашизмом, уничтожающим все светлое, доброе и прекрасное, выразителем и носителем которых был мастер слова. Пророческим стало «Прощанье»

Прощаюсь у края дороги.

*загадывая родное,
спешил я на плач далекий, —
а плакали надо мною.*

*Прощаюсь у края дороги.
Иною, нездешней дорогой
уйду с перепутья
будить невеселую память
о черной минуте.*

*Не стану я влажною дрожью
звезды на восходе.*

*Вернулся я в белую рощу
беззвучных мелодий.*

В оливковой роще выстрелы оборвали жизнь поэта, мужественно. «без дрожи звезды на восходе» принявшего вызов сил реакции и мракобесия. Но несмотря на то, что навечно сомкнулись уста поэта в «роще беззвучных мелодий» его голос, испанский темперамент, нежность и мужество чувствуются в каждой строке из прекрасного сердца.

Свое жизненное кредо Гарсиа Лорка определил сам, когда написал: «Передо мной кладут на весы исход борьбы: твоё страдание и твои жертвы, а вот – справедливость для всех, хотя бы с тяготами перехода к угадываемому, но неясному будущему – и я со всей силой опускаю кулак на эту вторую чашу весов».

Поэт выбрал путь борьбы за справедливость, против коричневой чумы фашизма. «Наметив Федерика своей жерт-

вой, враги целились в самое сердце страны.

Они хотели лишить Испанию ее тончайшего аромата, прервать ее страстное дыхание, срубить под корень цветущее дерево ее смеха», – писал, также впоследствии убитый фашизмом Пиночета, великий чилийский поэт Пабло Неруда. Но поэзия Лорки, как и поэзия Неруды, продолжает жить в сердцах благодарных современников.

Русский писатель, журналист и поэт Владимир Александрович Жуков родился 19 ноября 1950 года в селе Красногвардейское, Советского района Крымской области. После окончания Чапаевской средней школы и срочной службы в Краснознаменном Одесском военном округе завершил учебу на факультете журналистики и уже в течение сорока лет плодотворно трудится в крымской прессе. Широк диапазон его творчества: проза, поэзия и публицистика, произведения для детей. Четыре года ему довелось проработать заместителем начальника городского отдела внутренних дел Джанкоя, что во многом определило основной жанр его произведений – детектив.

В. А. Жуков – член Союза журналистов СССР с января 1974 года, заслуженный журналист Автономной Республики Крым. Превыше любых материальных благ считает свободу, совесть, правду, честь и достоинство. Смело в своих публикациях вскрывает кланово-криминальную суть, алч-

ность, цинизм, лицемерие и коррумпированность чиновников, депутатов разных рангов и уровней. Зачастую они и являются главными отрицательными «героями» его произведений, проникнутых верой в справедливость, силу человеческого духа, правды и добра.

В период активной политической деятельности, будучи депутатом Верховного Совета Крыма и председателем Республиканского комитета по информации Совета министров Автономной Республики Крым, Владимир Александрович по-прежнему занимался литературным творчеством. В 1998 году в республиканском издательстве «Таврия» вышла книга остросюжетных произведений «Под знаком Скорпиона». А в 2007 году симферопольским издательством «СГТ» выпущена книга лирики «Земное притяжение любви», в 2008 году – в серии «Крым-криминал» – «Горячая версия», «Эскулап» и книга юмора, сатиры и курьезов «Яблоко раздора». А для детей книги стихов «Приключения Яши Иголкина», «Братья наши меньшие», «У кого вкуснее блюдо» .

Его повести, рассказы, судебные очерки, статьи опубликованы в газетах «Крымские известия», «Керченский рабочий», в еженедельниках «С места происшествия», «Вечерняя Керчь», журнале «Wostok» (г.Берлин . ФРГ) и в других изданиях.

**Детективы Владимира Жукова:
ГОРЯЧАЯ ВЕРСИЯ**

ЭСКУЛАП

ЗАКЛЯТОЕ МЕСТО

ПРОЩАЙ, СНЕЖАНА

ТАЙНА СТАРОГО ГРОТА

БАРХАТНЫЙ СЕЗОН

ПРАВЕДНЫЙ ГРЕХ

ДОЛГ ПЛАТЕЖОМ КРАСЕН

ЖЕНСКАЯ ИНТУИЦИЯ

СПИКЕР & К (в 2-х книгах)
(крымский бомонд)

САРКОМА

РАФАЭЛЬ И БАБЫ-ЖАБЫ
(трагикомедия)

НЕВЕСТА ДЛЯ ХУБЕРТА
(трагикомедия)

НА ВЕСАХ ФЕМИДЫ
(судебные очерки)

ЗЕМНОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ ЛЮБВИ
(рассказы, стихи, этюды)

ЯБЛОКО РАЗДОРА
(юмор, сатира, курьезы)

КРЫМ: НА РУБЕЖЕ СТОЛЕТИЙ
(4 тома, публицистика)

Книги для детей и юношества:

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЯШИ ИГОЛКИНА

БРАТЬЯ НАШИ МЕНЬШИЕ

У КОГО ВКУСНЕЕ БЛЮДО?

ЕГОРКА И БУЛАТ

КАК ЗЕРНЫШКО СТАЛО ХЛЕБОМ
ПАСЕЧНИК ВАСЯ И ПЧЕЛА АСЯ